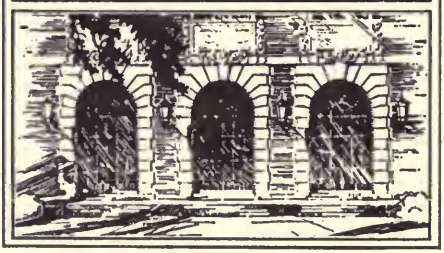
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

891.73
T58
BT585
1914

OAK ST. HDSF



113

Илья Толстой

ИЗ КНИГ
А. Н. АРСЕНЬЕВА.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1914.

891.73
T58
BT585
1914

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Характеристика дѣтей. — Впечатлѣнія ранняго дѣтства. — Мама, папа, тетенька. — Ханна. — Три Дуняши. — Начало ученія, школа 5

Глава II. Дворня. — Николай поваръ. — Алексѣй Степанычъ. — Агаѳья Михайловна. — Марья Ѳоанасьевна. — Сергѣй Петровичъ. . . . 14

Глава III. Яснополянскій домъ. — Портреты предковъ. — Кабинетъ отца 24

Глава IV. Елки. — Архитекторъ виноватъ. — Прохоръ. — Анковскій пирогъ 36

Глава V. Тетя Таня. — Дядя Костя. — Дьяковы. — Урусовъ 42

Глава VI. Поѣздки въ Самару 51

Глава VII. Игры. — Шутки отца. — Чтеніе. — Ученіе 59

Глава VIII. Верховая ѣзда. — Зеленая палочка. — Коньки 68

Глава IX. Охота 77

Глава X. Анна Каренина 87

Глава XI. Почтовый ящикъ 93

Глава XII. Сергѣй Николаевичъ Толстой. 113

Глава XIII. Фетъ. — Страховъ. — Гэ. 126

Глава XIV. Тургеневъ 138

Глава XV. Гаршинъ 150

Глава XVI. Первые темные. — Убійство Александра II. — Шіонъ. 156

Глава XVII. Конецъ 70-хъ годовъ. — Переломъ. — Шоссе 163

Глава XVIII. Переѣздъ въ Москву. — Сютаевъ. — Перенись. — Покупка дома. — Оедоровъ. — Соловьевъ 173

Глава XIX. Физическій трудъ. — Саноги. — Покосъ 181

Глава XX. Отецъ, какъ воспитатель 193

Стр.

Глава XXI. Моя женитьба. — Письма отца. — Ванечка. — Его смерть 210

Глава XXII. Помощь голодающимъ 219

Глава XXIII. Крымская болѣзнь отца. — Отношеніе къ смерти. — Желаніе пострадать. — Болѣзнь матери . . . . — 230

Глава XXIV. Смерть Маши. — Дневники. — Обмороки. — Слабость 241

Глава XXV. Тетя Маша Толстая 255

Глава XXVI. Завѣщаніе отца. — Заключеніе 265

ГЛАВА I.

Характеристика дѣтей.—Впечатлѣнія ранняго дѣтства.—Мама, папа, тетенька.—Ханна.—Три Дуняши.—Начало ученія, школа.

Въ одномъ изъ писемъ къ своей двоюродной теткѣ, Александрѣ Андр. Толстой, отецъ описываетъ своихъ дѣтей такъ:

«Старшій (Сергѣй) бѣлокурый, не дуренъ; есть что-то слабое и терпѣливое въ выраженіи и очень кроткое. Когда онъ смѣется, онъ не заражаетъ, но когда онъ плачетъ, я съ трудомъ удерживаюсь, чтобы не плакать. Всѣ говорятъ, что онъ похожъ на моего старшаго брата. Я боюсь вѣрить. Это слишкомъ бы было хорошо. Главная черта брата была не эгоизмъ и не самоотверженность, а строгая середина: онъ не жертвовалъ собою никому, но никогда никому не только не повредилъ, но не помѣшалъ. Онъ и радовался и страдалъ въ себѣ одномъ. Сережа уменъ—математическій умъ—и чутокъ къ искусству, учится прекрасно, ловокъ прыгать, гимнастиченъ, но gauche и разсѣянъ. Самобытнаго въ немъ мало, онъ зависитъ отъ физическаго. Когда онъ здоровъ и нездоровъ, то это два различные мальчика.

«Илья, третій, никогда не былъ боленъ, ширококостъ, бѣлъ, румянъ, сіяющъ, учится дурно.

«Всегда думаетъ о томъ, о чемъ ему не вѣлятъ думать. Игры выдумываетъ самъ. Горячъ и violent,

сейчасъ драться; но и нѣженъ и чувствителенъ очень. Чувственъ, любитъ поѣсть и полежать спокойно. Когда онъ ѣстъ желе смородинное и гречневую кашу, у него губы щекочетъ. Самобытенъ во всемъ. И когда плачетъ, то вмѣстѣ злится и непріятенъ, а когда смѣется, то всѣ смѣются. Все непозволенное имѣетъ для него прелесть, и онъ сразу узнаетъ. Еще крошкой онъ подслушалъ, что беременная жена чувствовала движеніе ребенка; долго его любимая игра была та, что подложить себѣ что-нибудь круглое подъ куртку и гладить напряженной рукой и шептать, улыбаясь: «Это бебичка». Онъ гладилъ также всѣ бугры въ изломанной пружинной мебели, приговаривая «бебичка».

«Недавно, когда я писалъ исторіи въ Азбуку, онъ выдумалъ свою: «Одинъ мальчикъ спросилъ: Богъ ходитъ ли на...? Богъ наказалъ его, и мальчикъ всю жизнь ходилъ». Если я умру... Илья погибнетъ, если у него не будетъ строгаго и любимаго руководителя.

«Лѣтомъ мы ѣздили купаться; Сережа верхомъ, а Илью я сажалъ къ себѣ въ сѣдло. Выхожу утромъ, оба ждутъ. Илья въ шляпѣ, съ простыней, аккуратно, сіяетъ. Сережа откуда-то прибѣжалъ, запыхавшись, безъ шляпы.—«Найди шляпу, а то я не возьму». Сережа бѣжитъ туда, сюда,—нѣтъ шляпы.—«Нечего дѣлать, безъ шляпы я не возьму тебя,—тебѣ урокъ,—у тебя всегда все потеряно». Онъ готовъ плакать. Я уѣзжаю съ Ильей и жду, — будетъ ли отъ него выражено сожалѣніе. Никакого. Онъ сіяетъ и разсуждаетъ о лошади. Жена застаетъ Сережу въ слезахъ. Ищетъ шляпу — нѣтъ. Она догадывается, что ея братъ, который пошелъ рано утромъ ловить рыбу, надѣлъ Сережину шляпу. Она пишетъ мнѣ записку, что Сережа, вѣроятно, не виноватъ въ пропажѣ шляпы, и присылаетъ его ко мнѣ въ картузѣ

Таня, Илья, Сергѣй.

(она угадала). Слышу по мосту купальни стремительные шаги Сережа вбѣгаетъ (дорогой онъ потерялъ записку) и начинаетъ рыдать. Тутъ и Илья тоже, и я немножко.

«Таня—8 лѣтъ. Всѣ говорятъ, что она похожа на Соню, и я вѣрю этому, хотя это также хорошо,

но вѣрю потому, что оно очевидно. Если бы она была Адамова старшая дочь и не было бы дѣтей меньше ея, она была бы несчастная дѣвочка. Лучшее удовольствіе ея возиться съ маленькими. Очевидно, что она находитъ физическое наслажденіе въ томъ, чтобы держать, трогать, маленькое тѣло. Ея мечта, теперь сознательная, — имѣть дѣтей. На-дняхъ мы ѣздили съ ней въ Тулу снимать ея портретъ. Она стала просить меня купить Сережѣ ножикъ, тому другое, тому третье. Она знаетъ все, что доставитъ кому наибольшее наслажденіе. Ей я ничего не покупалъ, и она ни на минутку не подумала о себѣ. Мы ѣдемъ домой. «Таня, спишь?» — «Нѣтъ». — «О чемъ ты думаешь?» — «Я думаю, какъ мы пріѣдемъ — я спрошу мама, былъ ли Леля хорошъ, и какъ я ему дамъ, и какъ тому дамъ, и какъ Сережа притворится, что онъ не радъ, а будетъ очень радъ»... Она не очень умна, она не любитъ работать умомъ, но механизмъ головы хорошій. Она будетъ женщина прекрасная, если Богъ дастъ мужа. И вотъ, готовъ дать премію огромную тому, кто изъ нея сдѣлаетъ новую женщину.

«4-й — Левъ. Хорошенькій, ловкій, памятливый, граціозный. Всякое платье на немъ сидитъ, какъ по немъ сшито. Все, что другіе дѣлаютъ, то и онъ, и все очень ловко и хорошо. Еще хорошенько не понимаетъ.

«5-я — Маша, 2 года, та, съ которой Соня была при смерти. Слабый, болѣзненный ребенокъ. Какъ молоко, бѣлое тѣло, курчавые, бѣлые волосики, большіе, странные голубые глаза, странные по глубокому, серьезному выраженію. Очень умна и некрасива. Эта — будетъ одна изъ загадокъ; будетъ страдать, будетъ искать, ничего не найдетъ, но будетъ вѣчно искать самое недоступное.

«6-й—Петръ [1])—великанъ. Огромный, прелестный бебн, въ ченцѣ, вывертываетъ локти, куда-то стремится. И жена приходитъ въ восторженное волненіе и торопливость, когда его держитъ; но я ничего не понимаю. Знаю, что физическій запасъ есть большой. А есть ли еще то, для чего нуженъ запасъ,— не знаю. Отъ этого я не люблю дѣтей до 2—3 лѣтъ—не понимаю»...

Письмо это написано въ 1872 году. Въ то время мнѣ было 6 лѣтъ. Приблизительно съ этого времени начинаются мои воспоминанія. Кое-что помню и раньше.

Я помню, напримѣръ, какъ отецъ съ кѣмъ-то горячо спорилъ объ исходѣ франко-прусской войны, помню, въ какой это было комнатѣ и около какого стола. Но съ кѣмъ онъ спорилъ, я вспомнить не могу. Тогда мнѣ было три съ половиной года.

Съ самаго ранняго моего дѣтства и до переѣзда нашей семьи въ Москву, т.-е. до 1881 года, вся моя жизнь протекла почти безвыѣздно въ Ясной Полянѣ.

Росли мы такъ:

Главный человѣкъ въ домѣ—мама. Отъ нея зависитъ все. Она заказываетъ Николаю повару обѣдъ, она отпускаетъ насъ гулять, она шьетъ намъ рубашки, она всегда кормитъ грудью какого-нибудь маленькаго и она цѣлый день торопливыми шагами бѣгаетъ по дому. Съ ней можно капризничать, хотя иногда она бываетъ сердита и наказываетъ.

Она все знаетъ лучше всѣхъ людей. Знаетъ, что надо каждый день умываться, за обѣдомъ надо ѣсть супъ, надо говорить по-французски, учиться, надо не ползать на колѣнкахъ, не класть локти на столъ,

---

[1]) Умеръ въ 1873 году.

и если она сказала, что нельзя итти гулять, потому что сейчасъ пойдетъ дождь, то это ужъ навѣрное такъ будетъ, и надо ея слушаться. Когда я кашляю, она даетъ мнѣ лакрицу или капли Датскаго короля, и я поэтому очень люблю кашлять. Когда мама̀ уложитъ меня въ постель и уйдетъ наверхъ играть съ папа̀ въ четыре руки, я долго-долго не могу заснуть, и мнѣ дѣлается обидно, что меня оставили одного, и я начинаю кашлять и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока няня не сходитъ за мама̀, и я сержусь, что она долго не идетъ.

И я ни за что не засну, пока она не прибѣжитъ и пока не накапаетъ въ рюмку ровно десять капель и не дастъ ихъ мнѣ.

Папа̀ умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ. Онъ тоже все знаетъ, но съ нимъ капризничать уже нельзя.

А когда онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ и «занимается»,—не надо шумѣть и входить къ нему никакъ нельзя. Что онъ дѣлаетъ, когда «занимается»—мы не знаемъ. Позднѣе, когда я уже умѣлъ читать, я узналъ, что папа̀ «писатель».

Это было такъ: мнѣ какъ-то понравились какіе-то стихи. Я спросилъ у мама̀: «Кто написалъ эти стихи?» Она мнѣ сказала, что ихъ написалъ Пушкинъ, и что Пушкинъ былъ великій писатель. Мнѣ стало обидно, что мой отецъ не такой. Тогда мнѣ мама̀ сказала, что и мой отецъ извѣстный писатель, и я былъ этому очень радъ.

За обѣдомъ папа̀ сидитъ противъ мама̀ и у него своя круглая серебряная ложка. Когда старушка Наталія Петровна, которая жила при бабушкѣ Татьянѣ Александровнѣ внизу, нальетъ себѣ въ стаканъ квасъ, онъ беретъ его и выпиваетъ сразу, а потомъ скажетъ: «Извините, Наталія Петровна, я нечаянно», и мы всѣ очень довольны и смѣемся и намъ странно, что папа̀ совсѣмъ не боится Наталіи Петровны. А

когда бываетъ «пирожное» кисель, то папа говоритъ, что изъ него хорошо клеить коробочки, и мы бѣжимъ за бумагой и папа дѣлаетъ изъ нея коробочки.

Мама за это сердится, а онъ ея тоже не боится.

Иногда съ нимъ бываетъ очень весело.

Онъ лучше всѣхъ ѣздитъ верхомъ, бѣгаетъ скорѣе всѣхъ, и сильнѣе его никого нѣтъ.

Онъ почти никогда насъ не наказываетъ. А когда онъ смотритъ въ глаза, то онъ знаетъ все, что я думаю, и мнѣ дѣлается страшно.

Я могу солгать передъ мама, а передъ папа не могу, потому что онъ все равно сразу узнаетъ. И ему никто никогда не лжетъ.

И всѣ наши секреты онъ тоже знаетъ. Когда мы играли въ домики подъ кустами сирени, у насъ было три большихъ секрета, и никто, кромѣ Сережи, Тани и меня, этихъ секретовъ не зналъ. Вдругъ папа пришелъ и сказалъ, что онъ знаетъ всѣ три наши секрета и что всѣ они начинаются на букву «Б», это была правда. Первый секретъ былъ, что у мама скоро будетъ «бебичка», второй, что Сережа влюбленъ въ «баронессу», а третій я теперь не помню.

Кромѣ папа и мама, у насъ была тетенька Татьяна Александровна Ергольская. Она жила съ Натальей Петровной внизу, въ угловой комнатѣ, и тамъ былъ большой образъ въ серебряной ризѣ. Мы очень боялись этого образа, потому что онъ былъ старый и черный.

А тетенька всегда лежала, и когда мы приходили къ ней, она угощала насъ вареньемъ изъ зеленой вазочки.

Она была крестной матерью Сережи и любила его больше всѣхъ.

Потомъ она умерла, и насъ повели къ ней въ комнату, когда она лежала въ гробу вся восковая.

Около нея и около чернаго образа горѣли восковыя свѣчи и было очень-очень страшно. Мама говорила, что не надо бояться, и она и папа не боялись, а мы жались въ кучку и стояли около самой мама.

Послѣ этого въ эту комнату пріѣхала другая бабушка, Пелагея Ильинична, и тоже жила съ чернымъ образомъ и тоже умерла тамъ.

Эта комната была низенькая, и противъ окна былъ колодезь, глубокій-глубокій, и онъ тоже страшный. Мама говорила, что къ нему не надо подходить, потому что можно въ него упасть и утонуть. Разъ туда упало ведро и его было трудно достать.

Еще была у насъ англичанка Ханна. Она была добрая и очень хорошая. Мы ее любили и слушались. На Рождествѣ, къ елкѣ она дѣлала намъ plum pudding. Онъ подавался къ столу, облитый ромомъ и зажженный, весь въ огнѣ. Когда мы съ ней гуляли по саду, мы вели себя хорошо и не пачкались въ травѣ, а когда разъ послали съ нами Дуняшу, мы убѣжали отъ нея въ кусты. Она намъ кричала: «Дѣти, по дорожкамъ, по дорожкамъ», и мы съ тѣхъ поръ прозвали ее «Дуняша по дорожкамъ». Другая Дуняша, горничная, все забывала и называлась «Дуняша позабылась», а третья Дуняша, жена приказчика Алексѣя Степаныча, называлась «Дуняша, мама пришла за дѣломъ».

Она жила во флигелѣ внизу и всегда запиралась на замокъ. Когда мы съ мама приходили къ ней, мы стучали въ дверь и кричали: «Дуняша, мама пришла за дѣломъ».

Тогда она отпирала клеенчатую дверь и впускала насъ. Мы любили пить у нея чай съ вареньемъ. Она давала варенье на блюдечкѣ, и у нея была только одна серебряная ложечка,—маленькая и тоненькая, вся

изжеванная. Мы знали, почему ложка такая: свинья нашла въ лаханкѣ и изжевала.

Раньше я былъ маленькій, а потомъ, когда мнѣ стало пять лѣтъ, я началъ учиться съ мамà читать и писать.

Сначала я научился по-русски, а потомъ уже по-французски и по-англійски.

Ариѳметикѣ меня училъ самъ папà.

Я слышалъ раньше, какъ онъ училъ Сережу и Таню, и я очень боялся этихъ уроковъ, потому что иногда Сережа не понималъ чего-нибудь, и папà говорилъ ему, что онъ нарочно не хочетъ понять. Тогда у Сережи дѣлались странные глаза, и онъ плакалъ. Иногда я тоже чего-нибудь не понималъ, и онъ сердился и на меня. Съ начала урока онъ всегда бывалъ добрый и даже шутилъ, а потомъ, когда дѣлалось трудно, онъ начиналъ объяснять, а мнѣ становилось страшно, и я ничего не понималъ.

Когда мнѣ было 6 лѣтъ, я помню, какъ папà училъ деревенскихъ ребятъ.

Ихъ учили въ «томъ домѣ» [1]), гдѣ жилъ Алексѣй Степанычъ, а иногда и въ нашемъ домѣ внизу.

Деревенскіе ребята приходили къ намъ и ихъ было очень много. Когда они приходили, въ передней пахло полушубками, и учили ихъ всѣ вмѣстѣ и папà, и Сережа, и Таня, и дядя Костя.

Во время уроковъ бывало весело и оживленно.

Дѣти вели себя совсѣмъ свободно, сидѣли гдѣ кто хотѣлъ, перебѣгали съ мѣста на мѣсто и отвѣчали на вопросы не каждый въ отдѣльности, а всѣ вмѣстѣ, перебивая другъ друга и общими силами припоминая прочитанное. Если одинъ что-нибудь

---

[1]) Такъ назывался каменный флигель.

пропускалъ, сейчасъ же вскакивалъ другой, третій, и разсказъ или задача возстанавливалась сообща.

Папа особенно цѣнилъ въ своихъ ученикахъ образность и самобытность ихъ языка.

Онъ никогда не требовалъ буквальнаго повторенія книжныхъ выраженій и особенно поощрялъ все «свое».

Я помню, какъ одинъ разъ онъ остановилъ мальчика, бѣгущаго въ другую комнату.

«Ты куда?»

«Къ дяденькѣ мѣлку откусить».

«Ну, бѣги, бѣги». «Не намъ ихъ учить, а учиться у нихъ надо,—сказалъ онъ кому-то, когда мальчикъ отошелъ. — Кто изъ насъ сказалъ бы такъ?» Вѣдь онъ не сказалъ «взять» или «отломить», а сказалъ точно «откусить», потому что именно откусываютъ мѣлъ отъ большого куска зубами, а не ломаютъ его.

Разъ папа заставилъ меня учить одного мальчика азбукѣ. Я очень старался, а онъ никакъ не могъ ничего понять. Тогда я разсердился и началъ его бить,—и мы подрались, и оба заплакали.

Папа подошелъ къ намъ и сказалъ мнѣ, чтобы я больше никогда не училъ, потому что я не умѣю. Я, конечно, обидѣлся и пошелъ къ мама и сказалъ ей, что я не виноватъ, потому что у Тани и у Сережи хорошіе ученики, а мой глупый и гадкій.

ГЛАВА II.

Дворня. — Николай поваръ. — Алексѣй Степанычъ. — Агаѳья Михайловна. — Марья Аѳанасьевна. — Сергѣй Петровичъ.

Я засталъ еще то время, когда намъ служили свои дворовые, изъ бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ. Теперь всѣ они сошли въ могилу, но я хочу о нихъ

Николай поваръ и Марья Аоанасьевна Арбузова.

вспомнить, потому что съ ними связаны многія мои воспоминанія о дѣтствѣ и объ отцѣ.

Когда отецъ мой женился и привезъ въ Ясную Поляну молоденькую неопытную Софью Андреевну, у него уже служилъ поваромъ Николай Михайловичъ Румянцевъ, бывшій флейтистъ изъ крѣпостного оркестра покойнаго князя Николая Сергѣевича Волконскаго.

Когда мы, дѣти, спрашивали его, почему онъ пересталъ играть на флейтѣ, онъ говорилъ, что онъ потерялъ «амбушюру» [1]), и тогда его отдали въ повара.

До женитьбы отца онъ получалъ жалованья пять рублей въ мѣсяцъ, а послѣ, когда пріѣхала мама, она назначила ему шесть рублей, и на этомъ жалованьи онъ прожилъ до конца, т.-е. приблизительно до конца 80-хъ годовъ.

Послѣ него, на его мѣсто поступилъ его сынъ Семенъ Николаевичъ, крестникъ мама, и этотъ милый и достойный человѣкъ, товарищъ моихъ дѣтскихъ игръ, живетъ у насъ до сихъ поръ. Подъ контролемъ моей матери, онъ съ нѣжной заботливостью готовилъ отцу вегетаріанское питаніе, и не будь его, кто знаетъ, быть-можетъ, мой отецъ и не дожилъ бы до своего преклоннаго возраста. За послѣдніе года отецъ чувствовалъ себя хорошо только въ Ясной и всякій разъ, какъ уѣзжалъ и попадалъ на непривычное ему питаніе, онъ заболѣвалъ гастрическими недомоганіями.

Николай поваръ былъ типичный крѣпостной со всѣми ихъ качествами и недостатками.

Онъ былъ грязенъ, любилъ выпить, иногда напивался до того, что за него приходила готовить

---

[1]) «Embouchure» техническій терминъ: необходимое для игры на духовыхъ инструментахъ умѣніе складывать губы.

его жена, но «господъ» онъ уважалъ до низкопоклонства и боялся. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ старыхъ людей, какихъ я засталъ еще довольно много, которые жалѣли о крѣпостной зависимости и совершенно не радовались волѣ.

— «Намъ тогда лучше было», говаривалъ онъ: «держали насъ строго, баловаться не давали и опекали хорошо. Бывало, знаешь, что не пропадешь съ голоду. А теперь, выгонятъ меня отсюда,— куда я пойду отъ своихъ господъ?»

Мы любили забѣгать къ нему въ кухню и выпрашивать у него горячіе пирожки или «левашники». Эти левашники дѣлались изъ раскатаннаго тѣста, и внутри ихъ было варенье. Чтобы они не «садились», Николай надувалъ ихъ съ уголка воздухомъ. Не черезъ соломинку, а прямо такъ, губами. Это называлось les soupirs de Nicolas.

Разъ нашъ учитель французъ М-г Nief убилъ въ саду козюлю (гадюку), отрѣзалъ ей перочиннымъ ножомъ голову и, чтобы доказать намъ, дѣтямъ, что она сама не ядовита, онъ рѣшилъ ее изжарить и съѣсть.

Мы вмѣстѣ съ нимъ пошли въ кухню.

Онъ подошелъ къ Николаю Михайловичу и, показывая ему козюлю, которая висѣла въ его рукѣ, ломаннымъ русскимъ языкомъ сталъ просить его дать ему сковородку. Мы притаились въ дверяхъ и ждали, что будетъ.

Николай Михайловичъ долго не могъ понять, что ему говорилъ французъ. Наконецъ, когда дѣло объяснилось, онъ взялъ изъ угла «чапельникъ» и, замахнувшись надъ головой М-г Nief'а, началъ ему кричать: «пошелъ вонъ, нехристь, дамъ я тебѣ барскую посуду поганить, вонъ иди. Намедни бѣлку принесъ жарить, теперь вовсе козюлю. Иди вонъ».

— «Qu'est ce qu'il dit, qu'est ce qu'il dit?»—спрашивалъ у насъ M-r Nief, смущенно пятясь, а мы были рады и со смѣхомъ побѣжали разсказывать объ этомъ мама.

Алексѣй Степановичъ Орѣховъ, тоже изъ крѣпостныхъ, былъ ясенскій крестьянинъ.

Когда отецъ былъ въ Севастополѣ, онъ бралъ его съ собой въ видѣ казачка.

Я помню, какъ отецъ разсказывалъ мнѣ, что во время осады Севастополя въ 4-мъ бастіонѣ онъ жилъ съ товарищемъ, у котораго тоже былъ лакей. И этотъ лакей былъ ужасный трусъ. Когда его посылали въ солдатскій котелъ за обѣдомъ, онъ все время уморительно пригибался и прятался отъ летающихъ снарядовъ и пуль, а Алексѣй Степановичъ не боялся и шелъ смѣло.

Поэтому Алексѣя никогда никуда не посылали, а посылали того, труса, и всѣ офицеры выходили смотрѣть, какъ онъ крался, на каждомъ шагу припадая къ землѣ и кланяясь.

Я засталъ Алексѣя Степановича яснополянскимъ приказчикомъ (управляющимъ). Онъ жилъ въ «томъ домѣ» съ Дуняшей.

Онъ былъ человѣкъ степенный, ровный, и мы, дѣти, его очень уважали и удивлялись, что папа говоритъ ему «ты».

Дальше я разскажу объ его смерти.

Сначала, въ «томъ домѣ» на кухнѣ, а потомъ на дворнѣ, жила старушка Агаоья Михайловна.

Высокая, худая, съ большими породистыми глазами и прямыми, какъ у вѣдьмы, сѣдѣющими волосами, она была немножко страшная, но больше всего странная.

Давно-давно она была горничной у моей прабабушки гр. Пелагеи Николаевны Толстой, бабки моего отца, рожденной княжны Горчаковой.

Она любила разсказывать про свою молодость:

— «Я красивая была. Бывало съѣдутся въ большомъ домѣ господа. Графиня позоветъ меня: «Гашетъ, фамбръ де шамбръ, аппортэ муа унъ мушуаръ». А я: «тутсвитъ мадамъ ля контессъ». А они на меня смотрятъ, глазъ не сводятъ. Я иду во флигель, а меня на дорожкѣ караулятъ, перехватываютъ. Сколько разъ я ихъ обманывала. Возьму да и побѣгу кругомъ, черезъ канаву. Я этого и тогда не любила. Такъ дѣвицей и осталась».

Послѣ смерти моей бабушки, Агаоья Михайловна попала почему-то на дворню и ходила за овцами. И она такъ полюбила овецъ, что потомъ всю жизнь не могла ѣсть баранины.

Послѣ овецъ, она полюбила собакъ, и я ее помню уже только въ этотъ періодъ ея жизни.

Собаки были для нея все.

Она жила вмѣстѣ съ ними въ страшной вони и грязи, и всю свою душу отдала на нихъ.

У насъ всегда были легавыя, гончія и борзыя, и эта псарня, иногда очень многочисленная, всегда управлялась Агаоьей Михайловной, которой давался въ помощники какой-нибудь мальчишка, большей частью неповоротливый и глупый.

Съ памятью объ этой своеобразной и умной старухѣ у меня связано много интересныхъ воспоминаній. Большинство изъ нихъ запечатлѣлось у меня въ связи съ разсказами о ней моего отца. Всякую интересную психологическую черту онъ умѣлъ подмѣтить и выдѣлить, и эти-то черточки, сообщенныя имъ большей частію случайно, счастливо запали въ моей памяти.

Онъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ Агаѳья Михайловна какъ-то жаловалась ему на безсонницу. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее помню, она болѣла тѣмъ, что «растетъ во мнѣ береза, отъ живота кверху и подпираетъ въ грудь и дышать отъ этой березы нельзя».

Жалуется она на безсонницу, на березу: «Лежу я одна, тихо, только часы на стѣнѣ тикаютъ: кто ты, что ты, кто ты, что ты, — я и стала думать: кто я, что я? и такъ всю ночь объ этомъ и продумала».

— «Подумай, вѣдь это «гноти сеаутонъ», «познай самого себя», вѣдь это Сократъ!» говорилъ Левъ Николаевичъ, разсказывая объ этомъ и восторгаясь.

По лѣтамъ пріѣзжалъ къ намъ братъ мама, Степа, учившійся въ то время въ училищѣ Правовѣдѣнія. Осенью онъ съ отцомъ и съ нами ѣздилъ на охоту съ борзыми, и за это Агаѳья Михайловна его любила.

Весной у Степы были экзамены.

Агаѳья Михайловна это знала и съ волненіемъ ждала извѣстій, выдержитъ онъ или нѣтъ.

Разъ она зажгла передъ образомъ свѣчку и стала молиться о Степиныхъ экзаменахъ.

Въ это время она вспомнила, что борзыя у нея вырвались и что ихъ до сихъ поръ нѣтъ дома. «Господи, забѣгутъ куда-нибудь, бросятся на скотину, бѣды надѣлаютъ.

«Батюшка, Николай угодникъ, пускай моя свѣчка горитъ, чтобъ собаки скорѣе вернулись, а за Степана Андреевича я другую куплю. Только я это подумала, слышу въ сѣнцахъ собаки ошейниками гремятъ, пришли, слава Богу. Вотъ что значитъ молитва».

Другой любимецъ Агаѳьи Михайловны былъ частый нашъ гость, молодой человѣкъ Миша Стаховичъ.

Агаѳья Михайловна, справа Стена, слѣва М. С.
(Счастливая любовь и ревность.)

— «Вотъ, графинюшка, что вы со мной сдѣлали», укоряла она сестру Таню, «познакомили меня съ М. А., а я въ него и влюбилась на старости лѣтъ, вотъ грѣхъ-то».

5-го февраля, въ свои именины, Агаоья Михайловна получила отъ Стаховича поздравительную телеграмму.

Ее принесъ нарочный съ Козловки.

Когда объ этомъ узналъ папà, онъ шутя сказалъ Агаоьѣ Михайловнѣ: «и не стыдно тебѣ, что изъ-за твоей телеграммы человѣкъ пёръ ночью по морозу три версты?»

— «Пёръ, пёръ! Его ангелы на крылушкахъ несли, а не пёръ... вотъ объ пріѣзжей жидовкѣ три телеграммы, да о Голохвотихѣ каждый день телеграммы— это не пёръ! а мнѣ поздравленіе, — такъ пёръ», разворчалась она, и, дѣйствительно, нельзя было не почувствовать, что она была права.

Эта единственная въ году телеграмма, адресованная на псарню, по тому счастью, которое она доставила Агаѳьѣ Михайловнѣ, конечно, была много важнѣе разныхъ извѣщеній о балѣ, даваемомъ въ Москвѣ въ честь дочери еврейскаго банкира, или о пріѣздѣ въ Ясную Ольги Андреевны Голохвастовой.

Когда Алексѣй Степановичъ умиралъ, онъ лежалъ больной совсѣмъ одинъ въ своей комнатѣ, и Агаѳья Михайловна подолгу сиживала у него, ухаживала за нимъ и занимала его разговорами. Онъ болѣлъ долго, кажется, ракомъ желудка.

Его жена, «Дуняша, мама пришла за дѣломъ», умерла на нѣсколько лѣтъ раньше его.

Вотъ, въ одинъ изъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ, когда Алексѣй Степанычъ лежалъ, а Агаѳья Михайловна сидѣла у него и поила его чаемъ, они разговорились о смерти и условились, что тотъ изъ нихъ,

который будетъ умирать раньше, разскажетъ другому, хорошо ли умирать.

Когда Алексѣй Степанычъ ослабѣлъ совсѣмъ, и когда стало ясно, что смерть близка, Агаоья Михайловна не забыла объ этомъ разговорѣ и спросила его, хорошо ли ему?

— «Очень хорошо, Агаоья Михайловна», отвѣтилъ онъ, и это были чуть ли не послѣднія его слова. (1882 годъ.)

Она любила про это вспоминать, и я этотъ разсказъ слышалъ и отъ нея и отъ отца.

Онъ всегда страшно чутко прислушивался къ смерти и гдѣ могъ, ловилъ мельчайшія подробности того, что переживаютъ умирающіе.

Въ его душѣ этотъ разсказъ связывался съ памятью его старшаго брата Дмитрія, съ которымъ онъ условился, что тотъ изъ нихъ, кто раньше умретъ, послѣ смерти придетъ и разскажетъ, какъ онъ живетъ «тамъ».

Но Дмитрій Николаевичъ умеръ на 50 лѣтъ раньше отца и не приходилъ къ нему ни разу.

Агаоья Михайловна любила не однѣхъ только собакъ. У нея была мышь, которая приходила къ ней, когда она пила чай, и подбирала со стола хлѣбныя крошки.

Разъ мы, дѣти, сами набрали земляники, собрали въ складчину 16 коп. на фунтъ сахара, и сварили Агаоьѣ Михайловнѣ баночку варенья. Она была очень довольна и благодарила насъ.

— «Вдругъ, разсказываетъ она, хочу я пить чай, берусь за варенье, а въ банкѣ мышь. Я его вынула, вымыла теплой водой, насилу отмыла, и пустила опять на столъ».

— «А варенье?»

— «Варенье выкинула, вѣдь мышь поганый, я послѣ него ѣсть не стану».

Агаоья Михайловна умерла въ началѣ 90-хъ годовъ. Тогда охотничьихъ собакъ въ Ясной уже не было, но около нея ютились какія-то дворняжки, которыхъ она оберегала и кормила до послѣднихъ своихъ дней.

Съ благодарностью вспоминаю мою старую няню, Марью Аоанасьевну, безцвѣтную, но добрую старушку, выпяньчившую насъ, пятерыхъ старшихъ дѣтей. У нея были ключи отъ кладовой, и мы любили забѣгать къ ней и выпрашивать у нея «минзюмъ, миндаль».

Ея сынъ, Сергѣй Петровичъ Арбузовъ, служилъ у насъ много лѣтъ лакеемъ, и съ нимъ потомъ (въ 1881 году) отецъ ходилъ въ Оптину пустынь. Онъ былъ по профессіи столяръ, страдалъ запоемъ и носилъ ярко-рыжія баки.

Другой ея сынъ, Павелъ, сапожникъ, жилъ въ деревнѣ и былъ первымъ учителемъ моего отца, когда онъ началъ увлекаться сапожнымъ ремесломъ.

ГЛАВА III.

Яснополянскій домъ.—Портреты предковъ.—Кабинетъ отца.

Я помню яснополянскій домъ еще въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ первые годы послѣ женитьбы отца.

Это былъ одинъ изъ двухъ каменныхъ, двухъэтажныхъ флигелей, прилегавшихъ къ старинному барскому дому кн. Волконскихъ, проданному отцомъ на сносъ во время его холостой жизни.

Изъ разсказовъ отца я знаю, что тотъ домъ, въ которомъ онъ родился и выросъ, былъ трехъэтажный и въ немъ было 36 комнатъ.

Мѣсто, гдѣ былъ старый домъ. + лиственница, на макушкѣ которой родился Л. Н. Вдали виденъ „тотъ домъ“.

На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, между двумя флигелями, до сихъ поръ видны остатки каменнаго фундамента, въ видѣ защебнепныхъ канавокъ, и теперь на этой площади выросли уже, посаженныя отцомъ, старыя, шестидесятилѣтнія деревья.

Когда кто-нибудь спрашивалъ отца, гдѣ онъ родился, онъ показывалъ на высокую лиственницу, растущую на мѣстѣ стараго фундамента.

— Вонъ тамъ, гдѣ теперь макушка этой лиственницы, была маменькина комната; тамъ я и родился, на кожаномъ диванѣ, — говорилъ онъ. И бывало странно, закинувъ голову, смотрѣть на тоненькую макушку дерева и представлять себѣ, что тамъ когда-то была комната, и стоялъ тотъ самый кожаный диванъ орѣховаго дерева, на которомъ родились и мы, старшія дѣти, и который стоитъ теперь въ кабинетѣ папа̀, и что когда-то давно-давно папа̀ былъ маленькій и у него была маменька, совсѣмъ какъ у насъ.

Только папа̀ не помнилъ своей маменьки. Она умерла, когда ему было 2 года, и онъ зналъ о ней только изъ разсказовъ своихъ родныхъ.

Она была небольшого роста, некрасивая, но у нея были ясные лучистые глаза, большіе и добрые.

Она умѣла удивительно интересно разсказывать дѣтскія сказки, и папа̀ говорилъ, что отъ нея его старшій братъ Николай унаслѣдовалъ свою талантливость.

Папа̀ рѣдко говорилъ о своей маменькѣ, а когда говорилъ — это бывало очень хорошо, потому что тогда пробуждалось въ немъ какое-то особенное настроеніе, мягкое и нѣжное. Въ его словахъ слышалась такая почтительная любовь и такое уваженіе къ ея памяти, что она казалась намъ святой.

Отца своего папа̀ помнилъ хорошо, потому что онъ умеръ, когда ему было 9 лѣтъ. Его онъ тоже

Родители отца.

любилъ, говорилъ о немъ всегда съ почтеніемъ, но чувствовалъ что память маменьки, которую онъ не зналъ, для него дороже, и что онъ ее любилъ гораздо больше отца.

Исторіи продажи стараго дома я точно не знаю до сихъ поръ.

Отецъ говорилъ объ этомъ неохотно, и поэтому я никогда не рѣшался подробно разспросить его, какъ это случилось.

Я знаю только, что домъ проданъ однимъ изъ родственниковъ отца, управлявшимъ его дѣлами по довѣренности, въ то время, когда онъ былъ на Кавказѣ, за пять тысячъ рублей ассигнаціями.

Говорили, что это было сдѣлано для покрытія его карточныхъ проигрышей.

Все это вѣрно.

Отецъ самъ разсказывалъ мнѣ, что одно время онъ сильно игралъ въ карты, помногу проигрывалъ, и что его имущественныя дѣла бывали очень запутаны.

Единственное, въ чемъ я сомнѣваюсь—это былъ ли домъ проданъ съ вѣдома и по порученію отца, или, быть-можетъ, родственникъ перестарался и рѣшился на этотъ шагъ по своей собственной иниціативѣ.

Возможно и это.

Отецъ такъ чтилъ память своихъ родителей и такъ тепло относился къ пережиткамъ своего дѣтства, что не вѣрится, чтобы у него могла подняться рука на тотъ домъ, въ которомъ онъ родился и выросъ самъ, и въ которомъ протекла вся жизнь его матери...

Зная отца, я готовъ вѣрить тому, что, написавъ съ Кавказа своему родственнику: «продай что-нибудь», онъ никакъ не могъ ожидать, что будетъ проданъ домъ, и что потомъ онъ принялъ этотъ поступокъ на себя.

Не потому ли онъ всегда такъ неохотно объ этомъ говорилъ?

Въ 1871 году, когда мнѣ было пять лѣтъ, къ нашему дому начали пристраивать залу и кабинетъ.

Я помню, какъ работали каменщики, помню, какъ, при закладкѣ дома, положили подъ уголъ жестяную коробочку съ серебряными деньгами, какъ пробивали въ старомъ домѣ двери, и особенно ясно помню, какъ дѣлали паркетъ. Я любилъ сидѣть на полу съ столярами и слѣдить, какъ они прилаживали дубовыя дощечки, выстрагивали ихъ, намазывали жидкимъ пахучимъ клеемъ, и туго загоняли молотками въ пазы.

Когда паркетъ кончили и натерли воскомъ, онъ былъ такой скользкій, что по немъ было страшно ходить.

А когда онъ началъ ссыхаться, то часто онъ громко стрѣлялъ, какъ изъ ружья, и если въ комнатѣ никого не было, то становилось жутко, и я убѣгалъ.

Въ залѣ, по стѣнамъ развѣсили старые портреты дѣдовъ.

Они были немножко страшные, и я ихъ сначала тоже боялся, но потомъ мы привыкли къ нимъ, и одного изъ нихъ, моего прадѣда, Илью Андреевича Толстого, я даже полюбилъ, потому что говорили, что я на него похожъ.

У него было очень добродушное, толстое лицо. Про него папа разсказывалъ по преданіямъ, что онъ посылалъ стирать бѣлье за границу, былъ страшный хлѣбосолъ, веселый и щедрый, и на своемъ вѣку прожилъ огромное состояніе своей жены.

Рядомъ съ нимъ висѣлъ портретъ другого моего прадѣда, князя Николая Сергѣевича Волконскаго, отца моей бабки, съ черными густыми бровями, въ сѣдомъ парикѣ и красномъ кафтанѣ.

Этотъ Волконскій выстроилъ всѣ постройки Ясной Поляны. Онъ былъ образцовый хозяинъ, умный и

гордый, и пользовался громаднымъ почетомъ среди всей округи.

На другой стѣнѣ, между дверьми, весь простѣнокъ занимаетъ большой портретъ слѣпого старика, князя Горчакова, отца моей прабабки Пелагеи Николаевны Толстой, жены Ильи Андреевича.

Онъ сидитъ у полукруглаго столика съ опущенными вѣками, и около него, съ двухъ сторонъ, лежатъ носовые платки, которыми онъ вытиралъ свои слезящіеся глаза.

Разсказывали про него, что онъ былъ очень богатъ и очень скупъ. Онъ любилъ считать деньги и цѣлыми днями пересчитывалъ свои ассигнаціи.

А когда ослѣпъ, онъ заставлялъ одного изъ своихъ приближенныхъ, которому одному только довѣрялъ, приносить къ нему завѣтную шкатулку краснаго дерева, отпиралъ ее своимъ ключомъ, и наощупь снова и снова пересчитывалъ старыя, мятыя бумажки.

А въ это время довѣренный его незамѣтно выкрадывалъ деньги и на ихъ мѣсто клалъ газетную бумагу.

И старикъ перебиралъ эту бумагу тонкими трясущимися пальцами и думалъ, что онъ считаетъ деньги.

Дальше висятъ портреты монахини съ четками, матери Горчакова, рожденной кн. Мордкиной (1705 г.), потомъ жены Николая Сергѣевича Волконскаго, рожденной кн. Трубецкой, и отца Волконскаго, того самаго, который разсадилъ яснополянскій паркъ, «пришпекты» и липовыя аллеи.

Внизу, подъ залой, рядомъ съ передней, папа устроилъ себѣ кабинетъ. Въ стѣнѣ онъ велѣлъ сдѣлать полукруглую нишу и въ ней помѣстилъ мраморный бюстъ своего любимаго покойнаго брата Николая.

Этотъ бюстъ сдѣланъ за границей съ маски, и папа говорилъ намъ, что онъ очень похожъ, по-

Въ серединѣ слѣпой кн. Горчаковъ, справа Илья Андреевичъ Толстой, слѣва кн. Николай Сергѣевичъ Волконскій.

тому что его дѣлалъ хорошій скульпторъ по указаніямъ самого папà.

У него доброе и немножко жалкое лицо. Волосы причесаны по-дѣтски гладко, съ проборомъ на боку, усовъ и бороды нѣтъ, и весь онъ бѣлый, чистый-чистый.

Кабинетъ папà перегороженъ пополамъ большими книжными шкапами, въ которыхъ много-много разныхъ книгъ. Чтобы шкапы не падали, они связаны между собой большими деревянными брусками, и между ними сдѣлана тонкая березовая дверь, за которой папашинъ письменный столъ и его полукруглое, старинное кресло.

Одинъ изъ этихъ брусковъ цѣлъ до сихъ поръ. Я и теперь боюсь на него смотрѣть, потому что я знаю, что папà одно время хотѣлъ на немъ повѣситься.

Но объ этомъ послѣ...

На стѣнахъ оленьи рога, привезенные отцомъ съ Кавказа, и одна оленья голова, набитая въ видѣ чучела.

На эти рога онъ вѣшаетъ полотенце и шляпу. Тутъ же на стѣнѣ висятъ портреты: Диккенса, Шопенгауера, Фета въ молодости, и извѣстная группа писателей изъ кружка Современника 1856 года. На ней Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Григоровичъ, Дружининъ и отецъ, совсѣмъ еще молодой, безъ бороды, въ офицерскомъ мундирѣ.

Утромъ папà выходитъ изъ спальни,—которая наверху въ углу дома,—въ халатѣ, съ сваленной въ кучу нечесанной бородой, и идетъ внизъ одѣваться.

Потомъ онъ выходитъ изъ кабинета свѣжій, бодрый, въ сѣрой блузѣ и идетъ въ залу пить кофе.

Мы въ это время завтракаемъ.

Когда гостей нѣтъ, онъ сидитъ въ залѣ недолго, беретъ съ собою стаканъ чаю и уходитъ къ себѣ.

А если есть гости, или друзья, онъ начинаетъ разговаривать, увлекается и никакъ не можетъ уйти. Заткнувъ одну руку за кожаный поясъ, а въ другой держа передъ собою серебряный подстаканникъ съ полнымъ стаканомъ чая, онъ останавливается у дверей и часто подолгу, иногда по полчаса стоитъ на одномъ мѣстѣ, не замѣчая, что чай его давно остылъ, и все говоритъ, говоритъ, и почему-то какъ разъ въ эту минуту разговоръ дѣлается особенно интереснъ и оживленъ.

И всѣ мы знаемъ это мѣсто на порогѣ, и отлично знаемъ, что когда папа, съ чаемъ въ рукахъ, рѣшительно идетъ къ двери,—значитъ онъ сейчасъ остановится, чтобы сказать свое заключительное, послѣднее слово,—и тутъ-то и начнется самое интересное.

Наконецъ папа уходитъ заниматься. Мы разбѣгаемся, зимой по класснымъ комнатамъ, а лѣтомъ въ садъ, или на крокетъ, мама садится въ залѣ шить что-нибудь для малышей, или переписываетъ то, что она не успѣла кончить вчера ночью, и до 3—4 часовъ въ домѣ полная тишина.

Потомъ папа выходитъ изъ кабинета и отправляется на прогулку. Иногда съ ружьемъ и собакой, иногда верхомъ, а иногда и просто пѣшкомъ въ Казенную засѣку. Въ пять звонятъ въ колоколъ, который виситъ на сломанномъ суку стараго вяза противъ дома, мы бѣжимъ мыть руки и собираемся къ обѣду.

Часто папа запаздываетъ, и его поджидаютъ. Онъ приходитъ немножко сконфуженный и извиняется передъ мама, наливаетъ себѣ неполную серебряную рюмку травнику и садится за столъ.

Онъ очень голоденъ и ѣстъ жадно, все, что попадается подъ руку. Мама его останавливаетъ, проситъ не наѣдаться одной кашей, потому что будутъ еще котлеты и зелень—«у тебя опять печень забо-

литъ», — но онъ не слушаетъ ея и проситъ еще и еще, пока не наѣстся досыта.

Потомъ онъ разсказываетъ впечатлѣнія своей прогулки: гдѣ онъ поднялъ выводокъ тетеревей, какія новыя тропинки онъ разыскалъ въ Засѣкѣ за «Кудеяровомъ колодцемъ», какъ молодая лошадь, которую онъ объѣзжалъ, стала понимать шенкель и поводъ,—все это ярко и интересно, и время проходитъ весело и оживленно.

— Мама, а какое нынче пирожное? — вдругъ спрашиваетъ Таня, всегда смѣлая и независимая.

— Илюшино любимое,—блинчики съ вареньемъ,— серьезно отвѣчаетъ мама, не замѣчая въ тонѣ Тани оттѣнка шутки, повторяемой слишкомъ часто.

Я сижу рядомъ съ папа, и боюсь взять больше двухъ блинчиковъ. Зато варенья можно взять побольше, потому что его можно сейчасъ же закрыть другимъ блиномъ и свернуть въ трубку такъ, что будетъ незамѣтно. Только что я приготовилъ все, хочу ѣсть, папа незамѣтно протягиваетъ руку, отнимаетъ тарелку и говоритъ: «ну, теперь довольно». И я не знаю, что мнѣ дѣлать: плакать или смѣяться. Хорошо, что папа взглянулъ мнѣ въ глаза и засмѣялся,—а то я бы разревѣлся.

Послѣ обѣда папа опять уходитъ къ себѣ читать какую-нибудь книгу, потомъ въ 8 часовъ подаютъ чай, и начинаются самые лучшіе вечерніе часы, когда всѣ собираются въ залѣ, большіе разговариваютъ, читаютъ вслухъ, играютъ на фортепіано, а мы, или слушаемъ большихъ, или затѣваемъ что-нибудь свое, веселое, и съ трепетомъ ждемъ, что вотъ-вотъ старинные, англійскіе часы на площадкѣ лѣстницы щелкнутъ, засипятъ, и звонко и медленно пробьютъ десять.

«А, можетъ-быть, мама не замѣтитъ?» Она сидитъ въ маленькой гостиной и переписываетъ.

— Дѣти, спать пора, прощайтесь!

— Сейчасъ, мама, пять минутокъ только.

— Идите, идите, пора, а то завтра опять васъ не подымешь, учиться надо.

Прощаемся поспѣшно, ища какой-нибудь задержки, и идемъ внизъ, подъ своды. И обидно, что мы еще маленькіе и должны уходить,—а большіе могутъ сидѣть и не ложиться, сколько хотятъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ безъ насъ? Навѣрное, вотъ теперь, какъ разъ, когда мы ушли, у нихъ начинается самое веселое.

Не даромъ папа всегда любитъ говорить: «когда я вырасту большой». Онъ шутитъ, потому что ему ничего не нужно, онъ уже большой и у него все есть, а мнѣ такъ всего этого хочется!

У него три ружья, кинжалы, собаки, верховая лошадь, онъ никогда не учится, а я еще долго буду маленькій и буду спать въ дѣтской, въ темнотѣ, съ Маріей Аоанасьевной, которая уже погасила сальную свѣчку и велитъ мнѣ не ворочаться.

Заплакать?

Нѣтъ, не надо. Лучше закроюсь съ головой и засну.

И не успѣешь закрыть глаза и забыться, какъ уже утро,—веселое и ясное.

Сейчасъ одѣнусь, побѣгу въ садъ,—тамъ мы съ Таней вырыли въ землѣ подвалъ и кладовую. Потомъ побѣгу ловить бабочекъ въ густой травѣ около «Чепыжа».

Надо непремѣнно поймать «Махаона». У Сережи есть одинъ, а у меня нѣтъ. Потомъ буду учиться,—но это ничего, объ этомъ не надо думать,—а потомъ опять завтракъ, купанье, обѣдъ...

— Какъ жизнь хороша! Какъ ярко горитъ солнце! Какъ громко поетъ подъ окномъ соловей! Какъ много-много хорошаго впереди...

ГЛАВА IV.

Елки.—Архитекторъ виноватъ.—Прохоръ.—Анковскій пирогъ.

Очень яркія воспоминанія остались у меня отъ нашихъ дѣтскихъ елокъ. Какъ весело бывало, когда съѣдутся на Рождествѣ гости: Дьяковы, Феты, дядя Костя, навезутъ подарковъ, кучи сластей, и мы нѣсколько дней живемъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи и приготовленіяхъ, загадываемъ, кому что подарятъ, мечтаемъ и волнуемся.

Еще за двѣ недѣли до Рождества мама съѣздитъ въ Тулу, накупитъ деревянныхъ куколокъ-скелетцевъ, и мы начинаемъ ихъ одѣвать.

Для этого у нея въ комодѣ цѣлый годъ собираются остатки разныхъ матерій, обрѣзки лентъ, косячки бархата и ситца. Она торжественно приноситъ въ залъ большой черный узелъ и всѣ мы, сидя у круглаго стола съ иголками въ рукахъ, сосредоточенно шьемъ разныя юбочки, панталончики и шапочки, украшаемъ ихъ золотыми галунами и лентами и радуемся, когда изъ голыхъ деревяжекъ съ глупыми раскрашенными лицами дѣлаются нарядные, красивые мальчики и дѣвочки. И кажется даже, что когда они одѣты, ихъ лица дѣлаются умнѣе, и у каждаго появляется свое, очень интересное выраженіе.

Эти куколки готовятся для деревенскихъ дѣтей, а своихъ подарковъ мы никто не знаемъ.

Въ сочельникъ вечеромъ пріѣзжаютъ священники и служатъ всенощную. Въ день Рождества мы съ утра одѣты по-праздничному, и въ залѣ на мѣстѣ обѣденнаго стола стоитъ огромная густая елка, отъ которой на всю комнату пріятно пахнетъ лѣсной хвоей.

Обѣдаемъ торопясь, только бы поскорѣе кончить, и бѣжимъ въ свои комнаты.

Въ это время двери залы запираются, и большіе убираютъ елку и раскладываютъ по столикамъ наши подарки. Мы двадцать разъ подбѣгаемъ къ дверямъ, спрашиваемъ, скоро ли готово, подсматриваемъ въ ключевину и время кажется длиннымъ-длиннымъ.

Наконецъ насъ зовутъ. Двери изъ гостиной отпираются и мы всѣ, толпой, влетаемъ въ залу.

Яркій блескъ елочныхъ свѣчей ослѣпляетъ, и стоишь растерянный и не знаешь, что дѣлать. Но это только одна секунда,—сейчасъ же опомнишься и ищешь свой столикъ, на которомъ аккуратно разложены подарки,—кукла, закрывающая глаза, большой карандашъ, календарь, перочинный ножикъ, кухонная плита и посуда и т. д. Разсмотришь свое и бѣжишь смотрѣть, что у Тани и Сережи. У нихъ еще лучше. Танина кукла больше моей, она тоже закрываетъ глаза, когда ложится, но у нея подъ платьемъ два шнурочка съ голубыми бисериками на концахъ и когда за нихъ тянешь, то она кричитъ «папа» и «мама».

А у Сережи ружье, которое громко стрѣляетъ пробкой, и жестяные часы съ цѣпочкой.

Въ это время мама раздаетъ куколки и пряники деревенскимъ ребятамъ. Ихъ впустили въ другія двери, и они стоятъ кучей съ правой стороны елки и на нашу сторону не переходятъ. «Тетенька, мнѣ, мнѣ куколку. Ванькѣ ужъ давали, мнѣ гостинцу не хватило».

— «Погодите, погодите, сначала маленькимъ, большимъ послѣ, тебѣ стыдно въ куклы играть, ты вонъ какой большой, погоди, если хватитъ, дамъ и тебѣ», уговариваетъ мама, стараясь никого не обидѣть и надѣляя каждаго.

Въ это время кто-нибудь изъ старшихъ садится за фортепіано и играетъ веселый трепакъ.

Вдругъ всѣ разступаются и откуда-то появляется старикъ поводырь съ длинной пеньковой бородой и ведетъ на веревкѣ медвѣдя.

«А ну-ка Миша, попляши. А какъ деревенскіе ребятишки съ огорода горохъ воруютъ? А какъ старая баба на печи ворочается? А какъ деревенскія дѣвки бѣлятся, румянятся?» говоритъ онъ дѣланнымъ, густымъ басомъ. И медвѣдь пляшетъ, ползаетъ, ложится на бокъ и медленно переворачивается.

Мы оглядываемся на большихъ, провѣряемъ глазами, всѣ ли они тутъ, и вдругъ замѣчаемъ, что среди нихъ папа нѣтъ. Онъ только что былъ здѣсь, и мы не видали, какъ онъ исчезъ.

Мы догадываемся, что это онъ, въ вывернутой мѣховой шубѣ изображаетъ медвѣдя, и мы уже перестаемъ его бояться и смѣлѣе подходимъ къ нему и гладимъ его по пушистой шерсти.

Первую нашу елку я помню въ балконной комнатѣ, въ которой въ послѣдніе годы былъ кабинетъ отца.

Потомъ помню елку въ только что выстроенной, и еще не совсѣмъ отдѣланной залѣ.

Мнѣ было пять лѣтъ.

Въ этотъ разъ мнѣ подарили большую фарфоровую чайную чашку съ блюдцемъ. Мама знала, что я давно мечталъ объ этомъ подаркѣ, и приготовила мнѣ его къ Рождеству.

Увидавъ чашку на своемъ столикѣ, я не сталъ разсматривать остальныхъ подарковъ, схватилъ ее обѣими руками и побѣжалъ ее показывать.

Перебѣгая изъ залы въ гостиную, я зацѣпился ногой за порогъ, упалъ и отъ моей чашки остались одни осколочки.

Отецъ во времена „Войны и мира“.

Конечно, я заревѣлъ во весь голосъ и сдѣлалъ видъ, что расшибся гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Мама кинулась меня утѣшать и сказала мнѣ, что я самъ виноватъ, потому что былъ неостороженъ.

Это меня разсердило ужасно, и я началъ кричать, что виноватъ не я, а противный архитекторъ, кото-

рый сдѣлалъ въ двери порогъ, и если бы порога не было, я бы не упалъ.

Папа это услыхалъ и началъ смѣяться: «архитекторъ виноватъ, архитекторъ виноватъ»,—и мнѣ отъ этого стало еще обиднѣе, и я не могъ ему простить, что онъ надо мною смѣется.

Съ этихъ поръ поговорка «архитекторъ виноватъ» такъ и осталась въ нашей семьѣ и папа часто любилъ ее повторять, когда кто-нибудь старался свалить свою вину на кого-нибудь другого.

Когда я падалъ съ лошади, потому что она спотыкнулась, или потому, что кучеръ плохо подвязалъ потникъ, когда я плохо учился, потому что учитель не умѣетъ объяснить урока, когда во время отбыванія воинской повинности я запивалъ и винилъ въ этомъ военную службу,—во всѣхъ такихъ случаяхъ папа говаривалъ: «ну да, я знаю, архитекторъ виноватъ», и приходилось всегда съ нимъ соглашаться и замолкать.

Такихъ поговорокъ, взятыхъ изъ жизни, у папа было много.

Была у него еще поговорка «для Прохора».

О происхожденіи этой поговорки, кажется, гдѣ-то, чуть ли не въ какомъ-то письмѣ, онъ разсказывалъ самъ.

Въ дѣтствѣ меня учили играть на фортепіанахъ.

Я былъ страшно лѣнивъ и всегда игралъ коекакъ, лишь бы отбарабанить свой часъ и убѣжать.

Вдругъ какъ-то папа слышитъ, что раздаются изъ залы какія-то бравурныя рулады и не вѣритъ своимъ ушамъ, что это играетъ Илюша.

Входитъ въ комнату и видитъ, что это дѣйствительно играю я, а въ окнѣ плотникъ Прохоръ вставляетъ зимнія рамы.

Тогда только онъ понялъ, почему я такъ разстарался.

Я игралъ «для Прохора».

И сколько разъ потомъ этотъ «Прохоръ» игралъ большую роль въ моей жизни, и отецъ упрекалъ меня имъ!

Было у отца еще хорошее слово, которое онъ часто пускалъ въ ходъ, раньше съ добродушной ироніей, а позднѣе иногда и съ горечью.

Это «Анковскій пирогъ».

У мамашиныхъ родителей былъ знакомый докторъ Анке (профессоръ университета), который передалъ моей бабушкѣ, Любови Александровнѣ Берсъ, рецептъ очень вкуснаго именинnаго пирога. Выйдя замужъ и пріѣхавъ въ Ясную Поляну, мама передала этотъ рецептъ Николаю повару.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ жизни, въ большіе праздники и въ дни именинъ, всегда и неизмѣнно подавался въ видѣ пирожнаго «Анковскій пирогъ». Безъ этого обѣдъ не былъ обѣдомъ, и торжество не было торжествомъ.

Какія же это именины безъ сдобнаго кренделя, посыпаннаго миндалемъ къ утреннему чаю и безъ Анковскаго пирога къ вечеру?

То же самое, что Рождество безъ елки, Пасха безъ катанія яицъ, кормилица безъ кокошника, квасъ безъ изюминки...

Безъ этого уже ничего не останется святого.

Всякія семейныя традиціи,—а ихъ много внесла въ нашу жизнь мама, назывались отцомъ «Анковскимъ пирогомъ».

Послѣ Николая повара, рецептъ доктора Анке перенялъ сынъ Николая, Семенъ, и я не удивляюсь и теперь, если 20 іюля, въ день моихъ именинъ, пріѣхавъ въ Ясную, я увижу на столѣ усыпанный миндалемъ разсыпчатый и вкусный «Анковскій пирогъ».

ГЛАВА V.

Тетя Таня. — Дядя Костя. — Дьяковы. — Урусовъ.

По лѣтамъ, почти каждый годъ, въ Ясной гостили Кузминскіе.

Тетя Таня, сестра мама, осталась до сихъ поръ нашей любимой «тетенькой».

Одно время дядя Саша служилъ въ Тулѣ, и я смутно помню, какъ мы къ нимъ ѣзжали въ гости.

Потомъ онъ служилъ въ другихъ городахъ, и его семья переѣзжала къ намъ только на лѣто.

Я чуть-чуть помню свою старшую двоюродную сестру Дашу, умершую на Кавказѣ, зато съ двумя остальными, Машей и Вѣрой, мы были дружны, и онѣ составляли какъ бы часть нашей семьи.

Тетенька была веселая и жизнерадостная, и въ нашемъ дѣтскомъ представленіи она была такая же красивая, какъ мама.

Когда я былъ еще маленькій и не читалъ «Войны и мира», я слышалъ, что тетя Таня — это Наташа Ростова.

Когда отца спрашивали, правда ли это, и правда ли, что Ростовъ это такой-то, Левинъ — такой-то, онъ никогда не отвѣчалъ опредѣленно и чувствовалось даже, что такіе вопросы были ему непріятны и, пожалуй, даже обидны. Онъ говорилъ, что типъ создается писателемъ изъ цѣлаго ряда лицъ, и поэтому онъ никогда не можетъ и не долженъ быть портретомъ опредѣленнаго человѣка.

Вотъ что онъ по этому поводу пишетъ еще въ 1865 году:

«Андрей Болконскій никто, какъ и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаровъ.

Я бы стыдился печататься, если бы весь мой трудъ состоялъ въ томъ, чтобы списать портретъ»...

И это, конечно, такъ и есть.

По типу, тетя Таня во многомъ напоминала Наташу Ростову, но мнѣ, напримѣръ, въ то время, когда я впервые прочелъ «Войну и миръ», казалось, что моя 16-лѣтняя сестра Таня гораздо больше похожа на Наташу, чѣмъ тетенька, къ которой я относился, какъ къ матери, и мнѣ было даже странно, что папа писалъ это, когда Таня была еще совсѣмъ ребенкомъ, и что онъ такъ вѣрно впередъ угадалъ весь ея характеръ.

Тетя Таня была большимъ другомъ не только папа и мама, но и всѣхъ насъ,—дѣтей.

Мы съ ней ѣздили на Грумонтъ и на Воронку ловить удочками рыбу, катались верхомъ, ходили за грибами и считали большимъ счастьемъ, когда тетенька звала насъ къ себѣ «въ тотъ домъ» обѣдать.

По вечерамъ, когда всѣ собирались въ залѣ, мы упрашивали ее пѣть и совершенно искренно считали, что лучше ея не поетъ никто въ мірѣ.

Часто ей аккомпанировалъ папа.

Я, какъ сейчасъ, вижу предъ собой его согнутую надъ клавишами, напряженную отъ старанія, спину, и стоящую около него красивую, вдохновленную тетю Таню, съ высоко поднятыми бровями, горящимъ взглядомъ, и я слышу ея чистый, немного вибрирующій голосъ, звонкій и ласковый. Она пѣла лучшіе романсы Глинки и Даргомыжскаго, и я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь пропѣлъ «Я помню чудное мгновенье», или «Когда въ часъ веселый» лучше нея.

Когда отецъ женился на мама, ему было 34 года, а тетя Таня была еще подросткомъ, почти дѣвочкой. Хотя съ годами разница лѣтъ немного сглаживается, но все же всегда чувствовалось, что папа смотрѣлъ на тетю

Таню немножко покровительственно, какъ на младшую, а она любила и уважала его, какъ старшаго. Благодаря этому между ними установились очень хорошія и прочныя отношенія, которыя сохранились до послѣднихъ лѣтъ. На всякія неожиданныя вспышки тетенькиной непосредственности, вызванныя какими-нибудь мелкими хозяйственными непріятностями, папа всегда отвѣчалъ добродушнымъ юморомъ, шуткой, и всегда доводилъ ее до того, что она начнетъ улыбаться, сначала немножко надуто, а потомъ расплывется совсѣмъ и захохочетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ отличіе отъ мама, тетенька понимала шутку и умѣла на нее отвѣчать. Ниже, въ главѣ о почтовомъ ящикѣ, я привожу чудесную юмористическую характеристику того, что любитъ тетя Соня и что любитъ тетя Таня.

Авторъ ея неизвѣстенъ. Не сама ли тетенька ее написала?

Съ мама тетю Таню связывало не только родственное чувство, но и общность интересовъ. Обѣ онѣ любили свои семьи и были цѣликомъ погружены въ воспитаніе дѣтей.

Когда у тети Тани и мама бывали грудныя дѣти ровесники, и случалось, что одной изъ нихъ надо куда-нибудь отлучиться на нѣсколько часовъ, то другая кормила грудью обоихъ дѣтей.

Съ самаго ранняго дѣтства я помню дядю Костю Исславина. Онъ былъ дядей моей матери и старымъ другомъ дѣтства папа. Имѣніе его отца А. М. Исленева, «Красное», было въ 25 верстахъ отъ Ясной Поляны, и семьи Толстыхъ и Исленевыхъ были изстари знакомы и дружны.

Моего прадѣда Ал. Мих. я помню 90-лѣтнимъ старикомъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Ясную,

Дядя Костя Иславинъ.

и помню даже, какъ онъ съ папà и Сережей ѣздилъ верхомъ съ борзыми.

Онъ былъ страстный игрокъ и все свое большое состояніе проигралъ въ карты.

Только позднѣе я узналъ, что дядя Костя не былъ его законнымъ сыномъ, и что вся его жизнь была разбита тѣмъ, что онъ не имѣлъ ни состоянія, ни какого-нибудь общественнаго положенія.

Пріѣзжалъ дядя Костя всегда неожиданно и любилъ удивить своимъ пріѣздомъ. Какъ-то возвращаемся мы съ прогулки и слышимъ, что въ залѣ кто-то очень хорошо играетъ на фортепіано.

Папà сейчасъ же догадался, что «это Костенька», и побѣжалъ наверхъ.

Входимъ, музыка прекратилась, а въ углу комнаты стоитъ на головѣ дядя Костя.

Или утромъ выходимъ пить чай, и видимъ, дядя Костя сидитъ за столомъ и важно читаетъ газету. И никто не замѣтилъ, когда онъ пріѣхалъ и когда онъ успѣлъ умыться и такъ тщательно расчесать на двѣ стороны свою красивую, бѣлокурую бороду.

Дядя Костя для насъ былъ примѣромъ благовоспитанности и свѣтскости.

Никто не говорилъ такъ по-французски, какъ онъ, никто не умѣлъ такъ красиво поклониться, вовремя сказать слово привѣта и быть всегда только пріятнымъ. Даже тогда, когда онъ дѣлалъ кому-нибудь изъ насъ замѣчаніе по поводу «манеръ», оно выходило у него такъ мягко, что оставалось только хорошее впечатлѣніе.

Онъ пріѣзжалъ къ намъ къ Рождеству или по поводу какого-нибудь семейнаго торжества, и часто гостилъ подолгу.

При переѣздѣ нашей семьи въ Москву, дядя Костя вмѣстѣ съ мамà устраивалъ квартиру, давалъ

ей совѣты на первыхъ порахъ ея свѣтской жизни и былъ ей во многомъ очень полезенъ.

Самъ онъ былъ въ восторгѣ и священнодѣйствовалъ.

Насъ, дѣтей, онъ всегда очень любилъ.

Мнѣ онъ говорилъ, что онъ въ моемъ характерѣ и внѣшности видитъ соединеніе характерныхъ чертъ обоихъ моихъ дѣдовъ, Толстого и Исленева.

Дядя Костя былъ выдающійся по способностямъ музыкантъ. Николай Рубинштейнъ, съ которымъ онъ былъ когда-то близокъ, пророчилъ ему блестящую артистическую карьеру. Но, къ сожалѣнію, дядя Костя по этому пути не пошелъ, и до конца своей жизни онъ остался неудачникомъ, вѣчно одинокимъ и матеріально нуждающимся.

Папа чрезъ Каткова устроилъ его на службу въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», и онъ прослужилъ тамъ довольно долго. Потомъ онъ пристроился смотрителемъ Шереметевской больницы и тамъ же онъ скончался около 10-ти лѣтъ тому назадъ.

Послѣ него не осталось никакихъ вещей. Даже носильнаго бѣлья почти не было. Оказалось, что все, что онъ имѣлъ, онъ раздавалъ бѣднымъ. И никто изъ его знакомыхъ, которые встрѣчали его изрѣдка въ великосвѣтскихъ салонахъ, всегда прекрасно одѣтаго, и никто изъ его близкихъ, и не подозрѣвалъ, что у этого красиваго и привѣтливаго старика только и есть то, что на немъ надѣто, и что все остальное онъ раздастъ такимъ же несчастнымъ, какъ онъ самъ.

Изъ гостей самаго ранняго періода нашего дѣтства мы больше всѣхъ любили Дьяковыхъ: моего крестнаго отца Дмитрія Алексѣевича, его взрослую дочь Машу и ея компаніонку Софочу. Они пріѣзжали почти всегда втроемъ и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ

бывали на всѣхъ нашихъ рождественскихъ елкахъ. Я до сихъ поръ помню тѣ чудные подарки, которые они намъ привозили.

Дмитрій Алексѣевичъ былъ такъ же, какъ и дядя Костя, однимъ изъ самыхъ старыхъ друзей отца. Мы удивлялись, когда папа разсказывалъ намъ, что онъ помнилъ его совсѣмъ худымъ молодымъ человѣкомъ. Трудно было этому вѣрить, потому что въ то время толще Дмитрія Алексѣевича мы не знали никого. У него былъ такой упругій и круглый животъ, что онъ могъ однимъ напряженіемъ брюшныхъ мускуловъ отбросить отъ себя человѣка, какъ резиновый мячикъ.

Дмитрій Алексѣевичъ Дьяковъ.

Во время его пріѣздовъ весь домъ оживлялся его добродушнымъ юморомъ, и бывало весело, какъ никогда. Бывало слушаешь его и все время ждешь: вотъ-вотъ сострить что-нибудь,—и всѣ рады и хохочутъ, и папа больше всѣхъ. Одинъ разъ, — это было за обѣдомъ, — нашъ лакей Егоръ, «по случаю пріѣзда гостей», надѣвшій на себя красную жилетку, подавая бланманже, услыхалъ какую-то Дьяковскую остроту и до того расхохотался, что поставилъ блюдо на другой столъ и, къ общей радости всѣхъ насъ, убѣжалъ изъ зала. Иногда онъ пѣлъ

съ тетей Таней дуэты Глинки, и это выходило, дѣйствительно, очень хорошо. «Каковъ Дьяковъ, какъ онъ поетъ», радовались мы и просили его пѣть еще и еще.

Съ папà, кромѣ личной дружбы, его сближали интересы хозяйственные.

У Дьяковыхъ было большое, прекрасно устроенное имѣніе въ Новосильскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ велъ образцовое хозяйство.

Въ тѣ далекія времена, о которыхъ я вспоминаю, папà тоже очень увлекался хозяйственными интересами и удѣлялъ имъ много вниманія. Имъ посажены, на моей памяти, громадный яснополянскій яблочный садъ и нѣсколько сотъ десятинъ березовыхъ и хвойныхъ лѣсовъ, а въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ увлекался дешевыми покупками самарскихъ земель и разводкой тамъ табуновъ степныхъ лошадей и овецъ.

По своимъ убѣжденіямъ Дьяковъ никогда не былъ близокъ моему отцу, хотя сочувствовалъ ему: его практическій умъ и способность видѣть жизнь въ комическомъ, а не трагическомъ освѣщеніи мѣшала ему раздѣлять новыя міровоззрѣнія отца. Я объясняю себѣ ихъ прочную дружбу старинной юношеской связью. Папà очень дорожилъ своими старыми друзьями и умѣлъ ихъ любить сердечно и горячо.

Изъ этого періода жизни вспоминаю еще князя Сергѣя Семеновича Урусова.

Это былъ человѣкъ очень странный и своеобразный. Ростомъ онъ былъ почти великанъ. Во время Севастопольской кампаніи онъ командовалъ полкомъ и, говорятъ, отличался полнымъ безстрашіемъ. Онъ выходилъ изъ траншей и, весь въ бѣломъ, гулялъ подъ дождемъ снарядовъ и пуль.

Разсказываютъ, и помнится даже, что этотъ разсказъ я отъ него слышалъ самъ, что когда послѣ тяжелой севастопольской осады онъ долженъ былъ передать свой полкъ одному генералу, нѣмцу и педанту, и когда этотъ генералъ, производившій смотръ, придрался къ одному изъ солдатъ за то, что у него оторвалась на мундирѣ пуговица, Урусовъ скомандовалъ этому солдату: «Пали въ него». И солдатъ выстрѣлилъ, но, конечно, промахнулся.

Кн. Сергѣй Семеновичъ Урусовъ.

За это Урусовъ чуть не былъ разжалованъ, но какимъ-то образомъ онъ получилъ помилованіе. Во время севастопольской осады онъ предлагалъ союзникамъ, во избѣжаніе кровопролитія, рѣшить споръ шахматной игрой.

Онъ былъ хорошій шахматистъ и легко давалъ моему отцу впередъ коня.

Мы, дѣти, немножко боялись его, потому что у него въ петлицѣ висѣлъ Георгіевскій крестъ, говорилъ онъ густымъ басомъ и очень ужъ онъ былъ великъ.

Несмотря на свой ростъ, онъ носилъ еще огромные каблуки и какъ-то даже выбранилъ меня за то, что я ихъ не носилъ. «Какъ можно себя такъ безобразить», сказалъ онъ, показывая на мои башмаки.

«Красота мужчины въ ростѣ, непремѣнно надо носить каблуки».

Какимъ-то путемъ, при помощи высшей математики, онъ вычислялъ продолжительность жизни каждаго человѣка, и увѣрялъ, что знаетъ, когда умрутъ мои родители, но это онъ держалъ втайнѣ и никому не говорилъ.

По убѣжденіямъ своимъ онъ былъ глубоко-православный человѣкъ и мистикъ.

Я не знаю, имѣлъ ли онъ вліяніе на отца въ то время, когда начались его религіозныя исканія и когда онъ прежде всего обратился къ церкви, но я допускаю возможность, что въ это время Урусовъ могъ имѣть нѣкоторое значеніе.

ГЛАВА VI.

Поѣздки въ Самару.

Довольно яркія, хотя нѣсколько отрывистыя и непослѣдовательныя воспоминанія остались у меня отъ трехъ нашихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ Самарскія степи.

Папа ѣздилъ туда еще до своей женитьбы въ 1862 году, потомъ, по совѣту доктора Захарьина, у котораго онъ лѣчился, онъ былъ на кумысѣ въ 1871—1872 году и, наконецъ, въ 1873 г. мы поѣхали туда всей семьей.

Къ тому времени папа купилъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ нѣсколько тысячъ десятинъ земли, и мы ѣхали уже въ свое новое имѣніе, на «хуторъ».

Я почему-то особенно ясно помню нашу первую поѣздку.

Мы ѣхали черезъ Москву, на Нижній-Новгородъ, и оттуда до Самары по Волгѣ, на чудномъ пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій».

Капитанъ парохода, очень милый и любезный человѣкъ, оказался севастопольцемъ, товарищемъ моего отца по Крымской кампаніи.

Мимо Казани мы проѣхали днемъ.

Пока пароходъ стоялъ у пристами, мы втроемъ, папа, Сережа и я, пошли бродить по пригороду, около пристани.

Папа хотѣлось хоть издали взглянуть на городъ, гдѣ онъ когда-то жилъ и учился въ университетѣ, и мы не замѣтили, какъ въ разговорѣ время прошло, и мы забрели довольно далеко.

Когда мы вернулись, оказалось, что нашъ пароходъ давно уже ушелъ и намъ показали вдали на рѣкѣ маленькую, удаляющуюся точку.

Папа сталъ громко ахать, сталъ спрашивать, нѣтъ ли другихъ пароходовъ, отходящихъ въ ту же сторону, но оказалось, что всѣ пароходы другихъ обществъ ушли еще раньше, и намъ предстояло сидѣть въ Казани и ждать до слѣдующаго дня.

А у папа и денегъ съ собой не было.

Папа сталъ ахать, а я, конечно, заревѣлъ, какъ теленокъ.

Вѣдь на пароходѣ уѣхали мама, Таня и всѣ наши, а мы остались одни.

Меня начали утѣшать,—собралась сочувствующая публика.

Вдругъ кто-то замѣтилъ, что наша точка, нашъ пароходъ, на который мы все время смотрѣли, сталъ увеличиваться, расти, расти, — и скоро стало ясно, что онъ повернулъ назадъ и идетъ къ намъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ подошелъ къ пристани, принялъ насъ, и мы поѣхали дальше.

Папа былъ страшно сконфуженъ любезностью капитана, вернувшагося за нимъ по просьбѣ мама, хотѣлъ заплатить за сожженныя дрова деньги, и не зналъ, какъ его отблагодарить.

Теперь, когда пароходъ за нимъ вернулся, онъ ахалъ еще гораздо больше, чѣмъ тогда, когда онъ уходилъ, и былъ сконфуженъ ужасно.

Отъ Самары мы ѣхали 120 верстъ на лошадяхъ въ огромной каретѣ-дормезѣ, запряженной шестерикомъ съ форейторомъ, и въ нѣсколькихъ парныхъ плетушкахъ.

Въ каретѣ сидѣла мама, которая тогда кормила маленькаго моего брата Петю (умершаго осенью этого же года) и младшіе: Лёля и Маша, а мы съ Сережей и Таней перебѣгали, то въ плетушку къ папа, то на козлы, то на двухмѣстное сидѣнье, похожее на пролетку, прикрѣпленное сзади кузова кареты.

Въ Самарѣ мы жили на хуторѣ, въ плохонькомъ деревянномъ домикѣ, и около насъ, въ степи, были разбиты двѣ войлочныя кибитки, въ которыхъ жилъ нашъ башкирецъ Мухамедшахъ Романычъ съ своими женами.

По утрамъ и вечерамъ около кибитокъ привязывали кобылъ, ихъ доили закрытыя съ головой женщины и онѣ же, въ кибиткѣ, хоронясь отъ мужчинъ за пестрой ситцевой занавѣской, дѣлали кумысъ.

Кумысъ былъ невкусный, кислый, но папа и Стена его любили и пили помногу.

Придутъ они, бывало, въ кибитку, садятся скрестивши ноги на подушки, разложенныя полукругомъ на персидскомъ коврѣ, Мухамедшахъ Романычъ привѣтливо улыбается своимъ безусымъ старческимъ ртомъ, и изъ-за занавѣски невидимая женская рука пододвигаетъ полный кожаный турсукъ кумыса.

Башкирецъ болтаетъ его особенной деревянной мѣшалкой, беретъ ковшъ корельской березы и начинаетъ торжественно наливать бѣлый, пѣнистый напитокъ по чашкамъ.

Чашки тоже корельской березы, но всѣ разныя. Есть большія плоскія, другія маленькія и глубокія.

Папа беретъ самую большую чашку обѣими руками и, не отрываясь, выпиваетъ ее до конца.

Романычъ наливаетъ опять и опять, и часто за одинъ присѣстъ онъ выпиваетъ по восемь чашекъ и больше.

— «Илья, что ты не пьешь? Попробуй, что за прелесть,—говоритъ онъ мнѣ, протягивая полную до краевъ чашу,—ты только выпей сразу,—потомъ самъ будешь просить».

Я дѣлаю надъ собой усиліе, выпиваю нѣсколько глотковъ и сейчасъ же выскакиваю изъ кибитки, чтобы выплюнуть ихъ,—настолько мнѣ противенъ и запахъ и вкусъ этого кумыса.

А папа и Степа пьютъ его по три раза въ день.

Въ это время отецъ очень интересовался хозяйствомъ и въ особенности лошадьми.

Въ степи ходили наши «косяки» кобылъ, и съ каждымъ косякомъ ходилъ свой жеребецъ.

Лошади были самыя разнообразныя.

Были и англійскія скаковыя кобылы, были производители старинныхъ Растопчинскихъ кровей, были рысаки и были башкиры и аргамаки.

Впослѣдствіи заводъ нашъ разросся до 400 головъ, но пошли голодные года, лошади стали падать и въ 1880 годахъ это дѣло какъ-то растаяло незамѣтно.

Только въ Ясной Полянѣ остались приведенныя изъ Самары лошади, удивительно доброѣзжія, на которыхъ мы много лѣтъ ѣздили, и потомки которыхъ живы до сихъ поръ.

Въ это лѣто папа устроилъ скачки.

Вымѣрили и опахали плугомъ кругъ въ 5 верстъ, и дали знать всѣмъ сосѣдямъ башкирамъ и киргизамъ, что будутъ скачки съ призами.

Призы были: ружье, шелковый халатъ и серебряные часы.

Здѣсь я долженъ оговориться: скачки устраивались у насъ и во второй нашъ пріѣздъ въ Самару, въ 1875 году, и возможно, что я что-нибудь перепутаю и разскажу здѣсь о томъ, что было во второй разъ. Но это не важно.

Дня за два до назначеннаго дня къ намъ стали съѣзжаться башкиры съ своими кибитками, женами и лошадьми.

Въ степи, рядомъ съ кибиткой Мухамеджахъ Романыча, выросъ цѣлый поселокъ войлочныхъ кибитокъ, и около каждой изъ нихъ были устроены земляныя печки для варки ѣды и коновязи.

Степь оживилась.

Около кибитокъ стали шнырять покрытыя съ головой, прячущіяся женщины, стали разгуливать важные и степенные башкирцы, и по полямъ съ дикимъ гиканьемъ понеслись тренируемые скакуны.

Два дня готовились къ скачкамъ и пировали.

Пили безконечное количество кумыса, съѣли пятнадцать барановъ и лошадь, безногаго англійскаго двухлѣтка, откормленнаго спеціально для этой цѣли.

По вечерамъ, когда зной спадалъ, всѣ мужчины въ своеобразныхъ пестрыхъ халатахъ и шитыхъ тибетейкахъ собирались вмѣстѣ и устраивалась борьба.

Папа былъ сильнѣе всѣхъ и на палкѣ перетягивалъ всѣхъ башкирцевъ.

Только русскаго старшину, въ которомъ было около восьми пудовъ вѣса, онъ перетянуть не могъ. Бывало натянется, приподыметъ его отъ земли до половины, кажется, вотъ-вотъ старшина встанетъ на ноги, всѣ ждутъ съ замираніемъ сердца, вдругъ, смотришь, старшина всѣмъ своимъ вѣсомъ плюхается на землю, а папа поднятъ, и стоитъ передъ нимъ, улыбаясь и пожимая плечами.

Одинъ изъ башкирцевъ хорошо игралъ на горлѣ, и папà всякій разъ заставлялъ его играть.

Это искусство очень своеобразное.

Человѣкъ ложится на спину—и въ глубинѣ его горла начинаетъ наигрывать органчикъ, чистый, тонкій съ какимъ-то металлическимъ оттѣнкомъ. Слушаешь и не понимаешь, откуда берутся эти мелодичные звуки, нѣжные и неожиданные.

Очень немногіе умѣютъ играть на горлѣ и даже въ тѣ времена говорили, что среди башкиръ это искусство уже исчезало.

Въ день скачки всѣ поѣхали на кругъ, женщины въ крытой каретѣ, а мужчины верхами.

Лошадей собралось много, проскакали дистанцію въ 25 верстъ въ 39 минутъ, и наша лошадь взяла второй призъ.

Послѣ этого мы съ папà ѣздили на Каралыкъ въ гости къ башкирцамъ, и они насъ угощали бараньимъ супомъ.

Хозяинъ бралъ изъ горячаго горшка куски баранины руками и раздавалъ всѣмъ гостямъ.

А когда одинъ изъ гостей-башкирцевъ отказался отъ угощенья, хозяинъ этимъ жирнымъ кускомъ баранины, какъ губкой, вымазалъ ему все лицо и тогда тотъ взялъ и ѣлъ.

Мы ходили въ степь смотрѣть башкирскіе табуны.

Папà похвалилъ одну буланую лошадь, а когда мы собирались ѣхать домой, то эта лошадь оказалась привязанной около нашей оглобли.

Папà былъ сконфуженъ, но отказаться — значило бы обидѣть хозяина, и мы должны были подарокъ принять. Послѣ пришлось этого башкирца отдарить червонцами.

Звали его Никитой Андреевичемъ.

Нѣсколько разъ бывалъ у насъ въ гостяхъ другой башкирецъ, Михаилъ Ивановичъ. Папа̀ любилъ играть съ нимъ въ шашки. Во время игры Михаилъ Ивановичъ приговаривалъ: «Думить надо, баалшой думить надо», но часто, несмотря на свое думанье, онъ попадался, папа̀ его запиралъ, а мы радовались и хохотали.

Мы жили съ нѣмцемъ Оедоромъ Оедоровичемъ въ пустомъ амбарѣ, въ которомъ по ночамъ пищали и бѣгали крысы.

Въ степяхъ, часто близко отъ дома, разгуливали стада красавцевъ дудаковъ (дрофъ) и высоко подъ облаками рѣяли громадные черные беркуты.

Нѣсколько разъ папа̀, Оедоръ Оедоровичъ и Стена пробовали ихъ стрѣлять, но они были очень осторожны, и подойти къ нимъ было почти невозможно.

Одинъ разъ только Оедору Оедоровичу удалось какъ-то незамѣтно подкрасться къ дудаку изъ-за стада овецъ и подранить его.

Когда его привели къ дому живого, держа съ двухъ сторонъ за крылья, всѣ мы, вмѣстѣ съ папа̀, выбѣжали навстрѣчу, и это было такое торжество, что я помню его до сихъ поръ.

Еще въ прошломъ году ко мнѣ заѣзжалъ старый, разбитый параличомъ Оедоръ Оедоровичъ, и мы съ нимъ еще разъ вспоминали объ этомъ событіи, которое онъ помнитъ, такъ же, какъ и я.

Съ хутора папа̀ нѣсколько разъ ѣздилъ за лошадьми на ярмарки въ Бузулукъ и въ Оренбургъ.

Я помню, какъ въ первый разъ привели къ намъ цѣлый табунъ совершенно дикихъ степняковъ. Ихъ пустили въ огороженный дворъ.

Когда ихъ стали ловить укрючинами, нѣсколько лошадей съ разбѣга перемахнули черезъ земляную, кирпичную стѣну и ускакали въ степь.

Башкирецъ Лутай помчался за ними верхомъ на лучшемъ нашемъ скакунѣ и поздно ночью пригналъ ихъ назадъ.

Этотъ же башкирецъ и объѣзжалъ самыхъ непокорныхъ дикарей.

Лошадь ловили укрюкомъ, крячили губу, надѣвали на нее уздечку, двое мужчинъ держали ее за удила и за уши, башкирецъ вскакивалъ, кричалъ «пускай» и, не задерживая лошади, онъ исчезалъ на ней въ степи.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ возвращался шагомъ на взмыленной лошади, которая уже покорялась ему, какъ старая.

Въ другой разъ папа привелъ изъ Оренбурга чуднаго бѣлаго бухарскаго аргамака и пару осликовъ, которыхъ мы потомъ взяли въ Ясную и на которыхъ ѣздили верхомъ нѣсколько лѣтъ.

Папа ихъ назвалъ: «Бисмаркъ» и «Макмагонъ».

Во вторую нашу поѣздку въ Самару, въ 1875 г., папа ѣздилъ въ Бузулукъ къ какому-то старцу-отшельнику, проживпему 25 лѣтъ въ пещерѣ.

Онъ узналъ о немъ изъ разсказовъ мѣстныхъ крестьянъ, которые его чтили, какъ святого.

Я тогда очень просился ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но папа меня не взялъ изъ-за того, что въ это время у меня сильно болѣли глаза.

Я думаю, что этотъ отшельникъ не представлялъ особеннаго интереса какъ проповѣдникъ, потому что совсѣмъ не помню, что разсказывалъ о немъ папа.

Въ первый годъ нашей жизни на хуторѣ въ Самарской губерніи былъ сильнѣйшій неурожай, и я помню, какъ папа ѣздилъ по деревнямъ, самъ ходилъ по дворамъ и записывалъ имущественное положеніе крестьянъ. Я помню, что въ каждомъ дворѣ онъ прежде всего спрашивалъ хозяевъ, русскіе они, или молокане, и что онъ съ особеннымъ

интересомъ бесѣдовалъ съ иновѣрцами о вопросахъ религіи.

Любимый его собесѣдникъ изъ крестьянъ — это былъ степенный и умный старикъ, Василій Никитичъ, жившій въ ближайшей къ намъ деревнѣ «Гавриловкѣ».

Пріѣзжая въ Гавриловку, папа всегда останавливался у него и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ.

Я не запомнилъ, о чемъ они разговаривали, такъ какъ въ это время я былъ еще малъ, и меня ни голодъ народный ни религіозныя темы не занимали. Я знаю только, что Василій Никитичъ на каждомъ шагу повторялъ слово «двистительно», и что онъ говорилъ, что онъ «нашелъ средствіе въ чаю», къ которому всегда подавался идеально чистый, бѣлый медъ.

ГЛАВА VII.

Игры, шутки отца. — Чтеніе. — Ученіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, наша дѣтская компанія раздѣлялась на двѣ группы — большихъ и маленькихъ — big ones и little ones.

Большіе были — Сережа, Таня и я. Маленькіе — братъ Леля и сестра little Маша, которая называлась такъ въ отличіе отъ моей двоюродной сестры big Маши Кузминской.

Мы, старшіе, держались всегда отдѣльно и никогда не принимали въ свою компанію младшихъ, которые ничего не понимали и только мѣшали нашимъ играмъ.

Изъ-за маленькихъ надо было раньше уходить домой, маленькіе могутъ простудиться, маленькіе мѣшаютъ намъ шумѣть, потому что они днемъ спятъ, а

когда кто-нибудь изъ маленькихъ изъ-за насъ заплачетъ и пойдетъ къ мамѣ жаловаться, большіе всегда оказываются виноваты и насъ же изъ-за нихъ бранятъ и наказываютъ.

Ближе всего и по возрасту и по духу я сходился съ сестрой Таней. Она на полтора года старше меня, черноглазая, бойкая и выдумчивая. Съ ней всегда весело, и мы понимаемъ другъ друга съ полслова.

Мы знаемъ съ ней такія вещи, которыхъ, кромѣ насъ, никто понять не можетъ.

Мы любили бѣгать по залѣ вокругъ обѣденнаго стола. Ударишь ее по плечу и бѣжишь отъ нея изо всѣхъ силъ въ другую сторону.

— Я послѣдній, я послѣдній.

Она догоняетъ, шлепаетъ меня, и убѣгаетъ опять.

— Я послѣдняя, я послѣдняя.

Разъ я ее догналъ, только размахнулся, чтобы стукнуть, — она остановилась сразу лицомъ ко мнѣ, замахала ручонками передъ собой, стала подпрыгивать на одномъ мѣстѣ и приговаривать «а это сова, а это сова».

Я, конечно, понялъ, что если «это сова», то ее трогать уже нельзя, и съ тѣхъ поръ это такъ и осталось навсегда. Когда говорятъ «а это сова»—значитъ трогать нельзя.

Сережа, конечно, этого не могъ бы понять. Онъ началъ бы долго разспрашивать и разсуждать, почему пельзя трогать сову, и рѣшилъ бы, что это совсѣмъ не остроумно. А я понялъ сразу, что это даже очень умно, и Таня знала, что я ее пойму, поэтому только она такъ и сдѣлала.

Насъ съ Таней понималъ какъ слѣдуетъ только одинъ папа и то не всегда. У него были свои очень хорошія штуки и кое-чему онъ насъ научилъ.

Была, напримѣръ, у него «Нумидійская конница».

Бывало, сидимъ мы всѣ въ залѣ, только что уѣхали скучные гости, всѣ притихли, — вдругъ папа соскакиваетъ со стула, подымаетъ кверху одну руку и стремглавъ бѣжитъ галопомъ въ припрыжку вокругъ стола. Мы всѣ летимъ за нимъ и такъ же, какъ онъ, подпрыгиваемъ и махаемъ руками.

Обѣжимъ вокругъ комнаты нѣсколько разъ и запыхавшись садимся опять на свои мѣста совсѣмъ въ другомъ настроеніи, оживленные и веселые. Во многихъ случаяхъ Нумидійская конница дѣйствовала очень хорошо. Послѣ нея забывались всякія ссоры и обиды и страшно скоро высыхали слезы.

Хороши были тоже нѣкоторые шуточные стихи, которые мы въ дѣтствѣ слышали отъ отца.

Не знаю, откуда онъ ихъ взялъ, но помню только, что насъ они забавляли страшно.

Вотъ они:

Die angenehme Vinterzeit
Ist очень карашо,
Beiveilen virst ein venig kalt,
Небось будетъ тепло.

Auch venn man doch nach Hause kommt
Da steht der Punch bereit
Ist's es nicht очень карашо
Am Kalter Vinterzeit.

Другое стихотвореніе, произносимое тоже на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, читалось такъ:

«Тохторъ, тохторъ Hüppenthal
«Какъ тэбэ и мнѣ не жааль.
«Ты мнэ съ голоду морришь,
«Трубку курить не велишь,—
«Паастой, паастой, пастой»...

Эти стихи пускались въ ходъ въ разныхъ случаяхъ жизни и отлично дѣйствовали, когда иногда, ни съ того ни съ сего, у кого-нибудь изъ насъ бывали «глаза на мокромъ мѣстѣ».

Игры ранняго дѣтства у всѣхъ дѣтей одинаковы,— все тѣ же лошадки, солдатики, куклы и прятки.

Когда мы стали подрастать, мы стали выдумывать уже свои игры, и иногда онѣ выходили очень интересны.

Какъ-то мы начитались какого-то глупаго переводнаго романа.

Я уже забылъ его содержаніе, но помню только, что главнымъ героемъ его былъ Ульверстонъ, который въ кого-то влюбился и говорилъ: «Я одинокъ и скучаю».

Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого романа мы вырѣзали изъ бумаги и, лежа на паркетѣ въ залѣ, мы заставляли нашихъ куколокъ ходить, говорить и разыгрывать всю фабулу.

Лучше всѣхъ знала роли главная наша затѣйница Таня.

Одинъ разъ папа засталъ насъ за этой игрой, взялъ ножницы и вырѣзалъ намъ розовенькаго человѣка. Онъ его вырѣзалъ изъ картинки французскаго моднаго журнала, и весь человѣкъ вышелъ изъ голаго декольте раскрашенной дамы, такъ что онъ былъ совсѣмъ, какъ голый.

Такой роли въ нашемъ романѣ не было.

Тогда папа сказалъ намъ, что это «Адольфикъ», и мы сейчасъ же выдумали ему роль, и онъ послѣ этого сталъ нашимъ любимымъ героемъ. Мы уже не могли себѣ представить, чтобы нашъ романъ могъ быть интересенъ безъ «Адольфика».

Въ этотъ же періодъ нашего дѣтства мы увлекались чтеніемъ Жюля Верна.

Папа привозилъ эти книги изъ Москвы и каждый вечеръ мы собирались и онъ читалъ намъ вслухъ: «Дѣтей капитана Гранта», «100.000 верстъ подъ водою», «Путешествіе на луну», «Три русскихъ и три француза» и, наконецъ, «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней».

Этотъ послѣдній романъ былъ безъ иллюстрацій. Тогда папа началъ намъ иллюстрировать его самъ.

Каждый день онъ приготовлялъ къ вечеру подходящіе рисунки перомъ, и они были настолько интересны, что нравились намъ гораздо больше, чѣмъ тѣ иллюстраціи, которыя были въ остальныхъ книгахъ.

Я какъ сейчасъ помню одинъ изъ рисунковъ, гдѣ изображена какая-то буддійская богиня съ нѣсколькими головами, украшенными змѣями, фантастичная и страшная.

Отецъ совсѣмъ не умѣлъ рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы всѣ были страшно довольны.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали вечера, и всѣ кучей лѣзли къ нему черезъ круглый столъ, когда, дойдя до мѣста, которое онъ иллюстрировалъ, онъ прерывалъ чтеніе и вытаскивалъ изъ-подъ книги свою картинку. Послѣ Жюля Верна, уже при французѣ Nief'ѣ, намъ читали Les trois Mousquetaires Дюма, и папа самъ вычеркивалъ тѣ мѣста, которыя нельзя было слушать дѣтямъ.

Насъ интересовали эти запретныя страницы, въ которыхъ говорилось о любовныхъ интригахъ героевъ, намъ хотѣлось ихъ прочесть тайкомъ, но мы этого дѣлать не рѣшались.

Выше я упомянулъ про нашу любимую англичанку Ханну.

Послѣ нея у насъ жила красноцекая, молоденькая Дора, потомъ Emily, Carry и послѣдняя англи-

„Зала“ въ Ясной Полянѣ. Слѣва портретъ Маши работы Н. Н. Ге. Въ серединѣ портретъ отца работы Крамского. Справа портретъ Тани работы И. Е. Рѣпина.

чанка ушла уже тогда, когда выросли мои младшіе братья—Андрей и Михаилъ...

При насъ, мальчикахъ, когда мы стали подрастать, первое время, года два-три, жилъ нѣмецъ, дядька, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кауфманъ.

Не могу сказать, чтобы мы его любили. Онъ былъ грубоватъ и даже намъ, дѣтямъ, бросалась въ глаза нѣкоторая его тупость.

Единственная его хорошая черта была развѣ та, что онъ былъ страстный охотникъ.

По утрамъ онъ рѣзко сдергивалъ съ насъ одѣяло и кричалъ: Auf, Kinder, auf, а днемъ мучилъ нѣмецкой каллиграфіей.

У него были гладко причесанные густые темные волосы.

Разъ ночью я проснулся и увидалъ, сквозь сонъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ сидитъ съ голой, какъ арбузъ головой, и бреется. Я испугался, а онъ сердито велѣлъ мнѣ отвернуться и спать.

Утромъ я не зналъ, видѣлъ ли я сонъ, или это было наяву.

Оказалось, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ носилъ парикъ и тщательно это скрывалъ.

Послѣ Ѳедора Ѳедоровича къ намъ поступилъ на нѣсколько лѣтъ швейцарецъ M-r Rey и уже послѣ него французъ коммунаръ M-r Nief, тотъ самый, который приносилъ въ кухню жарить бѣлку и козюлю.

По-русски M-r Rey и M-r Nief назывались просто «Посѣрѣвъ» и «Посинѣвъ» и эти названія очень подходили къ обоимъ, потому что первый ходилъ всегда въ сѣромъ, а второй въ синемъ.

Когда во Франціи вышла амнистія, M-r Nief уѣхалъ въ Алжиръ и только тогда мы узнали, что его настоящая фамилія была Vicomte de Montels.

Зимой, когда мы катались на конькахъ на большомъ пруду, M-r Nief расхаживалъ по берегу въ ко-

ротенькомъ полушубкѣ, зябъ и, потирая отъ мороза руки, приговаривалъ: «Oh, que les Russes sont frileux».

Почему онъ, озябая самъ, винилъ въ этомъ русскихъ,—мы такъ никогда и не поняли.

Вспомнивъ о M-r Nief'ѣ, я хочу разсказать объ одномъ забавномъ случаѣ, отчасти его характеризующемъ.

Какъ-то мы сидѣли за вечернимъ чаемъ и папà просматривалъ полученныя съ почты «Московскія Вѣдомости».

Сообщалось о покушеніи на жизнь покойнаго Императора Александра Второго.

Такъ какъ въ числѣ другихъ съ нами сидѣлъ и M-r Nief, папà сталъ читать, переводя статью съ русскаго языка на французскій.

Дойдя до того мѣста, гдѣ говорилось, — «но Господь сохранилъ Своего помазанника», папà, прочтя: «mais le don Dieu a conservé son, son...», замялся, очевидно, ища французское слово «помазанникъ», «son sang froid», подсказалъ Mr Nief, совершенно серьезно.

Всѣ расхохотались, и чтеніе газеты на этомъ кончилось.

Кромѣ этихъ лицъ, при сестрахъ почти всегда были француженки, у насъ, мальчиковъ, бывали русскіе учителя и, кромѣ того, изъ Тулы, разъ въ недѣлю, пріѣзжалъ къ намъ учитель музыки А. Г. Мичуринъ. Такимъ образомъ все наше время проходило за уроками, которые были распредѣлены, какъ въ гимназіяхъ, и мы отъ одного учителя переходили къ другому.

Мамà и папà тоже давали намъ уроки.

Выше я разсказалъ о томъ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ папà училъ меня ариѳметикѣ. Послѣ, ка-

жется, лѣтъ съ тринадцати, я сталъ учиться съ нимъ по-гречески.

Онъ самъ научился греческому языку на моей памяти. Я помню, съ какимъ увлеченіемъ и настойчивостью онъ за это принялся, и въ шесть недѣль онъ добился того, что свободно читалъ и переводилъ Геродота и Ксенофонта.

Съ этого-то Ксенофонта мы съ нимъ и начали.

Онъ объяснилъ мнѣ азбуку и сразу заставилъ читать Анабазисъ.

Сначало было трудно. Я сидѣлъ съ стеклянными глазами, иногда принимался ревѣть, но кончилось тѣмъ, что я все-таки понялъ, что надо, и научился.

Также я научился и латыни.

Когда въ 1881 году я держалъ вступительный экзаменъ въ классической гимназіи Поливанова, я удивилъ всѣхъ учителей тѣмъ, что, не зная совсѣмъ грамматики, я читалъ и переводилъ классиковъ гораздо лучше, чѣмъ требовалось.

Въ этомъ я вижу доказательство того, что своеобразная система преподаванія отца была правильна.

Вѣдь такъ же точно, позднѣе, онъ научился древнееврейскому языку и зналъ его настолько хорошо, что свободно разбирался въ нужныхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта и иногда предлагалъ своему учителю, раввину Минору, свои объясненія нѣкоторыхъ текстовъ.

ГЛАВА VIII.

Верховая ѣзда.—Зеленая палочка.—Коньки.

Первая моя дѣтская страсть была верховая ѣзда.

Я помню то время, о которомъ пишетъ мой отецъ въ письмѣ, приведенномъ въ началѣ этихъ запи-

сокъ, когда онъ сажалъ меня въ сѣдло впереди себя, и когда мы ѣздили съ нимъ купаться на Воронку.

Я помню, какъ я трясся на рыси, все время боясь потерять равновѣсіе, помню, какъ въ лѣсу падала съ меня шляпа и Сережа или Степа слѣзалъ съ лошади и подымалъ ее, и особенно помню запахъ лошади, когда я подходилъ къ ней и лакей Сергѣй Петровичъ бралъ меня за ногу и вскидывалъ на сѣдло.

Я хватался тогда за спасительную холку и обѣими руками держался крѣпко-крѣпко.

Потомъ мы подъѣзжали къ купальнѣ, привязывали лошадей къ березкамъ, и рысью бѣжали по мосткамъ.

Папа и Степа бросались внизъ головой прямо въ рѣку, а мы барахтались въ купальнѣ и разглядывали маленькихъ рыбокъ и длинноногихъ рѣзвыхъ пауковъ, которые бѣгали по водѣ и почему-то не тонули.

Папа научилъ насъ плавать, и когда мы начали «выплывать» изъ купальни, мы хвалились этимъ всѣмъ и намъ казалось, что это большая храбрость.

Первыя наши верховыя лошади были «Колпикъ» и «Каширскій». Ѳедоръ Ѳедоровичъ ихъ называлъ «der Kolpinka und der Kassachirski».

На бѣломъ «Колпикѣ» я первый разъ поѣхалъ одинъ и съ тѣхъ поръ я сталъ уже ѣздить самостоятельно.

Иногда папа бралъ насъ съ собой кататься и тогда мы ѣздили далеко.

Я не могу забыть, какъ одинъ разъ онъ меня измучилъ.

Узнавъ, что онъ ѣдетъ кататься, я упросилъ его взять меня съ собой. Подъ нимъ была крупная англійская кобыла, и мнѣ подсѣдлали однимъ потникомъ, безъ стремянъ, самарскаго гнѣдого, того, который взялъ на скачкахъ второй призъ.

Онъ былъ очень пріятенъ въ ѣздѣ, но спина у него была худая и вострая.

И вотъ мы поѣхали.

Какъ только мѣсто ровное, папа пускаетъ лошадь крупной рысью, а я трясусь за нимъ.

Ѣдемъ все дальше, дальше, заѣхали верстъ за пять отъ дома. Я усталъ, мочи нѣтъ, а онъ все дальше, дальше. Оглянется на меня, спроситъ: «ты не усталъ?»—я, конечно, говорю, что нѣтъ,—и опять дальше.

Объѣхали всю засѣку, заѣхали за Грумонтъ, по какимъ-то тропинкамъ, оврагамъ—и когда я, наконецъ, пріѣхалъ домой, я еле слѣзъ съ лошади и послѣ того дня три ходилъ совершенно разбитый и всѣ наши смѣялись надо мной и называли меня «John Gilpin». «John Gilpin» былъ герой одного смѣшного англійскаго разсказа. Его понесла лошадь, и онъ никакъ не могъ ее остановить и скакалъ что-то ужасно долго, и были съ нимъ разныя приключенія. Когда его сняли съ лошади, онъ ходилъ раскорякой. Мы любили картинки къ этой книгѣ, изъ которыхъ я помню одну, изображавшую John Gilpin'а скачущимъ, съ слетающимъ съ него парикомъ, а другую, когда онъ съ лысой головой и съ согнутыми колѣнками слѣзъ съ лошади.

* * *

Съ поѣздками на купальню у меня связано нѣсколько интересныхъ воспоминаній.

Прежде всего сказка о «зеленой палочкѣ». Съ правой стороны «купальной дороги», въ вершинѣ оврага, рядомъ съ небольшой полянкой, есть мѣсто, отличающееся какой-то странной, насыпной почвой.

Земля покрыта слоемъ мелкаго чернаго шлака, очевидно, оставшагося отъ какихъ-то старинныхъ чугуно-литейныхъ заводовъ.

„Большой“ прудъ.

Въ этомъ мѣстѣ, рядомъ съ дорогой, между дубами, проходила узенькая тропинка и поперекъ нея выступали корявые голые корни.

Переступая черезъ эти корни, лошадь настораживала уши и какъ-то особенно высоко поднимала ноги, а я поджималъ колѣнки, чтобы не удариться ими о стволы деревьевъ.

Вотъ тутъ-то, по разсказамъ папа, его братъ Николенька закопалъ таинственную зеленую палочку, съ которой онъ связалъ свою наивно-дѣтскую легенду: «Если кто-нибудь изъ муравейныхъ братьевъ найдетъ эту палочку, тотъ будетъ счастливъ самъ и силою любви осчастливитъ всѣхъ людей».

Проѣзжая по этому мѣсту, папа любилъ намъ разсказывать эту сказку, и мнѣ помнится даже, что одинъ разъ я сталъ разспрашивать его, какая это палочка на видъ, и собрался было итти съ лопатой ее искать.

Въ то время отецъ, конечно, не думалъ о томъ, что когда-нибудь въ этомъ мѣстѣ будетъ его могила...

Другое воспоминаніе вотъ какое:

Ѣдемъ мы купаться.

Папа обращается ко мнѣ и говоритъ: «Знаешь, Илюша, я нынче очень доволенъ собой.

«Три дня я съ нею мучился и никакъ не могъ заставить ее войти въ домъ. Не могу да и только. Все выходитъ какъ-то не то.

«А нынче я вспомнилъ, что во всякой передней есть зеркало, а на каждой дамѣ есть шляпка.

«Какъ только я это вспомнилъ, такъ она у меня пошла и пошла, и сдѣлала все какъ надо.

«Кажется, пустяки—шляпка, а въ этой-то шляпкѣ оказывается все».

Возстанавливая въ памяти этотъ разговоръ, я думаю, что отецъ мнѣ говорилъ о той сценѣ изъ

Анны Карениной, когда она приходила на свиданіе съ сыномъ.

Хотя въ окончательной редакціи романа въ этой сценѣ ничего не говорится ни о шляпѣ ни о зеркалѣ (упомянута только густая черная вуаль), но я предполагаю, что въ первоначальномъ видѣ, работая надъ этимъ мѣстомъ, отецъ могъ подвести Анну къ зеркалу и заставить ее поправить или снять шляпу.

Я помню, съ какимъ увлеченьемъ папа мнѣ это разсказывалъ и мнѣ теперь странно, что онъ дѣлился такими тонкими художественными переживаніями съ семилѣтнимъ мальчикомъ, который въ то время едва ли могъ ему сочувствовать.

Впрочемъ, такія вещи бывали съ нимъ не разъ. Какъ-то я слышалъ отъ него очень интересное опредѣленіе того, что нужно писателю для его работы:

«Ты не можешь себѣ представить, что значитъ настроеніе,—говорилъ онъ.—Иногда бываетъ такъ, что встанешь утромъ бодрый, свѣжій,—голова ясная—начинаешь писать, выходитъ умно, послѣдовательно,—на другой день перечтешь и приходится все выкинуть, потому что все хорошо, а главнаго-то и нѣтъ.—Нѣтъ воображенія, нѣтъ талантливости, нѣтъ того «чего-то», того «чуть-чуть», безъ чего весь твой умъ ничего не стоитъ. Въ другой разъ встанешь не выспавшись, нервы натянуты—ну, думаешь, нынче буду писать хорошо. И, дѣйствительно, пишешь красиво, образно, воображенія сколько хочешь,—пересмотришь—и опять никуда не годится, потому что написано глупо. Краски есть, а ума не хватило.

«Только тогда можетъ выйти хорошо, когда умъ и воображеніе въ равновѣсіи. Какъ только одно изъ двухъ перевѣсило—такъ все пропало,—бросай и начинай сызнова».

И, дѣйствительно, въ работахъ отца не было конца передѣлкамъ. И его трудоспособность въ этомъ отношеніи была удивительна.

* * *

Кромѣ поѣздокъ верхомъ и охоты, мы страшно увлекались катаніемъ на конькахъ и крокетомъ.

Какъ только замерзалъ прудъ, мы надѣвали коньки и, все свободное отъ уроковъ время, проводили на льду.

Въ началѣ зимы, когда ледъ былъ еще не проченъ, намъ не позволяли кататься по «большому» пруду, и мы отправлялись на «нижній», который былъ меньше и, главное, мельче.

По поводу этого «нижняго» пруда папа разсказывалъ такой случай:

Когда онъ былъ маленькій, къ нимъ въ Ясную пріѣзжалъ гостить ихъ знакомый, Володенька Огаревъ.

Это былъ мальчикъ самонадѣянный, полный важности и презрѣнія ко всему, что не онъ.

Когда дѣти Толстые повели его показывать паркъ, онъ, подойдя къ «нижнему» пруду, съ важностью спросилъ:

— Это что?

— Прудъ.

— Какъ прудъ?—Это лужа, я сейчасъ ее перепрыгну.

Дѣти подзадорили его. «А ну-ка, прыгни».

Володенька разбѣжался съ бугра и прыгнулъ. Конечно, онъ попалъ въ самую середину и, вѣроятно, утонулъ бы, если бы бывшія тутъ покосницы не вытащили его граблями.

Послѣ этого спесь съ Володеньки была уже сбита.

На этомъ же пруду я разъ устроилъ преподленькую штуку, за которую мнѣ сильно досталось.

„Нижній“ прудъ.

Мы пришли кататься на конькахъ и съ нами вмѣстѣ прибѣжало человѣкъ 5 деревенскихъ ребятъ, моихъ ровесниковъ. Ледъ былъ тонокъ и все время то тутъ, то тамъ слышались раскатистыя, металлическія потрескиванія. Мнѣ вздумалось испытать его прочность, я собралъ всѣхъ ребятъ въ кучу и велѣлъ имъ, по командѣ «разъ, два, три», изо всѣхъ силъ подпрыгнуть.

Самъ я отошелъ въ сторону.

Мальчики подпрыгнули, ледъ подъ ними обломился, и они всей кучей пошли ко дну.

Къ счастью, это было на мелкомъ мѣстѣ, около хвоста, и никто не утонулъ.

Ребятъ отвели къ намъ въ домъ, высушили, дали имъ горячаго чая, а меня наказали.

На большомъ пруду у насъ была устроена деревянная гора и всю зиму расчищались дорожки.

Папа и мама бѣгали съ нами и вносили въ наши игры большое оживленіе.

Самый рѣзвый нашъ бѣгунъ былъ братъ Сережа.

Ледъ на пруду расчищался дорожками въ видѣ улицъ и переулковъ, и по этимъ лабиринтамъ Сережа отъ насъ убѣгалъ, а мы съ Таней его ловили.

Одинъ разъ на перекресткѣ Сережа не успѣлъ увернуться, и мы всѣ трое на страшномъ ходу столкнулись и упали. Сережа внизу, а мы сверху. Встаемъ—видимъ, Сережа лежитъ весь синій и дрыгаетъ ногами. Сейчасъ же его подняли и повели домой.

Онъ шелъ бодро, самъ несъ свои коньки, но ничего не помнилъ и не соображалъ. Спросили: какой нынче день?—«Не знаю»... Онъ даже забылъ, что было воскресенье, и что мы поэтому не учились. Сейчасъ же послали въ Тулу за докторомъ, поставили ему къ ушамъ піявки, и онъ заснулъ на цѣлыя сутки. Черезъ день онъ всталъ совсѣмъ здоровымъ.

А въ другой разъ восьмилѣтній братъ Леля увидалъ расчищенную большую прорубь, подернутую тонкимъ свѣжимъ льдомъ, и покатился по ней на конькахъ. Къ счастію, ледъ проломился только въ другомъ концѣ, гдѣ онъ могъ ухватиться за край ручонками. Бабы, полоскавшія бѣлье около другой проруби, увидали, что онъ тонетъ, и вынули его.

Сейчасъ же понесли его въ мокромъ полушубочкѣ домой и растерли спиртомъ.

Сколько же тутъ было аханій и оханій!.. Чуть-чуть не утонулъ! Тамъ вѣдь мѣсто глубокое!

ГЛАВА IX.

Охота.

Съ самаго ранняго дѣтства мы увлекались охотой.

Любимую собаку отца, ирландскаго сеттера «Дору», я помню съ тѣхъ поръ, какъ помню себя.

Помню, какъ подавали къ дому телѣжку, запряженную какой-нибудь смирной лошадью, и мы ѣхали на болото, на «Дегатнѵ», или въ Малахово.

На сидѣнье садился папа́, иногда мама́, или кучеръ, а я съ Дорой усаживался въ ногахъ.

Подъѣзжая къ болоту, папа́ слѣзалъ, ставилъ свое ружье на землю и, держа его лѣвой рукой, начиналъ его заряжать.

Сначала онъ сыпалъ въ оба ствола порохъ, потомъ вкладывалъ войлочные пыжи и заколачивалъ ихъ шомполомъ. Шомполъ ударялся о пыжъ и упруго съ какимъ-то металлическимъ звономъ, подскакивалъ кверху.

И папа́ билъ имъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выскочитъ совсѣмъ изъ дула.

Тогда онъ сыпалъ дробь и также запыживалъ и ее. Дора въ это время вертѣлась около насъ и, широко размахивая пушистымъ хвостомъ, нетерпѣливо визжала.

Когда папá шелъ по болоту, мы ѣхали по берегу, немного сзади него, и я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за поискомъ собаки, за взлетомъ бекасовъ и за выстрѣлами.

Иногда папá стрѣлялъ недурно, хотя часто горячился и тогда пуделялъ отчаянно.

Весной мы любили ходить съ нимъ на тягу.

Часто мы стояли въ «Заказѣ», близко отъ зеленой палочки, но любимымъ нашимъ мѣстомъ былъ «пчельникъ» за Воронкой.

Тамъ въ старину стояли наши пчелы, и въ низенькой, закопченой избушкѣ жилъ кривой пчельникъ Семенъ.

Осенью, во время пролета вальдшнеповъ, папá увлекался охотой за ними и между нимъ и нашимъ учителемъ—нѣмцемъ, Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, возникало соревнованіе.

Ѳед. Ѳед. большей частью ходилъ «zum Eisenbahn» къ тому мѣсту, гдѣ казенную засѣку пересѣкаетъ желѣзная дорога, а папá любилъ больше мѣста за Воронкой.

Къ обѣду оба возвращались, хвалились добычей и дѣлились впечатлѣніями.

Когда Ѳед. Ѳед. убивалъ меньше, чѣмъ папá, то онъ оправдывался тѣмъ, что папá ходитъ съ собакой, а онъ безъ собаки.

Одинъ разъ вышло наоборотъ.

Папá рѣшилъ въ этотъ день не ходить на охоту и позволилъ Ѳед. Ѳед—у взять съ собой Дору.

Когда Ѳед. Ѳед. уже ушелъ, папá не вытерпѣлъ, взялъ ружье и, никому ничего не говоря, пошелъ въ засѣку.

Къ обѣду оба вернулись, и папа́ принесъ на два вальдшнепа больше, чѣмъ Ѳед. Ѳед.

Оказалось, по его словамъ, что безъ собаки вальдшнепы вылетаютъ ближе, и стрѣлять ихъ гораздо легче.

Такимъ образомъ Ѳед. Ѳед. былъ развѣнчанъ, и мы, дѣти, торжествовали.

Было одно недолгое время, года два или три, когда я уже юношей ходилъ на ружейную охоту вмѣстѣ съ папа́.

У него тогда была черно-пѣгая «Булька», а у меня необычайно умный и самостоятельный марковскій «Малышъ».

Когда папа́ уже бросилъ охоту, Малышъ всегда сопровождалъ его въ прогулкахъ, и папа́ очень его любилъ и никогда безъ него не выходилъ.

Онъ разсказывалъ намъ, какъ Малышъ приходилъ къ нему въ комнату и приглашалъ его на прогулку.

Въ обычный для прогулки часъ дверь кабинета открывалась, и Малышъ тихо входилъ въ комнату. Если онъ видѣлъ, что папа́ сидитъ за столомъ и занимается, онъ конфузливо косился и крался неслышными шагами, приподымая ногти и ступая на одинѣ пятки. Когда папа́ на него взглядывалъ, онъ отвѣчалъ незамѣтнымъ движеніемъ хвоста и ложился подъ столъ.

«Точно онъ знаетъ, что я занятъ и нельзя мнѣ мѣшать», говорилъ папа́, удивляясь его деликатности.

Но любимая наша охота была съ борзыми въ наѣздку.

Какое это было счастье, когда утромъ лакей Сергѣй Петровичъ будилъ насъ рано-рано, предъ разсвѣтомъ, со свѣчкой въ рукахъ!

Мы вскакивали бодрые и счастливые, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ утренняго озноба, наскоро одѣвались и выбѣгали въ залу, гдѣ кипѣлъ самоваръ и уже ждалъ насъ папа́.

Иногда мама́ выходила въ халатѣ и надѣвала на насъ лишнія пары шерстяныхъ чулокъ, фуфайки и варежки.

«Левочка, ты въ чемъ поѣдешь?» обращалась она къ папа́. «Смотри, нынче холодно, вѣтеръ».

«Опять въ одномъ Кузминскомъ [1]) пальто? Поддѣнь хоть что-нибудь, ну для меня, пожалуйста». Папа́ дѣлаетъ недовольное лицо, но, наконецъ, подчиняется, подпоясываетъ сѣрое, короткое пальто и выходитъ.

Начинаетъ свѣтать, къ дому подводятъ верховыхъ лошадей, мы садимся и ѣдемъ къ тому дому или на дворню, за собаками.

Агаѳья Михайловна уже волнуется и ждетъ насъ на крыльцѣ.

Несмотря на утренній холодъ, она ходитъ простоволосая, раздѣтая, въ распахнутой черной кофтѣ, изъ-подъ которой виднѣется изсохшая засыпанная нюхательнымъ табакомъ грязная грудь, и костлявыми узловатыми руками выноситъ ошейники.

— Опять накормила?—строго спрашиваетъ папа́, глядя на вздутые животы собакъ.

— Ничего не кормила, по корочкѣ хлѣба только дала.

— А отчего же онѣ облизываются?

— Вчерашней овсяночки немного оставалось.

— Ну вотъ, опять будемъ протравливать русаковъ, это невозможно съ тобой. Что ты, на зло мнѣ это дѣлаешь?

---

[1]) Это было любимое отцовское пальто. Когда-то оно было куплено у А. М. Кузминскаго. Оно было свѣтло-сѣрое и отличалось тѣмъ, что было впору каждому человѣку.

— Нельзя же, Левъ Николаевичъ, цѣлый день собакѣ не ѣвши пробѣгать, право, — огрызается Агаѳья Михайловна и сердито идетъ надѣвать на собакъ ошейники.

— Этотъ на Крылатку, этотъ на Султана, на Милку...

Въ углу, подъ одѣяломъ, лежитъ дымчатый «Туманъ», и когда къ нему подходятъ, онъ махаетъ хвостомъ и рычитъ.

Я глажу его по шелковистой, короткой шерсти, а онъ весь напруживается и рычитъ какъ-то ласково и шутливо.

— Тумашка, Тумашка.

Ррр... ррр... ррр...

— Тумашка, Тумашка...

Ррр... рррр...

Какъ кошка, которая мурлычетъ.

Наконецъ собаки собраны, нѣкоторыя на сворахъ, другія бѣгутъ такъ, и мы крупнымъ шагомъ выѣзжаемъ черезъ «Кислый Колодезь», мимо «Рощи» въ поле.

Папа командуетъ — «разравнивайся», указываетъ направленіе, и мы всѣ разсыпаемся по жнивамъ и зеленямъ, посвистывая, вертясь по крутымъ, подвѣтреннымъ межамъ, прохлопывая арапниками кусты и зорко всматриваясь въ каждую точку, въ каждое пятнышко на землѣ.

Впереди что-то бѣлѣется. Начинаешь присматриваться, подбираешь поводья, осматриваешь сворку, не вѣришь своему счастью, что, наконецъ-то, наѣхалъ зайца.

Подъѣзжаешь все ближе, ближе — всматриваешься—оказывается, что это не заяцъ, а лошадиный черепъ.

Досадно!

Оглядываешься на папа и на Сережу:

«Видѣли ли они, что я принялъ эту кость за зайца?»

Папà бодро сидитъ на своемъ англійскомъ сѣдлѣ съ деревянными стременами и куритъ папиросу, а Сережа запуталъ сворку и никакъ не можетъ ее выправить.

«Нѣтъ, слава Богу, никто не видалъ, а то было бы стыдно».

Ѣдемъ дальше.

Мѣрный шагъ лошади начинаетъ закачивать, дремлется, становится скучно, и вдругъ, обыкновенно въ ту минуту, когда меньше всего этого ждешь, впереди тебя, шагахъ въ двадцати, какъ изъ земли выскакиваетъ русакъ.

Собаки увидали его раньше меня, рванулись и уже скачутъ.

Начинаешь неистово орать «ату его, ату его» и, не помня себя, изо всѣхъ силъ колотишь лошадь и летишь.

Собаки спѣютъ, угонка, другая, молодые, азартные Султанъ и Милка проносятся, догоняютъ опять, опять проносятся и, наконецъ, старая мастерица Крылатка, скачущая всегда сбоку, улавливаетъ моментъ, — бросокъ — и заяцъ безпомощно кричитъ, какъ ребенокъ, а собаки, впившись въ него звѣздой, начинаютъ растягивать его въ разныя стороны.

«Отрышъ, отрышъ».

Мы подскакиваемъ, прикалываемъ зайца, раздаемъ собакамъ «пàзанки» [1]), разрывая ихъ по пальцамъ и бросая нашимъ любимцамъ, которые ловятъ ихъ налету, и папà учитъ насъ «торочить» русака въ сѣдло.

Ѣдемъ дальше.

---

[1]) «Пàзанки»—послѣдній суставъ задней ноги зайца.

Послѣ травли стало веселѣй, подъѣзжаемъ къ лучшимъ мѣстамъ около «Ясенокъ», около «Ретинки». Русаки вскакиваютъ чаще, у каждаго изъ насъ есть уже «торока», и мы начинаемъ мечтать о лисицѣ.

Лисицы попадаются рѣдко.

Тогда, большей частью, отличается «Тумашка», который старъ и важенъ.

Зайцы ему надоѣли и за ними скакать онъ не старается.

Зато за лисицей онъ скачетъ изо всѣхъ силъ и почти всегда ловитъ ее онъ.

Домой мы возвращаемся поздно, часто въ темнотѣ.

Выторачиваемъ зайцевъ и раскладываемъ ихъ въ передней на полу.

Мама́ спускается съ лѣстницы съ маленькими дѣтьми и ворчитъ на то, что мы опять окровянили полъ, но папа́ на нашей сторонѣ, и мы на полъ не обращаемъ вниманія.

«Что тамъ какія-то пятна, когда мы затравили восемь русаковъ и одну лисицу!

И устали».

Одинъ разъ на охотѣ папа́ поссорился съ Степой.

Это было около «Ягоднаго», верстахъ въ двадцати отъ дома.

Степа ѣхалъ по рѣдкому березняку.

Изъ-подъ него выскочилъ русакъ, Степа спустилъ собакъ, и мы русака затравили.

Подскакиваетъ папа́ и начинаетъ горячо упрекать Степу за то, что онъ травилъ въ лѣсу.

«Вѣдь этакъ всѣхъ собакъ перебьешь о деревья, развѣ можно такія вещи дѣлать!»

Степа сталъ возражать, оба загорячились, наговорили другъ другу колкостей и Степа, обидѣвшись, передалъ своихъ собакъ Сережѣ, а самъ молча поѣхалъ домой.

Мы разравнялись по полю и поѣхали въ другую сторону.

Вдругъ видимъ изъ-подъ Степы выскочилъ русакъ.

Онъ вздрогнулъ, пришпорилъ лошадь, крикнулъ «ату его», хотѣлъ было поскакать, но, очевидно, вспомнивъ, что онъ съ «Левочкой» въ ссорѣ, сдержалъ свою лошадь (скаковая Фру-Фру) и, не оглядываясь, молча тихимъ шагомъ поѣхалъ дальше.

Русакъ повернулъ къ намъ, мы спустили собакъ и затравили его.

Когда заяцъ былъ второченъ, папа вспомнилъ о Степѣ и ему стало совѣстно за свою рѣзкость.

— «Ахъ, какъ нехорошо это вышло, ахъ, какъ непріятно, — говорилъ онъ, глядя на удаляющуюся въ полѣ точку,—надо его догнать».

— «Сережа, догони его и скажи, что я прошу его не сердиться и вернуться, — а что русака мы затравили!» крикнулъ онъ вдогонку, когда Сережа, обрадованный за Степу, пришпорилъ лошадь и уже поскакалъ.

Скоро Степа вернулся, и охота продолжалась до вечера весело и безъ всякихъ другихъ приключеній.

Еще интереснѣе были охоты «по порошѣ».

Волненія начинались еще съ вечера.

Утихнетъ ли погода? Перестанетъ ли за ночь падать снѣгъ? Не подымется ли метель?

Рано утромъ мы, полуодѣтые, выбѣгали въ залу и всматривались въ горизонтъ.

Если линія горизонта очерчена ясно, значитъ тихо и ѣхать можно; если горизонтъ сливается съ небомъ,—значитъ, въ полѣ заметь, и ночные слѣды занесены.

Ждемъ папа, иногда рѣшаемся послать его будить и, наконецъ, собираемся и ѣдемъ.

Эта охота особенно интересна тѣмъ, что по слѣду русака видишь всю его ночную жизнь.

Видишь его слѣдъ, когда онъ съ вечера всталъ и голодный спѣшилъ на кормежку.

Видишь, какъ онъ разрывалъ занесенныя снѣгомъ зеленя, срывалъ попутныя полынки, садился, игралъ и, наконецъ, наѣвшись и набѣгавшись, рѣшительно повернулъ на дневную лежку.

Тутъ начинаются его хитрости. Онъ двоитъ, сметываетъ, опять двоитъ, или даже троитъ, опять сметываетъ, и, наконецъ, убѣдившись, что онъ достаточно напуталъ и скрылъ слѣдъ, онъ выкапываетъ себѣ подъ теплой, подвѣтренной межой ямку и ложится.

Наѣхавъ на свѣжій слѣдъ, надо поднять руку съ арапникомъ и таинственно, протяжно засвистѣть.

Тогда подъѣзжаютъ остальные охотники, папа́ ѣдетъ впереди по слѣду и разбираетъ его, а мы, затаивъ дыханіе и волнуясь, крадемся сзади.

Одинъ разъ мы затравили по порошѣ въ одинъ день двѣнадцать русаковъ и двухъ лисицъ.

Не помню точно, когда папа́ бросилъ охоту. Кажется, что это было въ серединѣ 80-хъ годовъ, тогда же, когда онъ сдѣлался вегетаріанцемъ.

Въ октябрѣ 1884 года онъ пишетъ моей матери изъ Ясной Поляны: ...«поѣхалъ верхомъ, собаки увязались за мной. Агаѳья Михайловна сказала, что безъ своры бросятся на скотину, и послала со мной Ваську. Я хотѣлъ попробовать свое чувство охоты. Ѣздить, искать, по сорокалѣтней привычкѣ очень пріятно. Но вскочилъ заяцъ, и я желалъ ему успѣха. А главное—совѣстно».

Но и послѣ охотничья страсть въ немъ не угасала.

Когда, во время прогулки, весной онъ слышалъ свистъ и хорканье вальдшнепа, онъ прерывалъ начатый разговоръ, подымалъ голову кверху и, съ волненіемъ хватая своего собесѣдника за руку, говорилъ: «слушайте, слушайте, — вальдшнепъ, вотъ онъ».

Въ девяностыхъ годахъ, когда онъ жилъ въ моемъ имѣніи Чернскаго уѣзда и устраивалъ тамъ столовыя для голодающихъ, съ нимъ случилась непріятная и трогательная исторія.

Онъ любилъ ѣздить по деревнямъ верхомъ на моемъ охотничьемъ киргизѣ, и часто съ нимъ увязывалась моя борзая собака «Донъ», которая привыкла къ лошади и всегда за ней ходила.

Ѣдетъ онъ разъ по полю и слышитъ, что недалеко отъ него крестьянскіе ребятишки кричатъ: «заяцъ, заяцъ!»

— «Смотрю,—разсказываетъ онъ мнѣ,—къ лѣсу скачетъ русакъ. Отъ меня далеко, такъ что затравить его немыслимо.

— «Захотѣлось мнѣ посмотрѣть скачку Дона, я не вытерпѣлъ и показалъ ему русака.

«Тотъ заложился и, представь себѣ мой ужасъ, когда онъ сталъ его догонять.

— «Я взмолился. Уйди, ради Бога уйди.

— «Смотрю, Донъ его уже мотаетъ на угонкахъ.

«Что мнѣ дѣлать?

— «Къ счастью, тутъ уже близко опушка.

«Русакъ ввалился въ кусты и ушелъ.

«Но если бы онъ поймалъ его, я былъ бы въ отчаяньи».

Я не хотѣлъ огорчать отца и не сказалъ ему, что Донъ пришелъ домой только черезъ часъ послѣ его пріѣзда, весь въ крови, раздутый, какъ бочка.

Очевидно, онъ поймалъ зайца въ кустахъ и тамъ же его съѣлъ.

большихъ бороться на поясахъ. Потомъ турокъ боролся съ русскимъ солдатомъ.

— «Какіе красивые, милые и кроткіе люди», говорилъ папа, уходя отъ нихъ, а мнѣ казалось страннымъ, что онъ такъ хорошо отнесся къ тѣмъ самымъ страшнымъ туркамъ, которыхъ надо бояться и бить, потому что они рѣжутъ болгаръ и бьютъ нашихъ.

Въ послѣдней части «Анны Карениной» отецъ, описывая конецъ карьеры Вронскаго, отнесся неодобрительно къ добровольческому движенію и славянскимъ комитетамъ и изъ-за этого у него вышло недоразумѣніе съ Катковымъ.

Я помню, какъ папа сердился, когда Катковъ отказался помѣстить эти главы цѣликомъ, просилъ его или часть выкинуть, или смягчить и, въ концѣ-концовъ, возвратилъ рукопись и помѣстилъ въ своемъ журналѣ небольшую замѣтку, въ которой говорилось, что со смертью героини, романъ, собственно говоря, конченъ, но что далѣе слѣдуетъ эпилогъ листа въ два, въ которомъ по плану автора, разсказывается то-то и то-то и что, быть-можетъ, авторъ «разовьетъ эти главы къ особому изданію своего романа».

Благодаря этому случаю отецъ поссорился съ Катковымъ и послѣ этого уже больше съ нимъ не сходился.

Между прочимъ, по поводу Каткова, мнѣ припоминается одно очень характерное опредѣленіе отца: онъ говорилъ, что большей частью люди, владѣющіе литературной формой, совершенно не умѣютъ говорить и, наоборотъ, люди краснорѣчивые совсѣмъ не могутъ писать.

Какъ примѣръ первыхъ онъ приводилъ Каткова, который, по его словамъ, «въ разговорѣ мямлилъ, запинался и двухъ словъ связать не умѣлъ», а

ко вторымъ онъ причислялъ многихъ извѣстныхъ ораторовъ, и въ томъ числѣ Ѳ. Н. Плевако.

Заканчивая эту главу, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ отецъ самъ относился къ «Аннѣ Карениной».

Въ 1875 году онъ пишетъ въ письмѣ къ Н. Н. Страхову: «Успѣхъ послѣдняго отрывка «Анны Карениной», признаюсь, порадовалъ меня. Я никакъ не ожидалъ этого, и, право, удивляюсь тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится»...

Въ этомъ же году онъ пишетъ Фету:

«Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Теперь же берусь за скучную, пошлую «Анну Каренину» съ однимъ желаніемъ: поскорѣе опростать себѣ мѣсто—досугъ для другихъ занятій, но только не педагогическихъ, которыя люблю, но хочу бросить. Они слишкомъ много берутъ времени»...

Въ 1878 году, уже при окончаніи романа, онъ пишетъ опять Страхову:

«Я со страхомъ чувствую, что перехожу на лѣтнее состояніе; мнѣ противно то, что я писалъ, и теперь у меня лежатъ корректуры на апрѣльскую книжку (Ан. Кар.) и боюсь, что не въ силахъ ихъ поправить.

«Все въ нихъ скверно и все надо передѣлать, все, что напечатано, и все перемарать, бросить и отречься и сказать: «виноватъ, впередъ не буду! И постараться написать, что-нибудь новое, уже не такое нескладное и ни то ни сё—мное»...

Такъ относился отецъ къ своему роману во время его писанія.

Послѣ много разъ я слышалъ отъ него отзывы еще гораздо болѣе рѣзкіе:

— «Что тутъ труднаго написать, какъ офицеръ полюбилъ барыню,—говаривалъ онъ.—Ничего нѣтъ

въ этомъ трудпаго, а главное—ничего хорошаго. Гадко и безполезно!»

Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что если бы отецъ могъ, онъ давно уничтожилъ бы этотъ романъ, который онъ никогда не любилъ и къ которому всегда относился отрицательно.

ГЛАВА XI.

Почтовый ящикъ.

Лѣтомъ, когда въ Ясной съѣзжались двѣ семьи, наша и Кузминскихъ, когда оба дома бывали полны народа, своихъ и гостей, — у насъ устраивался почтовый ящикъ.

Онъ зародился очень давно, когда я былъ еще совсѣмъ маленькій и только что научился писать, и существовалъ съ перерывами до середины восьмидесятыхъ годовъ.

Висѣлъ онъ на площадкѣ, надъ лѣстницей, рядомъ съ большими часами, и въ него каждый опускалъ свои произведенія: стихи, статьи и разсказы, написанные въ теченіе недѣли на злобы дня.

По воскресеньямъ всѣ собирались въ залѣ у круглаго стола, ящикъ торжественно отпирался, и кто-нибудь изъ старшихъ, часто даже самъ папа́, читалъ его вслухъ.

Всѣ статьи были безъ подписей, и былъ уговоръ не подсматривать почерковъ, — но, несмотря на это, мы всегда почти безъ промаха угадывали авторовъ или по слогу, или по его смущенію, или, наоборотъ, по натянуто-равнодушному выраженію его лица.

Когда я былъ мальчикомъ и въ первый разъ написалъ въ почтовый ящикъ французскіе стихи, я

такъ смутился, когда ихъ читали, что спрятался подъ столъ и просидѣлъ тамъ цѣлый вечеръ, пока меня оттуда не вытащили насильно.

Послѣ этого я долго не писалъ ничего и всегда больше любилъ слушать чужое, чѣмъ свое.

Всѣ «событія» нашей яснополянской жизни такъ или иначе откликались въ почтовомъ ящикѣ, и никому, даже большимъ, не было пощады.

Въ почтовомъ ящикѣ выдавались всѣ секреты, всѣ влюбленія, всѣ эпизоды нашей сложной жизни, и добродушно осмѣивались и живущіе и гости.

Къ сожалѣнію, многое изъ ящика пораспропало, часть сохранилась у нѣкоторыхъ изъ насъ въ спискахъ и въ памяти, и я не могу возстановить всего, что было въ немъ интереснаго. Вотъ нѣкоторыя вещи, наиболѣе интересныя (изъ эпохи 80-хъ годовъ).

«Старый хрѣнъ» продолжаетъ спрашивать. Почему, когда въ комнату входитъ женщина или старикъ, всякій благовоспитанный человѣкъ не только проситъ ихъ садиться, но уступаетъ имъ мѣсто?

Почему пріѣзжаго Ушакова или сербскаго офицера не отпускаютъ безъ чая или обѣда?

Почему считается неприличнымъ позволить болѣе старому человѣку или женщинѣ подать шубу и т. д.

И почему всѣ эти прекрасныя правила считаются обязательными къ другимъ, тогда какъ всякій день приходятъ люди, и мы не только не велимъ садиться и не оставляемъ обѣдать или ночевать и не оказываемъ имъ услугъ, но считаемъ это верхомъ неприличія.

Гдѣ кончаются тѣ люди, къ которымъ мы обязаны?

По какимъ признакамъ отличаются одни отъ другихъ?

И не скверны ли всѣ эти правила учтивости, если они не относятся ко всѣмъ людямъ? Не есть ли то, что мы называемъ учтивостью, обманъ,—и скверный обманъ?

(Левъ Толстой).

Спрашиваютъ:

Что ужаснѣе: «скотскій» падежъ для скотопромышленниковъ, или «творительный» для гимназистовъ?

(Л. Толстой).

Просятъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Почему Устюша, Маша, Алена, Петръ и пр. должны печь, варить, мести, выносить, подавать... а господа ѣсть, жрать, ссориться, дѣлать нечистоты и опять кушать?

(Л. Толстой).

У тети Тани, когда она бывала не въ духѣ, изъза пролитаго кофейника или проигранной партіи въ крокетъ,—была привычка посылать всѣхъ къ чорту. На это Л. Н. написалъ разсказъ «Сусойчикъ».

Дьяволъ—не главный дьяволъ, а одинъ изъ ординарныхъ, тотъ, которому поручено завѣдываніе общественными дѣлами, называемый «Сусойчикъ», былъ очень встревоженъ 6 августа 1884 года. Съ утра стали являться къ нему посланные отъ Тат. Андр. Кузминской.

Первый пришелъ Ал. Михайловичъ, второй Миша Ислявинъ, третій Вячеславъ, четвертый Сережа Толстой и подъ конецъ Левъ Толстой, старшій, въ сообществѣ князя Урусова. Первый посѣтитель Ал. Мих. не удивилъ Сусойчика, такъ какъ онъ часто, исполняя порученіе супруги, являлся къ Сусойчику. «Что? опять жена прислала?» — «Да прислала», застѣнчиво сказалъ предсѣдатель окружнаго суда, не зная, какъ подробнѣе объяснить причину своего посѣщенія.

«Частенько жалуешь. Что надо?» — «Да ничего особеннаго, кланяться велѣла», съ трудомъ отступая отъ истины, промямлилъ Ал. Мих. «Ну, хорошо, хорошо, бывай чаще, она у меня работница хорошая».

Не успѣлъ Сусойчикъ проводить предсѣдателя, какъ явилась молодежь, смѣясь, толкаясь, прячась другъ за друга. «Что, молодцы? моя Танечка прислала? Ничего, и вамъ побывать не мѣшаетъ. Кланяйтесь Танѣ, скажите, что я ей всегда слуга. Бывайте, приведется и Сусойчикъ пригодится».

Только раскланялась молодежь, какъ явился и Левъ Толстой, старикъ, съ княземъ Урусовымъ.

— «А-а, старичокъ! Вотъ спасибо Танечкѣ. Давно ужъ не видалъ старичка. Живъ-здоровъ? Чего надо?»

Левъ Толстой въ смущеніи переминался съ мѣста на мѣсто.

Князь Урусовъ, вспомнивъ дипломатическіе пріемы, выступилъ впередъ и объяснилъ появленіе Толстого его желаніемъ познакомиться съ самымъ старымъ и вѣрнымъ другомъ Тат. Андр.

«Zes amis de nos amis sont nos amis»

— «Такъ, ха, ха, ха», сказалъ Сусойчикъ.

За нынѣшній день надо наградить ее.

«Прошу васъ, князь, передайте ей знаки моего благоволенія», и онъ передалъ ордена въ сафьяновой коробкѣ. Ордена составляютъ: ожерелье изъ хвостовъ чертенятъ, для ношенія на шеѣ, и двѣ жабы — одну для ношенія на груди, другую на турнюрѣ.

(Левъ Толстой).

Идеалы Ясной Поляны.

Левъ Никол. — 1. Нищета, миръ и согласіе. 2. Сжечь все, чему поклонялся — поклониться всему, что сжигалъ.

Софья Андр. — 1. Сенека. 2. Имѣть 150 малышей, которые никогда бы не становились большими.

Татьяна Андр.—1. Вѣчная молодость. 2. Свобода женщинъ.

Илья. — Тщательно скрыть, что у него есть сердце и дѣлать видъ, что убилъ 100 волковъ.

Big Маша. — Общая семья, построенная на началахъ граціи и орошаемая слезами умиленія.

M-me Seuron. — Изящество.

Вѣра. — Дядя Ляля.

Князь Урусовъ. — Расчетъ въ крокетъ и забыть все земное.

Всѣхъ малышей. — Напихиваться цѣлый день всякой дрянью и изрѣдка, для разнообразія, заревѣть благимъ матомъ.

Таня. — Стриженая голова. Душевная тонкость и постоянно новые башмаки.

Леля. — Издавать газету «Новости».

Княгиня Оболенская. — Счастье всѣхъ и семейность вокругъ.

Little Маша. — Звуки гитарныхъ струнъ.

Трифоновна. — Ихняя свадьба.

Тетѣ Танѣ.

При погодѣ при прекрасной
Жили весело всѣ въ Ясной,
Жили веселясь.

Вдругъ пришло на умъ Татьянѣ,
Что во Ясной во Полянѣ
Нельзя вѣчно жить.

Говоритъ себѣ Татьяна:
Нужно поздно или рано
Дѣтямъ аттестатъ.

Отдамъ дѣвочекъ въ науку,
Произведу во всяку штуку,
Будутъ, какъ мамзель.

Накупили книгъ, тетрадей,
Рады ль дѣвочки, не рады,
Стали обучать.

И учили безъ печали,
Но когда законъ начали,
Дѣло не пошло.

Никакъ Маша не усвоитъ,
И сердито Вѣра воетъ:
Нѣтъ, не обучусь.

Вотъ однажды, изучая
Смыслъ изгнанія изъ рая,
Вѣра говоритъ:

Намъ велятъ учить законъ,
Какъ Адама выгналъ вонъ
Вмѣстѣ съ Евой Богъ.

Но учить вѣдь какъ обидно,
Потому что ясно видно,
Что все пустяки (Que ce nést pas vrai).

Вотъ насъ съ Машей обижаютъ
И къ Василію не пускаютъ
Яблоки трясти.

А въ раю было не то,
Ничего не заперто,
Кушай сколько хошь.

А за что изгнанъ Адамъ?
Говоритъ сама, мадамъ,
За curiosité.

Такъ за то ихъ и прогнали
Что они много узнали,
А я не хочу.

И не знаетъ теперь мать,
Что на это отвѣчать.
Точно мудрено!

(Левъ Толстой).

Тетя Соня и тетя Таня и вообще, что любитъ тетя Соня и тетя Таня.

Тетя Соня любитъ шить бѣлье, broderie anglaise и разныя красивыя работы. Тетя Таня любитъ шить платья и гадать. Тетя Соня любитъ цвѣты, и ранней весной на нее находятъ порывы заниматься ими. Она принимаетъ на себя озабоченный видъ, копается въ клумбахъ, призываетъ садовника, и поражаетъ тетю Таню латинскими названіями всѣхъ цвѣтовъ, и тетя Таня думаетъ: «и все-то она знаетъ».

Тетя Таня говоритъ, что терпѣть не можетъ цвѣтовъ, и что этой дрянью не стоитъ заниматься, а сама секретно ими любуется.

Тетя Соня купается въ сѣромъ костюмѣ и входитъ въ купальню степенно, по ступенькамъ, вбирая въ себя духъ отъ холода, потомъ прилично окунется, войдя въ воду, и тихими плавными движеніями плыветъ вдаль.

Тетя Таня надѣваетъ изодранный клеенчатый чепецъ съ розовыми ситцевыми подвязушками и отчаянно сигаетъ въ глубину и мгновенно, неподвижно ложится на спину.

Тетя Соня боится, когда дѣти прыгаютъ въ воду.

Тетя Таня срамитъ дѣтей, если они боятся прыгать.

Тетя Соня, надѣвъ очки, забравъ малышей, рѣшительнымъ шагомъ идетъ въ посадку, говоря: «малы-

шечки, мои дружечки, отъ меня не отставать», и любитъ, не спѣша, ходить по лѣсу и набирать подберезники, не пренебрегая и волвянками, говоря: «дѣти, непремѣнно волвянки берите, вашъ папаша ихъ очень солеными любитъ, а до весны все попрiѣстся».

Тетя Таня, собираясь въ лѣсъ, приходитъ въ волненіе, что кто-нибудь помѣшаетъ ей, или увяжется за ней, и, когда малыши, дѣйствительно, увязываются, то она говоритъ строго: «бѣгите, но чтобы я васъ не видѣла, если пропадете, не ревѣть».

Она быстро обѣгаетъ всѣ лѣса, овраги, и любитъ набирать подосинники. У ней всегда въ карманѣ пряники.

Тетя Соня въ затруднительныхъ обстоятельствахъ думаетъ: «кому я больше нужна? кому я могу быть полезна?»

Тетя Таня думаетъ: «кто мнѣ нынче нуженъ? кого мнѣ куда послать?»

Тетя Соня умывается холодной водой. Тетя Таня боится холодной воды.

Тетя Соня любитъ читать философію и вести серіозные разговоры и удивить тетю Таню страшными словами, и достигаетъ вполнѣ своей цѣли.

Тетя Таня любитъ читать романы и говорить о любви.

Тетя Соня терпѣть не можетъ разливать чай.

Тетя Таня тоже не любитъ.

Тетя Соня не любитъ приживалокъ и юродивыхъ.

Тетя Таня ихъ очень любитъ.

Тетя Соня, играя въ крокетъ, всегда находитъ себѣ и другое занятіе, какъ-то: посыпать пескомъ каменистое мѣсто, чинить молотки, говоря, что слишкомъ дѣятельна, и не привыкла сидѣть сложа руки.

Тетя Таня съ озлобленіемъ слѣдитъ за игрой, ненавидя враговъ и забывая все остальное.

Тетя Соня близорука и не видитъ паутины по угламъ и пыли на мебели. Тетя Таня видитъ и велитъ сметать.

Тетя Соня обожаетъ дѣтей, тетя Таня далеко не обожаетъ ихъ.

Когда малыши ушибаются, тетя Соня ласкаетъ ихъ, говоря: «матушка моя, голубчикъ мой, вотъ постой, мы этотъ полъ прибьемъ — вотъ тебѣ, вотъ тебѣ». И малышъ и тетя Соня съ ожесточеніемъ бьютъ полъ.

Тетя Таня, когда малыши ушибаются, начинаетъ съ озлобленіемъ тереть ушибленное мѣсто, говоря: «чтобъ васъ совсѣмъ, и кто васъ только родилъ. И гдѣ эти няньки, чортъ ихъ возьми совсѣмъ. Дайте мнѣ хошь холодной воды, что всѣ роть разинули».

Когда дѣти больны, тетя Соня мрачно читаетъ медицинскія книги и даетъ опіумъ. Тетя Таня, когда заболѣваютъ дѣти, выбранитъ ихъ и даетъ масло.

Тетя Соня любитъ иногда нарядиться во что-нибудь необыкновенное и въ воскресенье, войдя скорымъ шагомъ въ залу къ обѣду, всѣхъ поразитъ. Тетя Таня тоже любитъ нарядиться, но во что-нибудь, что ее молодитъ.

Тетя Соня любитъ иногда сдѣлать прическу угнетенной невинности и тогда принимаетъ на себя видъ обиженной кругомъ судьбой и людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ такой кроткой невинной женщины, съ косою на затылкѣ и гладко причесанными волосами спереди, что думаешь: «Боже, кто ее могъ обидѣть, кто этотъ злодѣй, и могла ли она перенести это», и слезы навертываются на глазахъ при одной такой мысли.

Тетя Таня любитъ высокую прическу, открытый затылокъ и низко спущенные волосы на лбу, воображая, что тогда глаза кажутся больше, и часто моргаетъ ими.

Тетя Таня всякую ссору любитъ запечатать.

Тетя Соня послѣ ссоры любитъ начать говорить, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Тетя Соня ничего не кушаетъ по утрамъ, а если и сваритъ когда-нибудь себѣ яички, то, по первому желанію другого, уступаетъ ихъ. Тетя Таня, вставши думаетъ: «чѣмъ бы барынѣ угоститься?»

Тетя Соня кушаетъ скоро, маленькими кусочками, какъ будто клюетъ, низко нагибаясь къ тарелкѣ. Тетя Таня набиваетъ себѣ ротъ, и когда на нее глядятъ во время ѣды, дѣлаетъ видъ, что она ѣстъ только такъ, потому что надо, и что ей совсѣмъ не хочется.

Тетя Соня любитъ сѣсть за фортепіано и играть и пѣть малышамъ ровнымъ голосомъ: «гопъ, гопъ, гопъ, эй ступай въ галопъ». И малыши рѣзвятся.

Тетя Таня терпѣть не можетъ примѣшивать къ малышамъ музыку, но не прочь, чтобы и ея малыши тутъ же плясали, но скрываетъ это.

Тетя Соня шьетъ дѣтямъ платья, припуская на ростъ на 15 лѣтъ.

Тетя Таня кроитъ узко и послѣ первой стирки надо перешивать.

Тетя Соня уважаетъ засидки. Тетя Таня терпѣть ихъ не можетъ.

Тетя Соня постоянно о комъ-нибудь безпокоится, въ особенности, когда кто-нибудь уѣхалъ на время изъ дому. Тетя Таня, разъ отпустивши, старается забыть объ этомъ и никогда не безпокоится.

Тетя Соня, пользуясь какой-нибудь радостью или веселъемъ, тотчасъ примѣшиваетъ къ нему чувство грусти. Тетя Таня пользуется счастьемъ всецѣло.

Тетя Соня очень деликатно относится къ чужой собственности, и когда у тети Тани пирогъ съ грибами, она спроситъ: «Танечка, я васъ не обижу?» (Когда дѣло идетъ о чужой собственности, тетя Соня переходитъ на «Вы»), и съ сими словами беретъ

горбушечку. Тетя Таня въ отчаяніи и убѣдительно проситъ взять серединку, но тщетно, просьба остается безъ послѣдствій.

Когда же у тети Тани нѣтъ свѣжаго хлѣба къ чаю, она спрашиваетъ у тети Сони: «у васъ нынче свѣжій?» и, не дожидаясь отвѣта, беретъ хлѣбъ, нюхаетъ его, нюхаетъ и масло, бросаетъ все въ сторону и кричитъ: «вѣчно кислый хлѣбъ, вѣчно масло коровой пахнетъ», и ѣстъ все-таки чужой хлѣбъ и чужое масло.

Чья нога меньше, тети Тани или тети Сони, еще не разрѣшено.

„Чѣмъ люди живы“ въ Ясной Полянѣ.

Левъ Ник. живъ тѣмъ, что будто бы нашелъ разгадку жизни.

Алекс. Мих. живъ тѣмъ, что бываютъ лѣтніе мѣсяцы отдыха.

Софья Андр. жива тѣмъ, что она жена знаменитаго человѣка, и что существуютъ такія мелочи, какъ, напримѣръ, земляника, на которыя можно тратить свою энергію.

Татьяна Андр. жива тѣмъ, что умѣетъ нравиться, веселиться и заставить себя любить.

Таня жива тѣмъ, что она недурна собой, и что существуетъ такое благо, какъ замужество.

Сергѣй Львов. живъ тѣмъ, что думаетъ когда-нибудь зажить иною жизнью.

Илья Львов. живъ надеждой на семейное счастье.

M-me Seuron. Жива тѣмъ, что живъ ея Альси-душка.

Big Маша жива тѣмъ, что она—центръ вниманія яснополянской молодежи.

Little Маша жива тѣмъ, что на свѣтѣ есть нѣкто Ванечка Мещерскій.

Вѣра Кузминская жива тѣмъ, что существуютъ масседуанъ и разныя другія сладости, а также и тѣмъ, что у ней есть сестрица Маша.

Алкидъ живъ тѣмъ, что за него думаетъ и чувствуетъ его мать.

Леля живъ тѣмъ, что мало заставляютъ учиться.

Черезъ недѣлю въ отвѣтъ на эту статью появилось:

„Чѣмъ люди мертвы въ Ясной".

Левъ Николаевичъ мертвъ, когда ѣдутъ въ Москву, и когда въ Москвѣ, выходя гулять, получаетъ разныя грустныя впечатлѣнія.

Софья Андр. мертва, когда малышечки больны и когда Илья въ бабки играетъ.

Александръ Мих. мертвъ, когда онъ изъ Ясной уѣзжаетъ.

Татьяна Андр., когда Александръ Михайловичъ уѣзжаетъ, и когда въ крокетъ проигрываетъ.

Таня мертва, когда мамаша сватаетъ ее за Ѳедю С.

Сережа мертвъ тѣмъ, что Алена уѣхала.

Илья мертвъ тѣмъ, что греческая грамматика наступаетъ.

Леля—тѣмъ, когда зайца протравятъ и когда Кузминовы уѣзжаютъ.

Вѣра мертва тѣмъ, что Законъ Божій надо отвѣчать, и что крыжовникъ сошелъ.

Little Маша мертва тѣмъ, что у Ванечки Мещерскаго бабушка померла.

Часто въ Ясную заходилъ полу-юродивый сумасшедшій Блохинъ. У него была манія величія, основанная на томъ, что онъ «всѣхъ чиновъ окончилъ»

и равенъ императору Александру II и Богу. Поэтому онъ жилъ исключительно для «разгулки времени», имѣлъ «открытый банкъ денегъ» и называлъ себя княземъ и кавалеромъ всѣхъ орденовъ. Когда его спрашивали, почему у него нѣтъ денегъ и онъ проситъ подаянія, онъ наивно улыбался и, не смущаясь, отвѣчалъ, что вышла задержка въ полученіи, но что онъ «доложилъ» и на-дняхъ получитъ. Къ этому Блохину, описанному въ приведенномъ ниже «скорбномъ листѣ» подъ № 21, отецъ приравниваетъ многихъ яснополянскихъ больныхъ, которыхъ всѣхъ онъ считаетъ опасными и нуждающимися въ радикальномъ лѣченіи, а самого Блохина онъ приравниваетъ къ грудной дѣвочкѣ Сашѣ и одного его онъ считаетъ возможнымъ выписать, какъ разсуждающаго вполнѣ послѣдовательно.

Скорбный листъ душевно-больныхъ яснополянскаго госпиталя.

№ 1 (Левъ Николаевичъ). Сангвиническаго свойства. Принадлежитъ къ отдѣленію мирныхъ. Больной одержимъ маніей, называемой нѣмецкими психіатрами «Weltverbesserungswahn». Пунктъ помѣшательства въ томъ, что больной считаетъ возможнымъ измѣнить жизнь другихъ людей словами. Признаки общіе: недовольство всѣмъ существующимъ порядкомъ; осужденіе всѣхъ, кромѣ себя, и раздражительная многорѣчивость, безъ обращенія вниманія на слушателей; частые переходы отъ злости и раздражительности къ ненатуральной слезливой чувствительности.

Признаки частные: занятія несвойственными работами; чиненье-шитье сапогъ, кошеніе травы и т. д. Лѣченіе: полное равнодушіе всѣхъ окружающихъ къ

его рѣчамъ, занятія такого рода, которыя бы поглощали силы больного.

№ 2 (Софья Андреевна). Находится въ отдѣленіи смирныхъ, но временами должна быть отдѣлена. Больная одержима маніей: Petulanta toropigis maxima. Пунктъ помѣшательства въ томъ, что больной кажется, что всѣ отъ нея всего требуютъ, и она никакъ не можетъ поспѣть все сдѣлать. Признаки: разрѣшеніе задачъ, которыя не заданы; отвѣчаніе на вопросы прежде, чѣмъ они поставлены; оправданіе себя въ обвиненіяхъ, которыя не дѣланы, и удовлетвореніе потребностей, которыя не заявлены.

Больная страдаетъ маніей блохинобанковской. Лѣченіе: напряженная работа. Діэта: разобщеніе съ легкомысленными свѣтскими людьми. Хорошо тоже дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ въ умѣренномъ пріемѣ «воды кузькиной матери».

№ 3 (***). Больной страдалъ прежде mania senatorialis ambitiosa magna, усложненной маніей emolumentum pecuniorum, и находится въ процессѣ излѣченія.

Страданія больного въ настоящую минуту выражаются желаніемъ соединить должность своего собственнаго дворника съ званіемъ предсѣдателя.

Общіе признаки: тишина, недовѣріе къ себѣ. Частные признаки: безполезное копаніе земли и столь же безполезное чтеніе производствъ въ газетахъ и изрѣдка мрачное настроеніе, выражающееся взрывами. Лѣченіе: бо́льшее вникновеніе въ вопросы жизни, больше сообразованія съ нею, бо́льшая кротость и больше довѣрія къ себѣ во имя тѣхъ началъ, которыя онъ считаетъ истинными.

№ 4 (M-me Seuron). Больная страдаетъ comitfotis simplex, усложненной остатками «sacracordia catolica». Признаки болѣзни общіе: неясность взгляда

на жизнь и твердость и непоколебимость пріемовъ. Поступки лучше словъ.

Признаки частные: разговоры легкіе, жизнь строгая. Больная въ сильной степени заражена общей маніей блохинобанковской (см. ниже). Лѣченіе: нравственность и любовь сына. Предсказаніе благопріятное.

№ 5. Манія «seuronofilia». Болѣзнь весьма опасная. Лѣченіе радикальное—выйти замужъ.

№ 6 (Т. А. К.). Больная одержима маніей, называемой «mania demoniaca completica», случающейся довольно рѣдко и представляющей мало вѣроятности на исцѣленіе. Больная принадлежитъ къ отдѣленію опасныхъ. Происхожденіе болѣзни: успѣхъ въ молодости и привычка удовлетвореннаго тщеславія безъ нравственныхъ основъ жизни. Признаки болѣзни: страхъ передъ мнимыми, личными чертями и особенное пристрастіе къ дѣламъ ихъ, ко всякаго рода искушеніямъ: къ роскоши, къ злости, къ праздности. Забота о той жизни, которой нѣтъ, и равнодушіе къ той, которая есть. Больная чувствуетъ себя постоянно въ сѣтяхъ дьявола, любитъ быть въ его сѣтяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боится его.

Больная въ высшей степени страдаетъ новальной маніей блохинизма (см. ниже). Исходъ болѣзни сомнительный, потому что исцѣленіе отъ страха дьявола и будущей жизни возможно только при отреченіи отъ дѣлъ его. Дѣла же его занимаютъ всю жизнь больной. Лѣченіе двоякое: или совершенное предаиіе себя дьяволу и дѣламъ его съ тѣмъ, чтобы больная извѣдала горечь ихъ, или совершенное отчужденіе больной отъ дѣлъ дьявола.

Въ первомъ случаѣ хорошо было бы два большіе пріема компрометирующаго кокетства, два милліона денегъ, два мѣсяца полной праздности и привлеченіе къ мировому за оскорбленіе.

Во второмъ случаѣ: три или четыре ребенка съ кормленіемъ ихъ, жизнь полная занятій и умственное развитіе.

Діэта — въ первомъ случаѣ: трюфеля и шампанское, платье все изъ кружевъ, три новыхъ въ день. И во второмъ: щи, каша, по воскресеньямъ сладкія вотрушки и платье одного цвѣта и покроя на всю жизнь.

№ 7 (братъ Сережа). Больной одержимъ маніей, называемой «пустобрехъ universitelis libertatis». Больной принадлежитъ къ отдѣленію не вполнѣ смирныхъ. Признаки общіе: желаніе знать то, что знаютъ другіе люди и чего ему самому не нужно знать, и нежеланіе знать то, что ему нужно знать. Признаки частные: гордость, самоувѣренность и раздражительность. Больной еще не вполнѣ изслѣдованъ, но подверженъ, кромѣ того, въ сильнѣйшей степени маніи князя Блохина (см. ниже). Лѣченіе: вынужденная работа, а главное—служба или любовь, или то и другое. Діэта: меньше довѣрія къ знанію и больше изслѣдованія пріобрѣтенныхъ знаній.

№ 8 (Илья). Mania Prochoris egoistica complicata. Больной принадлежитъ къ разряду не безопасныхъ. Пунктъ помѣшательства въ томъ, что весь міръ сосредоточивается въ немъ. И что чѣмъ ниже и безсмысленнѣе тѣ занятія, которыми онъ занятъ, тѣмъ озабоченнѣе весь міръ этими занятіями.

Признаки общіе: больной не можетъ ничѣмъ заниматься, если не присутствуетъ удивляющійся Прохоръ. Но такъ какъ удивляющихся Прохоровъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше разрядъ занятій, то больной постоянно спускается на низшую степень занятій.

Признаки частные: больной возбуждается до самозабвенія всякимъ одобреніемъ, и падаетъ до апатіи безъ одобренія. Больной въ сильнѣйшей степени зараженъ блохинской эпидеміей. Болѣзнь опасная:

исходъ двоякій: первый — или больной привыкнетъ подчиняться суду низшаго сорта Прохоровъ, постоянно понижаясь по мѣрѣ легкости ихъ одобренія, второй же — это можетъ отвратить больного, и онъ попытается найти интересъ въ дѣятельности самоудовлетворяющей и независимой отъ Прохоровъ.

Лѣченіе невозможно. Діэта: воздержаніе отъ общества людей, стоящихъ ниже по образованію.

№ 9. Больной одержимъ сложной болѣзнью, называемой mania metaphisica, усложненной гипертрофіей разложившагося честолюбія vanitas diplomatica highlificos. Больной страдаетъ постоянно несоотвѣтствіемъ своихъ привычекъ съ міросозерцаніемъ. Признаки общіе: уныніе и желаніе казаться веселымъ и бодрымъ, любовь къ уединенію. Признаки частные: паденіе въ старыя привычки и недовольство собой. Излишняя раздражительность и возбужденіе при передачѣ своихъ мыслей.

Лѣченіе одно и несомнѣнно дѣйствительное: соединеніе съ семьей.

№ 10 (Маша Кузминская) (?). Больная поступила недавно въ Ясную Поляну, потому еще мало изслѣдована, но данныя діагноза слѣдующія: mania Каннисто-Меццеріано Петербуржіана, усложненная гипертрофіей modestica.

Признаки общіе: безжизненность, вялость и мечтанія о кавалерахъ. Тѣ же судорожныя движенія ногъ при звукахъ музыки, хотя и безъ искривленія тѣла. Въ сильной степени подвержена блохинскому simplex (см. ниже). Лѣченіе радикальное: «воды кузькиной матери», сильная любовь къ хорошему человѣку.

№ 11. Больной находится на испытаніи. До сихъ поръ въ больномъ очень выразились признаки маніи, называемой русскими психіатрами «ёрностифихотность», т.-е. пунктъ его помѣшательства состоитъ въ томъ, что нужно не самое дѣло, не самое чувство,

не самое знаніе, а что-то такое, что было бы похоже на дѣло, на чувство, на знаніе. Признаки частные: желаніе казаться все знающимъ и быть замѣченнымъ всѣми. Болѣзнь не очень опасная. Лѣченіе, къ которому и приступлено, — униженіе.

№ 12 (сестра Маша) (?). Больная находится на испытаніи. Принадлежитъ къ разряду вполнѣ смирныхъ. Признаки, заставляющіе держать больную въ госпиталѣ, только слѣдующіе: пристрастіе къ лампадкамъ, узкимъ носкамъ, ленточкамъ, турнюрамъ и т. д., заражена эпидеміей кн. Блохина. Лѣченіе не нужно, только діэта: разобщеніе съ поврежденными, и больная можетъ быть совершенно выписана.

№ 13 (Вѣра Кузминская). Опасная. Больная страдаетъ маніей, называемой португальскими психіатрами: «mania grubiana honesta maxima». Наружность, и мысль, что всѣ заняты этой наружностью. Признаки: Робость, тишина и взрывъ грубости. Эпидемія кн. Блохина въ сильной степени. Лѣченіе: нѣжность и любовь. Предсказанія благопріятныя.

№ 14. Больная страдаетъ маніей, называемой англійскими психіатрами: mania anglica as you like—ность».

Пунктъ помѣшательства: что надо дѣлать не то, что самой хочется, а что хочется другимъ. Эпидемія кн. Блохина въ малой степени. Лѣченіе: довѣріе къ тому, что въ глубинѣ души, совѣсть считаетъ хорошимъ, и недовѣріе къ тому, что считается таковымъ другими.

№ 15. Больной находится на испытаніи. Пунктъ помѣшательства: рубли и «дядя Ляля». Принадлежитъ къ разряду вполнѣ безопасныхъ. Отчасти только зараженъ блохинизмомъ. Исцѣленіе возможно.

№ 16 [1]). На испытаніи. Пунктъ: застегиваніе пуговицъ. Зараженіе блохинизмомъ

---

[1]) 16, 17, 18, 19 — маленькія дѣти.

№№ 17, 18, 19. На испытаніи, только слабо заражены блохинизмомъ.

№ 20 (грудная сестра Саша). Находится у кормилицы. Вполнѣ здорова и можетъ быть безопасно выписана. Въ случаѣ же пребыванія въ Ясной Полянѣ тоже подлежитъ несомнѣнному зараженію, такъ какъ скоро узнаетъ, что молоко, употребляемое ею, куплено отъ ребенка, рожденнаго отъ ея кормилицы.

№ 21 (сумасшедшій Блохинъ). Князь Блохинъ. Военный князь, всѣхъ чиновъ окончилъ, кавалеръ орденовъ Блохина. Пунктъ помѣшательства одинъ: что другіе люди должны работать для него, а онъ— получать деньги, открытый банкъ, экипажи, дома, одежду и всякую сладкую жизнь и жить только для разгулки времени. Больной не опасный и вмѣстѣ съ № 20 можетъ быть выписанъ.

Что жизнь его, кн. Блохина, «для разгулки времени», а всѣхъ другихъ трудовая, объясняетъ князь Блохинъ весьма послѣдовательно тѣмъ, что онъ окончилъ всѣхъ чиновъ, жизнь же праздная другихъ ничѣмъ и никакъ не объясняется.

№ 22 (дядя Сергѣй Никол.). Больной изслѣдованъ уже прежде и вновь поступилъ въ яснополянскій госпиталь. Больной не безопасенъ. Больной страдаетъ маніей, называемой испанскими психіатрами «mania Katkoviana antica nobilis Russica» и застарѣлой бетховенофобіей.

Признаки общіе: больной послѣ принятія пищи испытываетъ непреодолимое желаніе слушать «Московскія Вѣдомости» и не безопасенъ въ томъ отношеніи, что при требованіи чтенія «Московскихъ Вѣдомостей» можетъ употреблять насиліе. Послѣ же вечерняго принятія пищи при звукахъ «пряхи» [1]) становится тоже не безопасенъ, топая ногами, махая

[1]) Русская пѣсня.

руками и испуская дикіе звуки. Признаки частные: не можетъ брать картъ всѣ вмѣстѣ, а береть каждую порознь. Каждый мѣсяцъ неизвѣстно для чего ѣздитъ въ мѣстечко, называемое «Крапивна» [1]) и тамъ проводитъ время въ самыхъ несвойственныхъ ему странныхъ занятіяхъ. Озабоченъ красотой женщинъ. Лѣченіе: дружба съ мужиками и общеніе съ нигилистами. Діэта: не курить, не пить вино и не ѣздить въ циркъ.

(Л. Толстой).

Стихотвореніе отца, посвященное сестрѣ Танѣ.

Поутру была какъ баба,
А къ обѣду цвѣта краба.
Почему метаморфоза,
Что изъ бабы стала роза?
Дѣло, кажется, не чисто,
Есть участіе Капниста [2]).

Стихотвореніе В. В. Т—ра.

Смѣло на ящикъ почтовый критику сталъ я писать.
Мало пришлось мнѣ хвалить, ругать же пришлося довольно.
Въ ядъ постоянно макалъ я перо, никого не жалѣя.
Но отчего же внезапно сердце забилось тревожно?
Страшно подъ мышкой тошнитъ, и колѣнка вздохнуть не даетъ мнѣ.
Боги, откройте причину тоски моей томной.
Чу, отозвался отозвался боги, и рекъ мнѣ Зевесъ громовержецъ:

---

[1]) С. Н. былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

[2]) Таня въ это время выѣзжала и часто бывала въ домѣ гр. Капнистъ.

«Жалкій ты критикъ! Иль ты не знаешь, что нынѣ
Страховъ въ Ясной живетъ, Николай Николаевичъ критикъ?
Быстро къ тебѣ устремясь, онъ мгновенно тебя изничтожитъ
И на могилѣ твоей эпитафію злую напишетъ,
Дабы примѣръ твой печальный инымъ послужилъ бы наукой»...
Вовсъ ужъ давно замолчалъ. Ночи тѣнь одѣвала природу.
Я жъ все сидѣлъ, трепеталъ. Наконецъ, успокоясь, рѣшился
Все, что случилось со мной, вамъ повѣдать плохими стихами.

ГЛАВА XII.

Сергѣй Николаевичъ Толстой.

Я помню дядю Сережу съ ранняго моего дѣтства.

Онъ жилъ въ «Пироговѣ», въ 35 верстахъ отъ Ясной, и бывалъ у насъ довольно часто.

Въ молодости онъ былъ очень красивъ.

Черты его лица были тѣ же, что и у моего отца, но весь онъ былъ тоньше и породистѣе. Тотъ же овалъ лица, тотъ же носъ, тѣ же выразительные глаза, и тѣ же густыя, нависшія брови, но разница между его лицомъ и лицомъ моего отца была только та, что отецъ въ тѣ далекія времена, когда онъ занимался своей внѣшностью, всегда мучился своимъ безобразіемъ, а дядя Сережа считался и дѣйствительно былъ красавцемъ.

Вотъ какъ отецъ говоритъ о дядѣ Сережѣ въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ:

— «Съ Митенькой [1]) я былъ товарищемъ, Николеньку[1]) я уважалъ, но Сережей я восхищался и подражалъ ему, любилъ его, хотѣлъ быть имъ.

«Я восхищался его красивой наружностью, его пѣніемъ (онъ всегда пѣлъ), его рисованіемъ, его веселіемъ и въ особенности, какъ ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма.

«Я всегда себя помнилъ, себя сознавалъ, всегда чуялъ, ошибочно или нѣтъ то, что думаютъ обо мнѣ и чувствуютъ ко мнѣ другіе, и это портило мнѣ радости жизни. Отъ этого, вѣроятно, я особенно любилъ въ другихъ противоположное этому, непосредственность эгоизма.

«И за это особенно любилъ Сережу.

«Слово «любилъ» невѣрно.

«Николеньку я любилъ, а Сережей восхищался, какъ чѣмъ-то совсѣмъ мнѣ чуждымъ, непонятнымъ. Это была жизнь человѣческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная.

«На-дняхъ онъ умеръ, и въ предсмертной болѣзни и умирая, онъ былъ такъ же непостижимъ мнѣ и такъ же дорогъ, какъ и давнишнія времена дѣтства.

«Въ старости, въ послѣднее время, онъ больше любилъ меня, дорожилъ моей привязанностью, гордился мною, желалъ быть со мной согласенъ, но не могъ и оставался такимъ, какимъ былъ: совсѣмъ особеннымъ, самимъ собою, красивымъ, породистымъ, гордымъ и, главное, до такой степени правдивымъ и искреннимъ человѣкомъ, какого я никогда не встрѣчалъ.

«Онъ былъ, что былъ, ничего не скрывалъ и ничѣмъ не хотѣлъ казаться.

---

[1]) Братья отца: Дм. Ник. умеръ въ 1856 г., Ник. Ник. умеръ 20 сентября 1860 г.

Сергѣй Николаевичъ Толстой.

«Съ Николенькой мнѣ хотѣлось быть, говорить, думать; съ Сережей мнѣ хотѣлось только подражать ему. Съ перваго дѣтства началось это подражаніе»...

Мы очень любили, когда подкатывала къ дому чудесная тройка въ наборной сбруѣ съ бубенчиками, запряженная въ коляску, и выходилъ изъ нея дядя Сережа, въ черной широкополой фетровой шляпѣ и длинномъ черномъ пальто,—барственный и красивый.

Папà выходилъ къ нему изъ своего кабинета и здоровался съ нимъ за руку, а мамà, радостная, вы-

бѣгала въ переднюю и разспрашивала его о здоровьи Марьи Михайловны и дѣтей и бѣжала въ кухню, заказать повару лишнее блюдо «для гостей».

Дядя Сережа никогда не былъ нѣженъ съ дѣтьми, казалось скорѣе, что онъ насъ только терпитъ, а не любитъ, но мы относились къ нему всегда съ особеннымъ подобострастіемъ, которое, какъ я теперь понимаю, происходило отчасти отъ его аристократической внѣшности, а главное—отъ того, что онъ называлъ папа̀ «Лёвочкой» и относился къ нему такъ, какъ папа̀ относился къ намъ.

Онъ не только не боялся его совсѣмъ, но онъ всегда поддразнивалъ его и спорилъ, какъ старшій съ младшимъ.

И мы это чувствовали.

Вѣдь всѣмъ извѣстно было, что рѣзвѣе чернопѣгой Милки и ея дочери Крылатки нѣтъ на свѣтѣ собакъ. Отъ нихъ ни одинъ заяцъ не уходилъ.

А дядя Сережа говорилъ, что у насъ русакъ тупой, а вотъ степной русакъ, — это дѣло другое, и ни Милка ни Крылатка степного русака не достанетъ.

Мы слушали и не знали, кому вѣрить: дядѣ Сережѣ или папа̀.

Одинъ разъ дядя Сережа поѣхалъ съ нами на охоту. Затравили нѣсколько русаковъ,—ни одинъ не ушелъ,—и дядя Сережа совсѣмъ этому не удивился и все-таки спорилъ, что это только потому, что у насъ зайцы плохіе.

И такъ мы не узнали, правъ онъ или нѣтъ.

А можетъ-быть, и правъ, потому что онъ былъ охотникъ больше, чѣмъ папа̀, и затравилъ много волковъ, а папа̀ при насъ не затравилъ ни одного.

А теперь папа̀ держитъ собакъ потому, что у него есть Агаѳья Михайловна, а дядя Сережа совсѣмъ бросилъ охоту потому, что нельзя держать собакъ.

Вѣдь, дѣйствительно, если бы онъ писалъ, онъ могъ бы дать очень многое.

У него было что писать.

Сидя въ своей комнаткѣ годами, онъ все время думалъ и жилъ своей, замкнутой въ себѣ, жизнью.

Часто вдругъ ни съ того, ни съ сего онъ начиналъ громко ахать и кричать: «Ай, ай, ай,—ай, ай... ай»...

И домашніе его за нѣсколько комнатъ слышали эти стоны, и знали, что это «ничего»—значитъ, онъ что-то подумалъ.

И только рѣдко-рѣдко, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ близкихъ ему людей, онъ увлекался и въ яркомъ образномъ разговорѣ развивалъ свои мысли и наблюденія, всегда оригинальныя, мѣткія и продуманныя.

Дядя Сережа думалъ только для себя и, какъ «непосредственный эгоистъ» (какъ характеризуетъ его мой отецъ въ приведенномъ выше отрывкѣ его воспоминаній), онъ не чувствовалъ потребности дѣлиться своими переживаніями съ другими.

И въ этомъ было его несчастье.

Онъ лишенъ былъ того чувства удовлетворенія, которое испытываетъ писатель, выливая избытокъ себя на бумагу, и безъ этого предохранительнаго клапана онъ перегрузилъ себя и сдѣлался умственнымъ аскетомъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ А. А. Фетъ необычайно мѣтко характеризуетъ типъ всѣхъ трехъ братьевъ Толстыхъ:

«Я убѣжденъ, что основной типъ всѣхъ трехъ братьевъ Толстыхъ тождественъ, какъ тождественъ типъ кленовыхъ листьевъ, невзирая на все разнообразіе ихъ очертаній. И если бы я задался развить эту мысль, то показалъ бы, въ какой степени у всѣхъ трехъ братьевъ присуще то страстное увлеченіе, безъ котораго въ одномъ изъ нихъ не могъ бы проявиться

поэтъ Л. Толстой. Разница ихъ отношеній къ жизни состоитъ въ томъ, съ чѣмъ каждый изъ нихъ отходилъ отъ неудавшейся мечты. Николай охлаждалъ свои порывы скептической насмѣшкой, Левъ уходилъ отъ несбывшейся мечты съ безмолвнымъ укоромъ, а Сергѣй—съ болѣзненной мизантропіей.

«Чѣмъ болѣе у подобныхъ характеровъ первоначальной любви, тѣмъ сильнѣе, хотя на время сходство съ Тимономъ Аѳинскимъ». (Мои воспоминанія 1848—89 г. А. Фета, ч. I, стр. 296).

Зимой 1901—1902 года мой отецъ былъ въ Крыму и тамъ долго лежалъ больной между жизнью и смертью.

Дядя Сережа, чувствовавшій себя уже слабымъ, не рѣшился выѣхать изъ Пирогова и, сидя дома, съ тревогой слѣдилъ за ходомъ болѣзни по письмамъ, которыя ему писали нѣкоторые члены нашей семьи, и по газетнымъ бюллетенямъ.

Когда отецъ началъ поправляться, я уѣхалъ домой и по пути изъ Крыма заѣхалъ въ Пирогово, чтобы лично разсказать дядѣ Сережѣ о ходѣ болѣзни и о тогдашнемъ состояніи отца.

Я помню, съ какой радостью и благодарностью онъ меня встрѣтилъ.

— Ахъ, какъ хорошо, что ты заѣхалъ. Ну разсказывай, разсказывай. Кто при немъ? Всѣ? А кто за нимъ больше ходитъ? Дежурите по очереди? И по ночамъ тоже? Онъ не можетъ вставать?

Да, да, вотъ это хуже всего.

— Вѣдь и мнѣ скоро придется умирать, годомъ раньше, годомъ позже, это не важно, а вотъ лежать безпомощнымъ, всѣмъ въ тягость, все за тебя дѣлаютъ, подымаютъ, сажаютъ—это ужасно.

— Ну, какъ же онъ это выноситъ? Ты говоришь, привыкъ? Нѣтъ, я не могу себѣ представить, чтобы

Вѣра мѣняла на мнѣ бѣлье, мыла бы меня. Она, конечно, скажетъ, что ей это ничего, а для меня это ужасно.

А что, онъ боится смерти? Говоритъ, что нѣтъ? Можетъ-быть,—вѣдь онъ сильный, онъ можетъ въ себѣ побѣдить этотъ страхъ, да, да... пожалуй, онъ не боится, а все-таки...

Ты говоришь, что онъ борется съ этимъ чувствомъ?.. Ну, конечно, какъ же не бороться.

Я хотѣлъ поѣхать къ нему, а потомъ думаю: гдѣ мнѣ? самъ еще свихнусь, вмѣсто одного больного два будетъ.

Да,—ты мнѣ много разсказалъ, тутъ всякая мелочь интересна.

Страшна не смерть, а страшна болѣзнь, безпомощность и главное—боязнь, что ты въ тягость другимъ.

Это ужасно, ужасно.

Дядя Сережа умеръ въ 1904 году отъ рака лица.

Вотъ какъ разсказывала мнѣ о его кончинѣ моя тетка Марія Николаевна.

Почти до послѣдняго дня онъ былъ на ногахъ и никому не позволялъ за собой ухаживать.

Онъ былъ въ полной памяти и сознательно готовился къ смерти.

Кромѣ домашнихъ, его жены старушки Маріи Михайловны и дочерей, при немъ была его сестра, монахиня Марія Николаевна, и съ часу на часъ ждали пріѣзда моего отца, за которымъ послали въ Ясную Поляну.

Передъ всѣми стоялъ тяжелый вопросъ, пожелаетъ ли умирающій передъ смертью причаститься Святыхъ Таинъ.

Зная безвѣріе Сергѣя Николаевича, никто не рѣшался съ нимъ объ этомъ заговорить, и несчастная Марія Михайловна ходила около его комнаты, мучилась и молилась.

Моего отца ждали съ нетерпѣніемъ, но втайнѣ боялись его вліянія и мечтали о томъ, чтобы Сергѣй Николаевичъ пригласилъ священника до его пріѣзда.

«И каково же было наше изумленіе и радость, разсказывала мнѣ Марія Николаевна, когда Лёвочка, выйдя изъ его комнаты, передалъ Маріи Михайловнѣ, что Сережа проситъ послать за священникомъ.

«Не знаю, что они говорили до этого, но когда Сережа сказалъ, что онъ хочетъ пріобщиться, Лёвочка отвѣтилъ ему, что это очень хорошо, и сейчасъ же пришелъ къ намъ и передалъ его просьбу» [1]).

Отецъ пробылъ въ Пироговѣ около недѣли и уѣхалъ за 2 дня до кончины дяди.

Когда онъ получилъ телеграмму объ ухудшеніи его состоянія, онъ поѣхалъ къ нему опять, но не засталъ его въ живыхъ.

Онъ вынесъ его тѣло изъ дома на своихъ рукахъ и самъ несъ его въ церковь.

Вернувшись въ Ясную, онъ съ трогательной нѣжностью разсказывалъ о своей разлукѣ съ этимъ «непостижимымъ» и дорогимъ ему братомъ, совсѣмъ чуждымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно близкимъ и роднымъ.

ГЛАВА XIII.

Фетъ. — Страховъ. — Ге.

— «Что это за полусабля?» спросилъ молодой гвардейскій поручикъ Аѳ. Аѳ. Фетъ у лакея, входя въ переднюю къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу въ Петербургѣ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ.

---

[1]) Я не думаю, чтобы Сергѣй Николаевичъ передъ смертью измѣнилъ свое отношеніе къ обрядамъ. Мнѣ кажется, что какъ съ его стороны, такъ и со стороны моего отца, не отговаривавшаго его, это было только уступкой, сдѣланной только для успокоенія тѣхъ, кому это было такъ дорого.

— «Это полусабля графа Толстого, и они у насъ въ гостиной ночуютъ. А Иванъ Сергѣевичъ въ кабинетѣ чай кушаютъ», отвѣтилъ Захаръ.

Въ продолженіе часа, проведеннаго мною у Тургенева, разсказываетъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]), мы говорили вполголоса изъ боязни разбудить спящаго за дверью графа.

— «Вотъ все время такъ,—говорилъ съ усмѣшкой Тургеневъ,—вернулся изъ Севастополя съ батареи, остановился у меня и пустился во всѣ тяжкія. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь. А затѣмъ до двухъ часовъ спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукой».

Въ этотъ же пріѣздъ мы и познакомились съ Толстымъ, но знакомство это было совершенно формальное, такъ какъ я въ то время еще не читалъ ни одной его строки и даже не слыхалъ о немъ, какъ о литературномъ имени, хотя Тургеневъ толковалъ о его разсказахъ изъ дѣтства...

Вскорѣ послѣ этого отецъ сошелся съ Фетомъ довольно близко, и между ними завязалась прочная, долголѣтняя дружба и переписка, длившаяся почти до смерти Аоан. Аоанасьевича.

Только въ послѣдніе года жизни Фета, когда отцомъ всецѣло овладѣли его новыя идеи, совершенно чуждыя всему міросозерцанію Аоанасія Аоанасьевича, они охладѣли другъ къ другу и видались рѣже.

Съ первыхъ шаговъ ихъ знакомства дороги обоихъ шли параллельно.

Познакомились они оба молодыми офицерами и начинающими литераторами.

Потомъ оба женились (Фетъ значительно раньше отца) и оба поселились въ деревнѣ.

---

[1]) «Мои воспоминанія» Фета, томъ I, стр. 106.

Фетъ жилъ на своемъ хуторѣ «Степановка», Мценскаго уѣзда, недалеко отъ имѣнія Тургенева «Спасское-Лутовиново», и одно время къ нему съѣзжались въ гости мой отецъ съ старшимъ братомъ Николаемъ и Иванъ Сергѣевичъ.

Тамъ они охотились за тетеревами и часто перекочевывали оттуда въ Спасское и изъ Спасскаго въ Никольско-Вяземское къ моему дядѣ.

У Фета же въ Степановкѣ произошла ссора отца съ Тургеневымъ.

Еще до проведенія желѣзной дороги, когда ѣздили на лошадяхъ, Фетъ, по пути въ Москву, всегда заворачивалъ въ Ясную Поляну къ отцу, и эти заѣзды сдѣлались традиціонными.

Послѣ, когда прошла желѣзная дорога, и отецъ былъ уже женатъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ тоже никогда не миновалъ нашей усадьбы, и если это когда и случалось, то отецъ писалъ ему горячіе упреки и онъ, какъ виноватый, извинялся.

Въ тѣ далекія времена, о которыхъ я говорю, отца связывали съ Фетомъ интересы и литературные, и хозяйственные.

Любопытны нѣкоторыя письма отца, относящіяся къ 60-мъ годамъ.

Напримѣръ: въ 1860 году онъ пишетъ цѣлое разсужденіе о только что вышедшемъ романѣ Тургенева «Наканунѣ» и въ концѣ его приписка: «что стоитъ коновальскій лучшій инструментъ, что стоитъ пара ланцетовъ людскихъ и банки?»...

Въ другомъ письмѣ приписка: «Когда будете въ Орлѣ, купите мнѣ пудовъ 20 разныхъ веревокъ, вожжей, тяжей... и рядомъ съ этимъ... «ты нѣжная»... да и все прелестно. Я не знаю у васъ лучшаго, прелестно все» (стихотвореніе Фета «Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ послѣдняя толпа»).

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ.

Но не только общность интересовъ сближала моего отца съ Аѳанасіемъ Аѳанасьевичемъ.

Причина ихъ близости заключалась въ томъ, что они, по выраженію отца, «одинаково думали умомъ сердца».

— «Мнѣ вдругъ изъ разныхъ незамѣтныхъ данныхъ ясна стала ваша глубоко родственная мнѣ натура», пишетъ отецъ Фету въ 1876 году, и

въ томъ же году осенью онъ повторяетъ: «удивительно, какъ мы близко родня по уму и сердцу».

Отецъ говаривалъ про Фета, что главная заслуга его, это что онъ мыслитъ самостоятельно, своими, ниоткуда не заимствованными мыслями и образами, и онъ считалъ его, наряду съ Тютчевымъ, въ числѣ лучшихъ нашихъ поэтовъ. Часто, бывало, и послѣ смерти Фета, онъ вспоминалъ нѣкоторыя его стихотворенія и, обращаясь почему-то ко мнѣ, говорилъ: «Илюша, скажи это стихотвореніе «Я думалъ, не помню, что думалъ» или «Люди спятъ»... ты навѣрное его знаешь»; и онъ съ восторгомъ вслушивался, подсказывалъ лучшія мѣста и часто на его глазахъ показывались слезы.

Я помню посѣщенія Фета съ самой ранней поры моего дѣтства.

Почти всегда онъ пріѣзжалъ съ своей женой Марьей Петровной и часто гостилъ у насъ по нѣскольку дней.

У него была длинная, черная сѣдѣющая борода, ярко выраженный еврейскій типъ лица и маленькія женскія руки съ необыкновенно длинными, выхоленными ногтями.

Онъ говорилъ густымъ басомъ и постоянно закашливался заливистымъ, частымъ какъ дробь, кашлемъ. Потомъ онъ отдыхалъ, низко склонивъ голову, тянулъ протяжно гм... гмммм., проводилъ рукой по бородѣ и продолжалъ говорить.

Иногда онъ бывалъ необычайно остроуменъ и своими остротами потѣшалъ весь домъ.

Шутки его были хороши тѣмъ, что онѣ выскакивали всегда совершенно неожиданно даже для него самого.

Сестра Таня умѣла необыкновенно похоже передразнивать, какъ Фетъ декламировалъ свои стихи:

«И вотъ портретъ и схооже и несхооже, гм... гм... Гдѣ сходство въ немъ, несходство гдѣ найти... гм... гм... гм... гммммм».

Въ раннемъ дѣтствѣ поэзія интересуетъ мало.

Стихи выдуманы для того, чтобы насъ, дѣтей, заставлять ихъ заучивать наизусть.

Пушкинское «Прибѣжали въ избу дѣти» и Лермонтовскій «Ангелъ» мнѣ надоѣли настолько, когда я ихъ училъ, что потомъ долго я не брался за поэзію и на всякіе стихи дулся, какъ на наказаніе.

Не странно поэтому, что я въ дѣтствѣ Фета совсѣмъ не любилъ и считалъ, что онъ друженъ съ папà только потому, что онъ «смѣшной».

Только много позднѣе я его понялъ, какъ поэта, и полюбилъ такъ, какъ онъ этого достоинъ.

Вспоминаю еще посѣщенія Николая Николаевича Страхова.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно тихій и скромный.

Онъ появился въ Ясной Полянѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, и съ тѣхъ поръ пріѣзжалъ къ намъ почти каждое лѣто, до самой своей смерти.

У него были большіе, удивленно открытые, сѣрые глаза, длинная борода съ просѣдью и, когда онъ говорилъ, онъ къ концу своей фразы всегда конфузливо усмѣхался: ха-ха-ха...

Обращаясь къ папà, онъ называлъ его не Лёвъ Николаевичъ, какъ всѣ, а Левъ Николаевичъ, выговаривая «е» мягко.

Жилъ онъ всегда внизу, въ кабинетѣ отца, и цѣлый день, не выпуская изо рта толстую самодѣльную папиросу, читалъ или писалъ.

За часъ до обѣда, когда къ крыльцу подавали «катки», запряженные парой лошадей, и вся наша компанія собиралась ѣхать на купальню, Николай

Николаевичъ выходилъ изъ своей комнаты въ сѣрой мягкой шляпѣ, съ полотенцемъ и палкой въ рукахъ, и ѣхалъ съ нами.

Всѣ, безъ исключенія, и взрослые и дѣти, любили его, и я не могу себѣ представить случая, чтобы онъ былъ кому-нибудь непріятенъ.

Онъ умѣлъ прекрасно декламировать одно шуточное стихотвореніе Козьмы Пруткова «Вянетъ листъ», и часто мы, дѣти, упрашивали его и надоѣдали до тѣхъ поръ, пока онъ не расхохочется и не прочтетъ намъ его съ начала до конца.

— «Юнкеръ Шмитъ, честно̀е слово, лѣто возвратится», кончалъ онъ съ удареніемъ и непремѣнно на послѣднемъ словѣ улыбался и говорилъ ха-ха-ха!..

Я его особенно полюбилъ за то, что онъ мнѣ подарилъ чудный атласъ бабочекъ и научилъ меня ихъ сушить для коллекціи.

Страхову принадлежатъ первыя лучшія критическія работы по поводу «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Когда издавались отцовскія «Азбука» и «Книги для чтенія», Страховъ помогалъ отцу въ ихъ изданіи.

По этому поводу между нимъ и моимъ отцомъ возникла переписка, сначала дѣловая, а потомъ уже философская и дружественная.

Во время писанія «Анны Карениной» отецъ очень дорожилъ его мнѣніемъ и высоко цѣнилъ его критическое чутье.

— «Будетъ съ меня и того, что вы такъ понимаете», пишетъ ему отецъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1872 году (вѣроятно, по поводу «Азбуки»).

Въ 1876 году, уже по поводу «Анны Карениной», отецъ пишетъ:

— «Вы пишете: такъ ли вы понимаете мой романъ, и что я думаю о вашихъ сужденіяхъ? Разумѣется, такъ. Разумѣется, мнѣ невыразимо радостно ваше

пониманіе, но не всѣ обязаны понимать такъ, какъ вы»...

Но не одна только критическая работа сблизила Страхова съ отцомъ.

Папà вообще не любилъ критиковъ и говаривалъ, что этимъ дѣломъ занимаются только тѣ, которые сами ничего не могутъ создать. «Глупые судятъ умныхъ», говорилъ онъ про профессіональныхъ критиковъ.

Николай Николаевичъ Страховъ.

Въ Страховѣ онъ больше всего цѣнилъ глубокаго и вдумчиваго мыслителя.

Даже въ разговорахъ: когда, бывало, отецъ задавалъ ему какой-нибудь научный вопросъ (Страховъ былъ по образованію естественникъ), я помню, съ какой необыкновенной точностью и ясностью онъ излагалъ свой отвѣтъ.

Какъ урокъ хорошаго учителя.

«Знаете ли, что меня въ васъ поразило всего болѣе?—пишетъ ему отецъ въ одномъ изъ писемъ.—Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь.—Это выраженіе, чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ, разумѣется, съ помощью того, что вы писали и говорили. Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности...

У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это, при ясности и краткости изложенія, мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами».

Страховъ былъ «настоящимъ другомъ» моего отца (какъ онъ назвалъ его самъ), и я о немъ вспоминаю съ глубокимъ уваженіемъ и любовью.

Наконецъ я подошелъ къ памяти самаго близкаго къ отцу по духу человѣка, къ памяти Николая Николаевича Ге.

Дѣдушка Ге, какъ мы его звали, познакомился съ отцомъ въ 1882 году.

Живя у себя на хуторѣ въ Черниговской губерніи, онъ какъ-то случайно прочелъ статью отца «о переписи», нашелъ въ ней разрѣшеніе тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые въ это же время мучили и его, и, не долго думая, собрался и прилетѣлъ въ Москву.

Я помню его первый пріѣздъ, и у меня осталось впечатлѣніе, что онъ и мой отецъ съ первыхъ же словъ поняли другъ друга и заговорили на одномъ языкѣ.

Также, какъ мой отецъ, Ге въ это время переживалъ тяжелый душевный кризисъ, и, идя въ своихъ исканіяхъ почти тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ и отецъ, онъ пришелъ къ изученію и новому уразумѣнію Евангелія.

«Къ личности Христа,—пишетъ о немъ моя сестра Татьяна, въ посвященной ему статьѣ «Друзья и гости Ясной Поляны» [1]), — онъ относился со страстной и нѣжной любовью, точно къ близкому и знакомому человѣку, любимому имъ всѣми силами души. Часто, при горячихъ спорахъ, Николай Николаевичъ вынималъ изъ кармана Евангеліе, которое всегда носилъ

[1]) «Вѣстникъ Европы», ноябрь, 1904 годъ.

при себѣ, и читалъ изъ него подходящія къ разговору мѣста. «Въ этой книгѣ все есть, что нужно человѣку», говаривалъ онъ при этомъ».

Читая Евангеліе, онъ часто поднималъ глаза на слушателя и говорилъ, не глядя въ книгу. Лицо его при этомъ свѣтилось такой внутренней радостью, что видно было, какъ дороги и близки къ сердцу были ему читаемыя слова.

Николай Николаевичъ Ге.

Онъ почти наизусть зналъ Евангеліе, но, по его словамъ, всякій разъ, какъ онъ читалъ его, онъ вновь испытывалъ истинное духовное наслажденіе. Онъ говорилъ, что въ Евангеліи ему не только все понятно, но что, читая его, онъ какъ будто читаетъ въ своей душѣ и чувствуетъ себя способнымъ еще и еще подниматься къ Богу и сживаться съ Нимъ.

Пріѣхавъ въ Хамовники, Николай Николаевичъ предложилъ отцу написать портретъ моей сестры Тани.

«Чтобы отплатить вамъ за то добро, которое вы мнѣ сдѣлали», сказалъ онъ.

Папа попросилъ его лучше написать мою мать, и на другой же день Ге принесъ краски, холстъ и началъ работать.

Не помню, сколько времени онъ писалъ, но кончилось тѣмъ, что, несмотря на тысячи замѣчаній,

которыя сыпались со всѣхъ сторонъ отъ сочувствующихъ его работѣ зрителей, которыя Ге внимательно выслушивалъ и принималъ во вниманіе, а, можетъ-быть, и благодаря этимъ замѣчаніямъ, портретъ вышелъ неудаченъ, и Николай Николаевичъ самъ его уничтожилъ.

Какъ тонкій художникъ, онъ не могъ довольствоваться только внѣшнимъ сходствомъ и, написавъ «барыню въ бархатномъ платьѣ, у которой сорокъ тысячъ въ карманѣ», онъ самъ возмутился и рѣшилъ все передѣлать сызнова.

Только черезъ нѣсколько лѣтъ, узнавъ мою мать ближе и полюбивъ ее, онъ написалъ ее почти во весь ростъ съ моей младшей двухлѣтней сестрой Сашей на рукахъ.

Дѣдушка часто пріѣзжалъ гостить къ намъ въ Москвѣ и въ Ясной и съ перваго же знакомства онъ сдѣлался у насъ въ домѣ совсѣмъ своимъ человѣкомъ.

Когда онъ писалъ отцовскій портретъ въ его кабинетѣ въ Москвѣ, папа такъ привыкъ къ его присутствію, что совершенно не обращалъ на него вниманія и работалъ, какъ будто его не было въ комнатѣ. Въ этомъ же кабинетѣ дѣдушка и ночевалъ.

У него было удивительно милое, интеллигентное лицо.

Длинные сѣдѣющіе кудри, свисающіе съ голаго черепа, и открытые умные глаза, придавали ему какое-то древнее библейское, пророческое выраженіе.

Во время разговоровъ, когда онъ разгорался, а разгорался онъ всегда, какъ только вопросъ касался евангельскаго ученія или искусства,—онъ со своими горящими глазами и энергичными размашистыми жестами производилъ впечатлѣніе проповѣдника и странно, что даже въ тѣ времена, когда мнѣ было 16—17 лѣтъ, и когда вопросы вѣры меня совсѣмъ

не интересовали, я любилъ слушать проповѣди «дѣдушки» и ими не тяготился.

Вѣроятно, оттого, что въ нихъ чувствовалась громадная искренность и любовь.

Подъ вліяніемъ отца Николай Николаевичъ снова принялся за художественную работу, которую онъ до этого одно время совсѣмъ забросилъ, и послѣднія его вещи «Христосъ передъ Пилатомъ», «Что есть истина?», «Распятіе» и другія, являются уже плодомъ его новаго пониманія и объясненія евангельскихъ сюжетовъ, отчасти навѣяннаго ему моимъ отцомъ.

Прежде, чѣмъ начинать картину, онъ долго вынашивалъ ее въ душѣ и всегда устно и письменно дѣлился своими замыслами съ отцомъ, который глубоко ему сочувствовалъ и искренно восторгался его тонкимъ пониманіемъ и мастерствомъ.

Дружба Николая Николаевича была дорога отцу. Это былъ первый человѣкъ, всецѣло раздѣлявшій его убѣжденія и въ то же время любившій его нелицемѣрно.

Ставъ на путь исканія истины и посильно ей служа, они находили другъ въ другѣ поддержку и дѣлились родственными переживаніями.

Какъ отецъ слѣдилъ за художественными работами Ге, такъ и Ге никогда не упускалъ ни одного слова, написаннаго отцомъ, самъ списывалъ его рукописи и умолялъ всѣхъ присылать ему все, что будетъ новаго.

Одновременно оба они бросили курить и сдѣлались вегетаріанцами.

Они сошлись даже и въ любви и признаніи необходимости физическаго труда.

Оказалось, что Ге умѣлъ прекрасно класть печи и у себя на хуторѣ исполнялъ печныя работы для своихъ домашнихъ и крестьянъ.

Узнавъ это, отецъ попросилъ его сложить печку у одной ясенской вдовы, для которой онъ выстроилъ глинобитную избу.

Дѣдушка надѣлъ фартукъ и пошелъ работать.

Онъ былъ за мастера, а отецъ помогалъ ему въ видѣ подмастерья.

Николай Николаевичъ скончался въ 1894 году.

Когда пришла въ Ясную телеграмма о его смерти, мои сестры, Татьяна и Маша, были такъ поражены, что не могли рѣшиться передать это извѣстіе отцу.

Тяжелую обязанность показать ему телеграмму должна была взять на себя мама́.

ГЛАВА XIV.

Тургеневъ.

Я не буду разсказывать о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя были между моимъ отцомъ и Тургеневымъ и которыя закончились ихъ полнымъ разрывомъ въ 1861 году.

Фактическая сторона этой исторіи извѣстна всѣмъ, и повторять ее незачѣмъ.

По общему мнѣнію, ссора между двумя лучшими писателями того времени произошла на почвѣ ихъ литературнаго соревнованія.

Противъ этого общепризнаннаго взгляда я долженъ возразить, и, прежде, чѣмъ я разскажу о томъ, какъ Тургеневъ пріѣзжалъ въ Ясную Поляну, я хочу, насколько сумѣю, выяснить настоящую причину постоянныхъ размолвокъ между этими двумя хорошими и сердечно любившими другъ друга людьми,— размолвокъ, доведшихъ ихъ до ссоры и взаимныхъ вызововъ.

Насколько я знаю, у моего отца во всей его жизни ни съ кѣмъ, кромѣ Тургенева, не было круп-

ныхъ столкновеній.—Тургеневъ, въ письмѣ къ моему отцу (1865 г.) пишетъ: «Вы единственный человѣкъ, съ которымъ у меня произошли недоразумѣнія»...

Когда отецъ разсказывалъ о своей ссорѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, онъ винилъ въ ней только себя. Тургеневъ, тотчасъ послѣ ссоры, письменно извинился передъ моимъ отцомъ, и никогда не искалъ себѣ оправданій.

Почему же, по выраженію самого Тургенева, «созвѣздія» его и моего отца «рѣшительно враждебно двигались въ эонрѣ?»

Вотъ что пишетъ объ этомъ моя сестра Татьяна въ своей статьѣ «Тургеневъ» (въ приложеніи къ «Новому Времени», 2 февраля 1908 года):

... «О литературномъ соревнованіи, мнѣ кажется, не могло быть и рѣчи. Тургеневъ съ первыхъ шаговъ моего отца на литературномъ поприщѣ призналъ за нимъ огромный талантъ, и никогда не думалъ соперничать съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ еще въ 1854 г. писалъ Калбасину: «Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ», онъ не переставалъ слѣдить за литературной дѣятельностью отца и всегда съ восхищеніемъ отзывался о ней.

«Когда это молодое вино перебродитъ, — пишетъ онъ въ 1856 г. Дружинину,—выйдетъ напитокъ, достойный боговъ».

Въ 1857 г. онъ пишетъ Полонскому:

«Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ по себѣ глубокій слѣдъ».

А, между тѣмъ, эти два человѣка никогда другъ съ другомъ не ладили...

Читая письма Тургенева къ отцу, видишь, что съ самаго начала ихъ знакомства происходили между ними недоразумѣнія, которыя они всегда старались сгладить или забыть, но которыя черезъ нѣкоторое

время—иногда въ другой формѣ—опять поднимались и опять имъ приходилось объясняться и мириться.

Въ 1856 г. Тургеневъ пишетъ отцу:

«Ваше письмо довольно поздно дошло до меня, милый Левъ Николаевичъ. Начну съ того, что я весьма благодаренъ вамъ за то, что вы отправили его ко мнѣ. Я никогда не перестану любить васъ и дорожить вашей дружбой, хотя, вѣроятно, по моей винѣ, каждый изъ насъ въ присутствіи другого будетъ еще долго чувствовать большую неловкость... Отчего происходитъ эта неловкость, о которой я упомянулъ сейчасъ, я думаю, вы понимаете сами. Вы единственный человѣкъ, съ которымъ у меня произошли недоразумѣнія.

«Это случилось именно оттого, что я не хотѣлъ ограничиться съ вами одними просто дружелюбными отношеніями. Я хотѣлъ пойти дальше и глубже, но я сдѣлалъ это неосторожно, зацѣпилъ, потревожилъ васъ, и, замѣтивши свою ошибку, отступилъ, можетъ-быть, слишкомъ поспѣшно, вотъ отчего образовался этотъ «оврагъ» между нами.

«Но эта неловкость—одно физическое впечатлѣніе, больше ничего, и если при встрѣчѣ съ вами у меня опять будутъ «мальчики бѣгать въ глазахъ», то, право же, это произойдетъ не оттого, что я дурной человѣкъ. Увѣряю васъ, что другого объясненія придумывать нечего. Развѣ прибавить къ этому, что я гораздо старше васъ, шелъ другой дорогой... Кромѣ собственныхъ, такъ называемыхъ литературныхъ интересовъ,—я въ этомъ убѣдился,—у насъ мало точекъ соприкосновенія. Вся ваша жизнь стремится въ будущее, моя вся построена на прошедшемъ. Итти мнѣ за вами невозможно. Вамъ за мною—тоже нельзя. Вы слишкомъ отъ меня отдалены, да, и кромѣ того, вы слишкомъ крѣпки на своихъ ногахъ, чтобы сдѣлаться чьимъ-нибудь послѣдователемъ.

Я могу увѣрить васъ, что никогда не думалъ, что вы злы, никогда не подозрѣвалъ въ васъ литературной зависти. Я въ васъ (извините за выраженіе), предполагалъ много безтолковаго, но никогда ничего дурного. Вы сами слишкомъ проницательны, чтобы знать, что если кому-нибудь изъ насъ двухъ приходится завидовать другому,—то ужъ навѣрное не вамъ мнѣ»...

Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ отцу письмо, которое, какъ мнѣ кажется, служитъ ключомъ къ пониманію отношеній Тургенева къ отцу:

«Вы пишете, что очень довольны, что не послушались моего совѣта—не сдѣлались только литераторомъ. Не спорю, можетъ-быть, вы и правы, только я, грѣшный человѣкъ, какъ ни ломаю себѣ голову, никакъ не могу придумать, что же вы такое, если не литераторъ: офицеръ? помѣщикъ? философъ? основатель новаго религіознаго ученія? чиновникъ? дѣлецъ?.. Пожалуйста, выведите меня изъ затрудненія и скажите, какое изъ этихъ предположеній справедливо? Я шучу, но въ самомъ дѣлѣ мнѣ бы ужасно хотѣлось, чтобы вы поплыли, наконецъ, на полныхъ парусахъ»...

Мнѣ кажется, что Тургеневъ, какъ художникъ, видѣлъ въ моемъ отцѣ только его огромный литературный талантъ и не хотѣлъ признавать за нимъ никакого права быть чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ какъ художникомъ-литераторомъ. Всякая другая дѣятельность отца точно обижала Тургенева, и онъ сердился на отца за то, что отецъ не слушался его совѣтовъ. Онъ былъ много старше отца, не боялся считать себя по таланту ниже его, и только одного отъ него требовалъ: чтобы отецъ положилъ всѣ силы своей жизни на художественную дѣятельность. И вдругъ отецъ знать не хочетъ его великодушія и смиренія, не слушается его, а идетъ той дорогой,

на которую указываютъ ему его вкусы и его природа. Вкусы же и характеръ самого Тургенева были совершенной противоположностью характера моего отца. Насколько борьба вообще воодушевляла отца и придавала ему силъ,—настолько она была несвойственна Тургеневу.

Будучи вполнѣ согласенъ со взглядами моей сестры, я добавлю ихъ фразой покойнаго Ник. Ник. Толстого, который говорилъ, что «Тургеневъ никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что Левочка растетъ и уходитъ у него изъ-подъ опеки».

Въ самомъ дѣлѣ; когда Тургеневъ былъ уже извѣстнымъ писателемъ, Толстого еще никто не зналъ и, по выраженію Фета, только толковали о его разсказахъ изъ «Дѣтства».

Я представляю себѣ, съ какимъ скрытымъ благоговѣніемъ долженъ былъ въ это время относиться къ Тургеневу совсѣмъ еще юный, начинающій писатель.

Тѣмъ болѣе, что Иванъ Сергѣевичъ былъ большимъ другомъ его старшаго и любимаго брата, Николая.

Въ подтвержденіе этого моего мнѣнія привожу отрывокъ изъ письма В. Боткина, близкаго друга отца и Ивана Сергѣевича, къ А. А. Фету, написаннаго непосредственно послѣ ихъ ссоры:

«Я думаю, что въ сущности у Толстого страстно любящая душа, и онъ хотѣлъ бы любить Тургенева со всей горячностью, но, къ несчастью, его порывчатое чувство встрѣчаетъ одно кроткое, добродушное равнодушіе. Съ этимъ онъ никакъ не можетъ помириться».

Самъ Тургеневъ разсказывалъ, что въ первыя времена ихъ знакомства отецъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, «какъ влюбленная женщина», а онъ одно время началъ его избѣгать, боясь его оппозиціоннаго настроенія.

Я боюсь утверждать, но мнѣ кажется, что такъ же, какъ Тургеневъ не хотѣлъ ограничиваться «одними просто дружелюбными отношеніями», такъ и мой отецъ слишкомъ горячо относился къ Ивану Сергѣевичу, и отсюда-то и проистекло то, что они никогда не могли встрѣтиться безъ того, чтобы не поспорить и не поссориться.

Моего отца, быть-можетъ, раздражалъ слегка покровительственный тонъ, принятый Тургеневымъ съ первыхъ дней ихъ знакомства, а Тургенева раздражали «чудачества» отца, отвлекавшія его отъ его «спеціальности—литературы».

Въ 1860 году, еще до ссоры, Тургеневъ пишетъ Фету: ... «А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно, такъ уже написано ему на роду. Когда онъ перекувырнется въ послѣдній разъ и станетъ, наконецъ, на ноги?»

Такъ же отнесся Тургеневъ и къ «Исповѣди» моего отца, которую онъ прочелъ незадолго до своей смерти. Обѣщавъ ее прочесть, «постараться понять» и не «сердиться», онъ «началъ было большое письмо въ отвѣтъ «Исповѣди», но не кончилъ, чтобы не впасть въ спорный тонъ»...

Въ письмѣ къ Д. В. Григоровичу онъ назвалъ эту вещь, построенную, по его мнѣнію, на невѣрныхъ посылкахъ, «отрицаніемъ всякой живой человѣческой жизни» и «своего рода нигилизмомъ».

Очевидно, что Тургеневъ и тогда не понялъ, насколько сильно завладѣло отцомъ его новое міровоззрѣніе, и онъ готовъ былъ и этотъ порывъ причислить къ его всегдашнимъ чудачествамъ и кувырканіямъ, къ которымъ онъ когда-то причислялъ его занятія педагогіей, хозяйствомъ, изданіемъ журнала и проч.

Иванъ Сергѣевичъ былъ въ Ясной Полянѣ на моей памяти три раза.

Два раза въ августѣ и въ сентябрѣ 1878 года, и въ третій и послѣдній разъ въ началѣ мая 1880 года.

Всѣ эти пріѣзды я помню, хотя возможно, что нѣкоторыя мелочи я могу перепутать.

Я помню, что когда мы ждали Тургенева, это было цѣлое событіе и больше всѣхъ волновалась мама. Отъ нея мы узнали, что папа былъ съ Тургеневымъ въ ссорѣ и когда-то вызывалъ его на дуэль, и что теперь онъ ѣдетъ, вызванный письмомъ папа, чтобы съ нимъ мириться.

Тургеневъ все время сидѣлъ съ папа, который въ эти дни даже не «занимался», и разъ, какъ-то въ серединѣ дня, мама собрала всѣхъ насъ, въ необычный часъ, въ гостиную, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ прочелъ свой разсказъ «Собака».

Я помню его высокую, мощную фигуру, сѣдые, шелковистые, желтоватые волосы, нѣсколько разгильдяйную, мягкую походку и тонкій голосъ, совершенно несоотвѣтствующій его величавой внѣшности.

Онъ смѣялся съ заливомъ, чисто по-дѣтски, и тогда голосъ его становился еще тоньше.

Вечеромъ, послѣ обѣда, всѣ собрались въ залѣ.

Въ это время въ Ясной гостили дядя Сережа (братъ отца), князь Леонидъ Дмитріевичъ Урусовъ (тульскій вице-губернаторъ), дядя Саша Берсъ съ молоденькой женой, красавицей грузинкой Патти и вся семья Кузминскихъ.

Тетю Таню попросили пѣть.

Мы съ замираніемъ сердца слушали и ждали, что скажетъ о ея пѣніи Тургеневъ, извѣстный знатокъ и любитель.

Онъ, конечно, похвалилъ, и, кажется, искренне.

Послѣ пѣнія затѣяли кадриль.

Во время кадрили кто-то спросилъ у Тургенева, танцуютъ ли еще французскую старую кадриль или же

всѣ танцы сводятся къ канкану. Тургеневъ сказалъ: «Канканъ вовсе не тотъ неприличный танецъ, который танцуютъ въ кафешантанахъ; старый канканъ приличный и граціозный танецъ». И вдругъ Иванъ Сергѣевичъ всталъ, взялъ за руку одну изъ дамъ и, заложивъ пальцы за проймы жилета, по всѣмъ правиламъ искусства, отплясалъ старинный канканъ съ присѣданіями и выпрямленіемъ ногъ. Всѣ хохотали и больше всѣхъ хохоталъ онъ самъ.

Послѣ чая «большіе» начали о чемъ-то говорить, и между ними завязался горячій споръ. Больше всѣхъ горячился и напиралъ на Тургенева князь Урусовъ.

Это было то время, когда въ отцѣ уже началось его «духовное рожденіе» (какъ онъ называлъ этотъ періодъ самъ), и кн. Урусовъ былъ однимъ изъ первыхъ его искреннихъ единомышленниковъ и друзей.

Не помню, что доказывалъ кн. Урусовъ, сидя у стола противъ Ивана Сергѣевича и широко размахивая рукой, какъ вдругъ случилось что-то необыкновенное: изъ-подъ Урусова выскользнулъ стулъ, и онъ, какъ сидѣлъ, такъ и опустился на полъ съ вытянутой впередъ рукой и грозяще приподнятымъ указательнымъ пальцемъ.

Нисколько не смутившись, онъ, сидя на полу и жестикулируя, продолжалъ начатую фразу.

Тургеневъ взглянулъ на него сверху внизъ и неудержимо расхохотался.

— «Онъ меня убиваетъ, il m'assomme»,—этотъ Трубецкой, визжалъ онъ, сквозь смѣхъ, путая фамилію князя.

Урусовъ чуть-чуть не обидѣлся, но потомъ, видя, что хохочутъ и другіе, поднялся и разсмѣялся самъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ сидѣли въ маленькой гостиной за круглымъ столомъ.

Была чудная лѣтняя погода.

Кто-то предложилъ (кажется мама), чтобы каждый изъ присутствующихъ разсказалъ самую счастливую минуту своей жизни.

— Иванъ Сергѣевичъ, начинайте вы, — сказала она, обращаясь къ Тургеневу.

— Самая счастливая минута моей жизни была та, когда я по глазамъ любимой женщины впервые узналъ, что она меня любитъ, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ и задумался.

— Сергѣй Николаевичъ, теперь ваша очередь, — сказала тетя Таня, обращаясь къ дядѣ Сережѣ.

— Я скажу вамъ, только на ухо, — отвѣтилъ дядя Сережа, улыбаясь своей умной саркастической улыбкой.—Самая счастливая минута жизни...

Далѣе онъ говорилъ шопотомъ, нагнувшись къ самому уху Татьяны Андреевны, и, что онъ сказалъ, я не слыхалъ.

Я видѣлъ только, какъ тетя Таня отшатнулась отъ него и засмѣялась.

— Ай, ай, ай, вы вѣчно что-нибудь такое скажете, Сергѣй Николаевичъ. Вы невозможный человѣкъ.

— Что сказалъ Сергѣй Николаевичъ?—спросила мама, никогда не понимавшая шутокъ.

— Я послѣ скажу тебѣ.

На этомъ начатая затѣя и оборвалась.

Во второй пріѣздъ Тургенева я помню тягу.

Это было второго или третьяго мая 1880 года.

Мы пошли всей компаніей, т.-е. папа, мама и мы, дѣти, за Воронку.

Папа поставилъ Тургенева на лучшее мѣсто, а самъ сталъ шагахъ въ полутораста отъ него на другомъ концѣ той же поляны.

Мама стояла съ Тургеневымъ, а мы, дѣти, невдалекѣ отъ нихъ развели костеръ.

Папà стрѣлялъ нѣсколько разъ и убилъ двухъ вальдшнеповъ, а Ивану Сергѣевичу не везло, и онъ все время завидовалъ счастью отца.

— «Даже въ такихъ мелочахъ ему везетъ»,—говорилъ онъ мамà.

Наконецъ, когда стало уже темнѣть, на Тургенева налетѣлъ вальдшнепъ, и онъ выстрѣлилъ.

— Убили?—крикнулъ отецъ съ своего мѣста.

— Камнемъ упалъ, пришлите собаку поднять,— отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Папà послалъ насъ съ собакой, Тургеневъ указалъ намъ, гдѣ искать вальдшнепа, но, какъ мы ни искали, какъ ни искала собака,—вальдшнепа не было.

Наконецъ подошелъ Тургеневъ, пришелъ папà,— вальдшнепа нѣтъ.

— Можетъ-быть, подранили, могъ убѣжать,—говорилъ папà, удивляясь, — не можетъ быть, чтобы собака не нашла, она не можетъ не найти убитую птицу.

— Да нѣтъ же, Левъ Николаевичъ, я видѣлъ ясно, говорю вамъ, камнемъ упалъ, не раненый, а убитый наповалъ, я знаю разницу.

— Но почему же собака его не находитъ? — не можетъ быть,—что-нибудь не то.

— Не знаю, но только скажу вамъ, что я не лгу, камнемъ упалъ,—настаивалъ Тургеневъ.

Такъ вальдшнепа и не нашли, и остался какой-то непріятный осадокъ, какъ будто кто-то изъ двухъ не совсѣмъ правъ. Или Тургеневъ, говоря, что онъ убилъ вальдшнепа наповалъ,—или папà, утверждая, что собака не можетъ не найти убитой птицы.

И это случилось какъ разъ тогда, когда обоимъ такъ хотѣлось избѣжать всякихъ недоразумѣній!

Вѣдь для этого они даже избѣгали серьезныхъ разговоровъ и проводили время только въ пріятныхъ развлеченіяхъ...

Вечеромъ, прощаясь съ нами, папà тихонько шепнулъ намъ, чтобы мы утромъ, пораньше пошли опять на это мѣсто и поискали бы хорошенько.

И что же оказалось?

Вальдшнепъ, падая, застрялъ въ развилинѣ, на самой макушкѣ осины, и мы насилу его оттуда вышибли.

Когда мы торжественно принесли его домой, это было цѣлое событіе, которому папà и Тургеневъ радовались еще гораздо больше, чѣмъ мы.

Оба они оказались правы и все кончилось къ обоюдному удовольствію.

Иванъ Сергѣевичъ ночевалъ внизу, въ кабинетѣ отца.

Когда всѣ разошлись, я проводилъ его въ его комнату и, пока онъ раздѣвался, я посидѣлъ на его постели и завелъ разговоръ объ охотѣ.

Онъ спросилъ меня, умѣю ли я стрѣлять.

Я отвѣтилъ, что да, но что я не хожу на охоту, потому что у меня плохое, одноствольное ружье.

— Я подарю вамъ ружье,—сказалъ онъ,—у меня въ Парижѣ ихъ два и одно изъ нихъ мнѣ совсѣмъ не нужно. Оно недорогое, но хорошее. Когда я въ слѣдующій разъ пріѣду въ Россію, я привезу его.

Я сконфузился, благодарилъ и былъ страшно счастливъ, что у меня будетъ «центральное» ружье.

Къ сожалѣнію, послѣ этого Тургеневъ въ Россіи больше не былъ.

Ружье, о которомъ онъ говорилъ, я впослѣдствіи хотѣлъ выкупить у его наслѣдниковъ не какъ «центральное», а какъ «Тургеневское», но мнѣ это не удалось.

Вотъ все, что я помню объ этомъ миломъ, наивно-сердечномъ старикѣ съ дѣтскими глазами и дѣтскимъ смѣхомъ, и въ моемъ представленіи величіе его сливается съ обаяніемъ добродушія и простоты.

Въ 1883 году папа получилъ отъ Ивана Сергѣевича его послѣднее, предсмертное письмо, написанное карандашомъ, и я помню, съ какимъ волненіемъ онъ его читалъ. А когда пришло извѣстіе о его кончинѣ, папа нѣсколько дней только объ этомъ и говорилъ, и вездѣ, гдѣ могъ, выискивалъ разныя подробности о его болѣзни и послѣднихъ дняхъ.

Кстати, разъ мнѣ пришлось упомянуть объ этомъ письмѣ Тургенева, я хочу сказать, что папа искренно возмущался, когда слышалъ въ примѣненіи къ себѣ, заимствованный изъ этого письма, эпитетъ «великій писатель земли Русской» [1]).

Онъ вообще всегда ненавидѣлъ избитые эпитеты, а этотъ онъ даже считалъ нелѣпымъ.

Почему «писатель земли»?

Первый разъ слышу, чтобы былъ писатель земли.

Бываетъ же, что привяжутся люди къ какой-нибудь безсмыслицѣ и повторяютъ ее безъ всякой надобности.

Выше я привелъ выдержки изъ писемъ Тургенева, изъ которыхъ видно, съ какимъ неизмѣняемымъ постоянствомъ онъ превозносилъ литературныя дарованія отца.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать того же про отношеніе къ Тургеневу моего отца.

Страстность его натуры проявилась и здѣсь.

Личныя отношенія мѣшали ему быть объективнымъ.

Въ 1867 году, по поводу только что появившагося романа «Дымъ», онъ пишетъ Фету: «Въ «Дымѣ» нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому и потому поэзія этой повѣсти противна... Я боюсь высказать это мнѣніе, потому что я не могу

---

[1]) У Тургенева: „русской земли“.

трезво смотрѣть на автора, личность котораго я не люблю».

Въ 1865 году, еще до окончательнаго разрыва съ Тургеневымъ, онъ пишетъ тому же Фету: «Довольно» мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность, полная безжизненнаго страданія».

Въ 1883 году, осенью, уже послѣ смерти Тургенева, когда вся наша семья переѣхала на зиму въ Москву, отецъ остался въ Ясной Полянѣ одинъ въ обществѣ Агаѳьи Михайловны и началъ усиленно перечитывать всего Тургенева.

Вотъ что онъ въ это время пишетъ моей матери:

... «О Тургеневѣ все думаю и ужасно люблю его, жалѣю и все читаю. Я все съ нимъ и живу; непремѣнно или буду читать или напишу и дамъ прочесть о немъ, скажи такъ Юрьеву[1])... сейчасъ читалъ Тургеневское «Довольно». Прочти, что за прелесть»...

Къ сожалѣнію, предполагавшееся публичное чтеніе отца о Тургеневѣ не состоялось.

Правительство, въ лицѣ министра гр. Д. А. Толстого, запретило ему принести эту послѣднюю дань своему умершему другу, съ которымъ онъ всю жизнь ссорился только потому, что онъ не могъ быть къ нему равнодушенъ.

ГЛАВА XV.

Гаршинъ.

Мои воспоминанія о Всеволодѣ Михайловичѣ Гаршинѣ относятся къ періоду моего дѣтства и поэтому они, къ сожалѣнію, не полны и отрывочны.

Онъ посѣтилъ Ясную Поляну ранней весной 1880 года.

---

[1]) Редакторъ „Русской Мысли“.

Впослѣдствіи я узналъ изъ его біографіи, что въ эту же весну онъ изъ Тулы попалъ въ Харьковъ и тамъ былъ помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу.

Такимъ образомъ объясняются нѣкоторыя шероховатости въ поведеніи этого скромнаго и милаго человѣка, бросившіяся намъ въ глаза, благодаря которымъ я его и запомнилъ при первомъ же его появленіи въ Ясной Полянѣ.

Никому изъ насъ въ то время не пришло въ голову, что предъ нами человѣкъ больной, возбужденный надвигающейся болѣзнью и потому не вполнѣ нормальный.

Мы объяснили себѣ его странности простымъ чудачествомъ.

Мало ли у насъ въ Ясной перебывало чудаковъ.

Это было въ шестомъ часу вечера.

Мы сидѣли въ залѣ за большимъ столомъ и кончали обѣдъ.

Подавая послѣднее блюдо, лакей Сергѣй Петровичъ доложилъ отцу, что внизу его дожидается какой-то «мужчина».

— Что ему надо?—спросилъ папа.

— Онъ ничего не сказалъ, хочетъ васъ видѣть.

— Хорошо, я сейчасъ приду.

Не доѣвъ пирожнаго, папа всталъ изъ-за стола и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Мы, дѣти, тоже повскакали съ своихъ мѣстъ и побѣжали за нимъ.

Въ передней стоитъ молодой человѣкъ, довольно бѣдно одѣтый, не снимая пальто.

Папа здоровается съ нимъ и спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

— Прежде всего мнѣ угодно рюмку водки и хвостъ селедки, — говоритъ человѣкъ, глядя въ глаза отца смѣлымъ лучистымъ взглядомъ, наивно улыбаясь.

Никакъ не ожидавшій такого отвѣта, папа въ первую минуту какъ будто даже растерялся.

Что за странность? человѣкъ трезвый, скромный, на видъ, повидимому интеллигентный, что за дикое знакомство?

Онъ взглянулъ на него еще разъ своимъ глубокимъ пронизывающимъ взглядомъ, еще разъ встрѣтился съ нимъ глазами и широко улыбнулся.

Улыбнулся и Гаршинъ.

Какъ ребенокъ, который только что наивно подшутилъ и смотритъ въ глаза матери, чтобы узнать, понравилась ли его шутка.

И шутка понравилась.

Нѣтъ, конечно, не шутка, а понравились глаза этого ребенка, свѣтлые, лучистые и глубокіе.

Во взглядѣ этого человѣка было столько прямоты и одухотворенности, вмѣстѣ съ тѣмъ столько чистой, дѣтской доброты, что, встрѣтивъ его, нельзя было имъ не заинтересоваться и не пригрѣть его.

Вѣроятно, это же почувствовалъ и Левъ Николаевичъ.

Сказавъ Сергѣю подать водки и какой-нибудь закуски, онъ отворилъ дверь въ кабинетъ и попросилъ Гаршина снять пальто и взойти.

— Вы вѣрно озябли,—ласково сказалъ онъ, внимательно вглядываясь въ гостя.

— Не знаю, кажется, немножко озябъ, ѣхалъ долго.

Выпивъ рюмку водки и закусивъ, Гаршинъ назвалъ свою фамилію и сказалъ, что онъ «немножко» писатель.

— А что вы написали?

— «Четыре дня». Этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вы вѣрно не обратили на него вниманія.

— Какъ же, помню, помню. Такъ это вы написали? Прекрасный разсказъ. Какъ же, я даже очень обратилъ на него вниманіе. Вотъ какъ, стало-быть, вы были на войнѣ?

— Да я провелъ всю кампанію.

— Воображаю, сколько вы видѣли интереснаго. Ну, разскажите, разскажите, это очень интересно.

И отецъ сталъ разспрашивать Гаршина послѣдовательно и подробно о томъ, что ему пришлось видѣть и пережить.

Папа сидѣлъ рядомъ съ нимъ на кожаномъ диванѣ, а мы, дѣти, расположились вокругъ.

Я, къ сожалѣнію, не помню точно этого разговора и не берусь его передать.

Я помню только, что было очень и очень интересно.

Того человѣка, который удивилъ насъ въ передней, теперь уже не было.

Передъ нами сидѣлъ умный и милый собесѣдникъ, ярко и правдиво рисовавшій намъ картины пережитыхъ ужасовъ войны, и разсказы его были такъ увлекательны, что мы весь вечеръ просидѣли съ нимъ, не отрывая отъ него глазъ и слушая.

Припоминая этотъ вечеръ теперь, когда я уже знаю, что бѣдный Всеволодъ Михайловичъ былъ въ то время на границѣ тяжелаго психическаго недуга, и ища въ своемъ впечатлѣніи о немъ признаковъ этого заболѣванія, могу сказать, что нѣкоторая его ненормальность проявилась развѣ только въ томъ, что онъ говорилъ слишкомъ много и слишкомъ интересно.

Съ ярко горящими, широко открытыми глазами, онъ выбрасывалъ намъ одну картину за другой, и

чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ образнѣе и выразительнѣе становилась его рѣчь.

Когда онъ временами замолкалъ, выраженіе его лица измѣнялось и на насъ опять смотрѣлъ милый и кроткій ребенокъ.

Я не помню, ночевалъ ли онъ въ Ясной или уѣхалъ въ этотъ же день.

Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ къ намъ опять, но на этотъ разъ верхомъ на неосѣдланной лошади.

Мы увидали его изъ окна ѣдущимъ по пришпекту.

Онъ разговаривалъ самъ съ собой и какъ-то странно и широко размахивалъ руками.

Подъѣхавъ къ дому, онъ слѣзъ съ лошади и, держа ее въ поводу, потребовалъ у насъ карту Россіи.

Кто-то спросилъ его, зачѣмъ она ему нужна.

— Мнѣ надо посмотрѣть, какъ мнѣ проѣхать въ Харьковъ, я ѣду въ Харьковъ къ матери.

— Какъ, верхомъ?

— Ну да верхомъ, что же тутъ удивительнаго?

Мы достали атласъ, вмѣстѣ съ нимъ разыскали Харьковъ, онъ записалъ попутные города, простился и уѣхалъ.

Впослѣдствіи оказалось, что Гаршинъ пріѣзжалъ къ намъ на лошади, которую онъ какимъ-то путемъ выпрягъ у тульскаго извозчика.

Хозяинъ лошади, не подозрѣвавшій того, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ больнымъ, потомъ долго его разыскивалъ и съ трудомъ отобралъ свою лошадь назадъ.

Послѣ этого Гаршинъ исчезъ.

Какъ онъ добрался до Харькова и какъ онъ попалъ тамъ въ больницу, я уже не знаю.

Черезъ нѣсколько лѣтъ вышли двѣ тоненькія книжки его разсказовъ.

Я прочелъ ихъ, когда былъ уже взрослымъ юношей и нечего мнѣ говорить о томъ впечатлѣніи, которое они на меня произвели.

Неужели это написалъ тотъ человѣкъ съ особенными глазами, который сидѣлъ тогда въ кабинетѣ на кожаномъ диванѣ и разсказывалъ такъ много и интересно?

Да, да, конечно, это онъ, и въ этихъ двухъ книжечкахъ я узнаю его.

Но теперь дѣтская, мимолетная симпатія къ незнакомцу, случайно промелькнувшему, переходитъ въ глубокую любовь къ человѣку и художнику, и мнѣ дорого, что въ моей памяти остались, хотя бы эти отрывочныя и грустныя воспоминанія.

Еще разъ мнѣ посчастливилось видѣть Гаршина у насъ въ Москвѣ.

Это было приблизительно за годъ до его смерти.

Кажется, что въ это время отца не было дома и его приняла мать.

Онъ былъ грустенъ и молчаливъ и пробылъ у насъ недолго.

Я помню, что мама спросила его, отчего онъ такъ мало пишетъ.

— Развѣ можно писать, когда весь день я занятъ своей службой, отъ которой болитъ и тупѣетъ голова,—отвѣтилъ онъ съ горечью и задумался.

Мама стала разспрашивать его о его частной жизни и отнеслась къ нему очень тепло и сочувственно.

Меня и тогда поразили его большіе, красивые глаза, глубоко оттѣненные длинными рѣсницами, и я невольно сравнилъ ихъ съ тѣми глазами, которые я у него видѣлъ раньше.

Они были все тѣ же; но тогда въ нихъ свѣтилась энергія и смѣлость, а теперь они были грустные и задумчивые.

Жизнь отняла у нихъ блескъ и взамѣнъ его заволокла ихъ пеленой печали.

И эта печаль чувствовалась во всемъ его существѣ.

Съ нимъ хотѣлось говорить тихо и ласково, и хотѣлось какъ-нибудь пригрѣть и приласкать его.

Когда я узналъ о его кончинѣ, я не удивился.

Такіе люди подолгу не живутъ.

Отвѣчая по своему разумѣнію на тотъ вопросъ, который поставила Гаршину моя мать: почему онъ мало писалъ, — я повторилъ бы то, что говорилъ Тургеневъ про покойнаго Николая Николаевича Толстого, брата моего отца:

— Гаршинъ писалъ мало потому, что у него были всѣ качества, но не было тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть большимъ писателемъ.

ГЛАВА XVI.

Первые темные.—Убійство Александра II.—Шпіонъ.

Революціонное движеніе, приведшее Россію къ 1-му марта 1881 года, почти не касалось Ясной Поляны, и мы знали о немъ только по газетнымъ описаніямъ разныхъ покушеній, которыя въ то время повторялись чуть не каждый годъ.

Иногда къ папà пріѣзжали какіе-то «темные» люди, которыхъ онъ принималъ у себя въ кабинетѣ и съ которыми всегда горячо спорилъ.

Большею частью эти лохматые, немытые посѣтители показывались въ Ясной только одинъ разъ и, не встрѣтивъ сочувствія отца, исчезали навсегда.

Возвращались только тѣ, которые заинтересовывались новыми для нихъ христіанскими идеями отца, и я еще съ дѣтства помню нѣкоторыхъ «нигилистовъ»,

которые впослѣдствіи часто появлялись въ Ясной и подъ вліяніемъ отца совершенно отпали отъ террора.

«Революціонеръ и христіанинъ, — говорилъ отецъ, — стоятъ на двухъ крайнихъ точкахъ несомкнутаго круга. Поэтому ихъ близость только кажущаяся.

«Въ сущности болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга точекъ нѣтъ.

«Для того, чтобы имъ сойтись, надо вернуться назадъ и пройти весь путь окружности».

Мы узнали объ убійствѣ Александра II такъ:

1-го марта папа по обыкновенію своему ходилъ передъ обѣдомъ гулять на шоссе.

Послѣ снѣжной зимы началась ростепель.

По дорогамъ были уже глубокіе просовы, и лощины набухли водой.

По случаю плохой дороги, въ Тулу не посылали, и газетъ не было.

На шоссе папа встрѣтилъ какого-то странствующаго мальчика-итальянца съ шарманкой и гадающими птицами.

Онъ шелъ пѣшкомъ изъ Тулы.

Разговорились: «откуда? куда?»

— Изъ Тулы, дѣла плохъ, самъ не ѣлъ, птицъ не ѣлъ, царя убилъ.

— Какого царя, кто убилъ? когда?

— Русскій царь, Петербургъ, бомба кидалъ, газетъ получалъ.

Прійдя домой, папа тутъ же разсказалъ намъ о смерти Александра II и пришедшія на другой день газеты съ точностью это подтвердили.

Я помню, какое удручающее впечатлѣніе произвело на отца это безсмысленное убійство. Не говоря уже о томъ, что его ужасала жестокая смерть царя,

«сдѣлавшаго много добра людямъ, стараго, добраго человѣка», онъ не могъ перестать думать объ убійцахъ, о готовящейся казни и «не столько о нихъ, сколько о тѣхъ, кто готовился участвовать въ ихъ убійствѣ, и особенно объ Александрѣ III» [1]).

Нѣсколько дней онъ ходилъ задумчивый и пасмурный и, наконецъ, надумалъ написать новому государю Александру III письмо.

Много было разговоровъ о томъ, въ какомъ тонѣ писать это письмо, писать ли его съ обычнымъ возваніемъ, требуемымъ этикетомъ, или просто съ обращеніемъ общепринятымъ между простыми смертными, написать ли его своей рукой или дать его переписать перепищику,—посылали въ Тулу за хорошей бумагой, письмо перемарывалось и переписывалось начисто нѣсколько разъ,—и, наконецъ, папа послалъ его въ Петербургъ Н. Н. Страхову, съ просьбой передать его государю черезъ К. П. Побѣдоносцева.

Какъ крѣпко онъ вѣрилъ тогда въ силу своего убѣжденія! Какъ онъ надѣялся, что преступниковъ не простятъ,—нѣтъ, на это онъ не надѣялся, — а хоть не казнятъ!

И онъ съ трепетомъ слѣдилъ за газетами и все надѣялся и ждалъ, пока не прочелъ, что всѣхъ участниковъ этого дѣла повѣсили.

Но Побѣдоносцевъ даже и не передалъ письма отца по назначенію, а вернулъ его обратно, потому что, какъ онъ писалъ въ письмѣ къ отцу, онъ «по своей вѣрѣ» не могъ исполнить этого порученія.

Письмо это попало въ руки государя черезъ одного знакомаго. Говорятъ, что, прочтя его, Александръ III сказалъ: «Если бы преступленіе касалось меня лично, я имѣлъ бы право помиловать виновныхъ, но за отца я этого сдѣлать не могу».

---

[1]) Изъ письма Л. Н. къ Александру III.

Я помню, что эта казнь нѣсколькихъ человѣкъ, и въ томъ числѣ женщины, поразила не только отца, но и насъ, дѣтей.

Въ то время смертная казнь въ Россіи была явленіемъ исключительнымъ, къ которому еще не успѣли привыкнуть.

Не то, что теперь.

Со временемъ количество «темныхъ», посѣщавшихъ Ясную Поляну, стало постепенно увеличиваться.

Теперь среди нихъ революціонеровъ почти не было, а большинство были уже или единомышленники отца, или люди ищущіе, пришедшіе къ нему за совѣтомъ и нравственной помощью.

Сколько такихъ людей у него перебывало!

Всѣхъ возрастовъ и всѣхъ профессій.

Сколько людей глубоко убѣжденныхъ и искренихъ и сколько фарисеевъ, ищущихъ только того, чтобы потереться около имени Толстого и извлечь изъ этого какую-нибудь выгоду!

Сколько оригиналовъ, — почти юродивыхъ!

Былъ, напримѣръ, и жилъ довольно долго въ Ясной Полянѣ какой-то старый шведъ, который и зиму и лѣто ходилъ босой и полураздѣтый.

Его принципъ былъ «опрощеніе» и приближеніе къ природѣ.

Одно время онъ заинтересовалъ отца, но кончилось тѣмъ, что онъ въ своемъ «опрощеніи» зашелъ слишкомъ далеко, сдѣлался циничекъ и просто непристоенъ, и его пришлось изъ дома выгнать.

Въ другой разъ явился господинъ, питавшійся одинъ разъ въ два дня. Онъ пріѣхалъ въ Ясную въ тотъ день, когда ему ѣсть не полагалось.

Цѣлый день, начиная съ утра, у насъ ѣда не сходила со стола, пили чай, кофе, завтракали, обѣ-

дали, опять пили чай съ печеньями и хлѣбомъ, — а онъ сидѣлъ въ сторонѣ и ни до чего не прикасался.

— Я вчера ѣлъ, — говорилъ онъ скромно, когда ему что-нибудь предлагали.

— Что же вы съѣдаете въ тѣ дни, когда ѣдите? — спросилъ кто-то.

Оказывается, что онъ съѣдаетъ только одинъ фунтъ хлѣба, одинъ фунтъ овощей и одинъ фунтъ фруктовъ.

«И не очень худой», удивлялся на него отецъ.

Бывалъ еще довольно часто у отца высокій блондинъ-морфинистъ О., доказывавшій христіанское ученіе математическими формулами, былъ никудышникъ брюнетъ П., жилъ на деревнѣ и работалъ выкрещенный еврей Ф. и, наконецъ, появился подосланный третьимъ отдѣленіемъ шпіонъ С.

Какъ-то лѣтомъ, гуляя по саду, мы наткнулись на молодого человѣка, сидящаго на канавѣ и спокойно курящаго папироску.

Наши собаки кинулись къ нему и залаяли.

Мы исподтишка подтравили собакъ, а сами убѣжали въ другую сторону.

Черезъ нѣсколько дней этотъ же молодой человѣкъ встрѣтился съ нами опять на дорогѣ, недалеко отъ дома.

Увидавъ насъ, онъ привѣтливо поздоровался и вступилъ съ нами въ разговоръ.

Оказалось, что онъ поселился на деревнѣ, въ избѣ одного изъ нашихъ дворовыхъ и живетъ здѣсь на дачѣ съ своей невѣстой и ея матерью.

— Заходите попить чайку, — обратился онъ ко мнѣ: — мнѣ скучно, посидимъ, поболтаемъ, я вамъ кое-что разскажу, и, кстати, вы поможете мнѣ въ одномъ дѣлѣ.

— Я на-дняхъ собираюсь жениться, а у меня нѣтъ шафера. Я надѣюсь, что вы не откажете сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Предложеніе было заманчиво, и я согласился.

Черезъ нѣсколько дней г. С. успѣлъ настолько очаровать меня, что мы сдѣлались большими друзьями, и я каждый день ходилъ къ нему въ гости и часто подолгу у него засиживался.

Въ день свадьбы я отпросился у родителей на цѣлый день, надѣлъ чистую курточку и былъ очень гордъ своей ролью шафера.

Вернувшись изъ церкви, мы обѣдали у молодыхъ и пили за ихъ здоровье наливку.

Замѣтивъ мое увлеченіе новымъ знакомствомъ, мама насторожилась и стала меня сдерживать.

Однимъ изъ ея аргументовъ противъ С. было то, что порядочный человѣкъ, принимающій у себя мальчика, долженъ, по правиламъ вѣжливости, прежде всего познакомиться съ родителями.

— Не могу же я пускать сына къ человѣку, котораго я совсѣмъ не знаю.

Я передалъ это С., и онъ въ тотъ же день пошелъ къ мама и извинился за то, что не представился ей раньше.

Послѣ этого онъ познакомился съ отцомъ и сталъ иногда бывать у насъ въ домѣ.

Къ нему привыкли и принимали его просто и ласково, какъ своего человѣка.

Иногда онъ принималъ участіе въ полевыхъ работахъ отца, и, казалось, вполнѣ раздѣлялъ его убѣжденія.

Осенью, уѣзжая изъ Ясной Поляны, онъ пришелъ къ отцу и искренно покаялся въ своемъ преступленіи. Онъ сознался отцу, что онъ былъ шпіономъ, командированнымъ третьимъ отдѣленіемъ для

наблюденія за нимъ и за всѣми остальными посѣтителями Ясной Поляны.

Другой человѣкъ, появившійся въ Ясной Полянѣ значительно позднѣе Симона и игравшій тоже довольно некрасивую роль, былъ тульскій острожный священникъ, періодически наѣзжавшій въ Ясную Поляну для религіозныхъ собесѣдованій съ отцомъ.

Своимъ лже-либеральнымъ тономъ онъ вызывалъ отца на откровенности и дѣлалъ видъ, что очень интересуется его идеями.

— Что за странный человѣкъ, — удивлялся на него отецъ,—и, кажется, искренній. Я спрашивалъ, не поставитъ ли ему въ вину его начальство то, что онъ такъ часто ко мнѣ ѣздитъ, — онъ на это не обращаетъ никакого вниманія. Я, наконецъ, сталъ думать, что онъ ко мнѣ подосланъ нарочно и высказалъ ему это предположеніе, но онъ увѣряетъ, что онъ бываетъ у меня по своему собственному почину.

Впослѣдствіи оказалось, что Синодъ, послѣ отлученія отца отъ церкви, ссылался на этого священника, который безплодно «вразумлялъ» Льва Николаевича по его порученію.

Въ послѣдній разъ онъ былъ у отца уже послѣ его отлученія, во время одной изъ его болѣзней.

Ему сказали, что папа̀ боленъ и принять его не можетъ.

Это было лѣтомъ.

Священникъ сѣлъ на террасѣ и заявилъ, что не уѣдетъ, пока лично не повидается съ Львомъ Николаевичемъ.

Прошло часа два — онъ упорно сидитъ и не уѣзжаетъ.

Пришлось объясниться съ нимъ очень рѣзко и попросить его уѣхать.

Съ тѣхъ поръ я его уже не видалъ ни разу.

ГЛАВА XVII.

Конецъ 70-хъ годовъ. — Переломъ. — Шоссе.

Совершенно незамѣтно для себя, я въ своихъ воспоминаніяхъ подошелъ къ восьмидесятымъ годамъ и, такимъ образомъ, переступилъ въ пору своего отрочества.

Въ дѣйствительной жизни этотъ переходъ былъ еще незамѣтнѣе. Я помню, что я сознялъ его только тогда, когда онъ уже давно совершился.

Мнѣ стало жаль своего дѣтства, и я заплакалъ.

Насколько мое дѣтство было свѣтло и безоблачно, настолько же сумрачна была пора отрочества.

Есть ли это общій удѣлъ всѣхъ, или у каждаго человѣка эта пора протекаетъ различно?—не знаю.

Мнѣ кажется, что на мнѣ безсознательно отразились тяжелыя переживанія и колебанія отца, начавшіяся съ 1876 года.

Въ это время мнѣ было 10 лѣтъ.

Какъ всякаго ребенка, меня интересовала личная жизнь родителей лишь постольку, поскольку она меня касалась.

Приблизительно съ этого времени начинаются религіозныя исканія отца.

Постараюсь разсказать, насколько сумѣю, то, что изъ этого періода запало мнѣ въ голову.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, наша семья воспитывалась по-старинному, въ чисто-православномъ духѣ. Каждый вечеръ, передъ сномъ, мы должны были молиться за папа̀, мама̀, братьевъ, сестеръ и всѣхъ православныхъ христіанъ.

Наканунѣ большихъ праздниковъ къ намъ пріѣзжалъ священникъ и служилъ всенощную, а Великимъ постомъ, на первой и послѣдней недѣлѣ, весь

домъ постился. Руководительницей нашей въ этомъ направленіи была мама, а папа относился къ религіи довольно равнодушно и даже не всегда выходилъ въ залу, когда бывали у насъ священники.

Такъ было въ раннемъ нашемъ дѣтствѣ.

Потомъ отношеніе отца къ церкви стало измѣняться.

Я помню тотъ недолгій періодъ его жизни, когда каждый праздникъ онъ ходилъ къ обѣднѣ и строго соблюдалъ всѣ посты.

Съ этого времени мы все чаще и чаще стали слышать отъ него разговоры о религіи.

Кто бы ни пріѣхалъ въ Ясную Поляну, тульскій ли губернаторъ Ушаковъ, редстокистъ ли графъ Бобринскій, Страховъ, Фетъ, Раевскій, Петръ Өед. Самаринъ, Урусовъ — все равно — разговоръ непремѣнно переходилъ на религіозныя темы и подымались нескончаемые споры, въ которыхъ отецъ часто бывалъ рѣзокъ и непріятенъ.

Вмѣстѣ съ папа стали богомольнѣе и мы.

Раньше мы постились только на первой и послѣдней недѣлѣ Великаго поста, а теперь съ 1877 года мы стали поститься всѣ посты сплошь, и ревностно соблюдали всѣ церковныя службы.

Лѣтомъ, Успенскимъ постомъ, мы говѣли.

Я помню, какъ возили насъ въ церковь на каткахъ (линейкѣ), и мы всѣ были тогда въ повышенномъ, религіозномъ настроеніи: вспоминали грѣхи и торжественно готовились къ исповѣди.

Въ этотъ годъ лѣто было дождливое и грибное.

По дорогѣ въ церковь, по большаку, росло необычайно много шампиньоновъ, и мы останавливались, набирали ихъ въ шляпы и привозили домой.

Тогда же, лѣтомъ, у насъ въ Ясной гостилъ разсказчикъ былинъ Щеголенковъ.

Его звали по отчеству Петровичемъ.

Его манера пересказывать былины была похожа на пѣніе слѣпыхъ, но въ его голосѣ не было той противной гнусоватости, которая въ нихъ дѣйствовала на меня всегда отталкивающе.

Почему-то я помню его сидящимъ на каменныхъ ступеняхъ, на балконѣ, противъ кабинета отца.

Когда онъ разсказывалъ, я любилъ разглядывать его длинную, жгутами свившуюся сѣдую бороду, и его безконечныя повѣсти мнѣ нравились.

Въ нихъ чувствовалась глубокая старина и вѣками наращенная здравая мудрость народа.

Папа слушалъ его съ особеннымъ интересомъ, каждый день заставлялъ его разсказать что-нибудь новое, и у Петровича всегда что-нибудь находилось.

Онъ былъ неистощимъ.

Изъ его разсказовъ отецъ впослѣдствіи заимствовалъ нѣсколько сюжетовъ для своихъ народныхъ повѣстей [1]).

Мнѣ трудно теперь разбираться въ дѣтскихъ переживаньяхъ того времени.

Я помню только общее впечатлѣніе, которое сводилось къ тому, что папа сталъ не тотъ и что-то съ нимъ дѣлается.

Это «что-то», непонятное для ребенка, выражалось различно и длилось нѣсколько лѣтъ,— приблизительно до 1883 года.

Позднѣе многое изъ этого періода стало для меня понятно, но въ то время я чувствовалъ скорѣе настроеніе отца и, совершенно не понимая переживаемаго имъ тяжелаго, нравственнаго кризиса, очень мало интересовался его сущностью.

---

[1]) „Чѣмъ люди живы“.—„Три старца“.

Весной 1878 года, Великимъ постомъ, папà говѣлъ, а лѣтомъ этого же года онъ ѣздилъ въ Оптину пустынь къ старцу отцу Амвросію.

Я не помню его разсказовъ объ этой поѣздкѣ.

Знаю только, что онъ вернулся оттуда недовольный, и что вскорѣ послѣ этого мы все чаще и чаще стали слышать отъ него сначала осужденіе, а потомъ и полное отрицаніе всякихъ церковныхъ обрядовъ и условностей.

Въ одинъ изъ постовъ, за обѣдомъ, отъ учителей, которые одни только ѣли скоромное, остались двѣ мясныя котлетки, которыя лакей отставилъ на другой столъ.

Взглянувъ на нихъ, папà велѣлъ мнѣ подать ему блюдо и, къ ужасу всѣхъ насъ, началъ ихъ ѣсть и похваливать.

Видя такое отношеніе отца, скоро и мы охладѣли къ постамъ, и наше молитвенное настроеніе смѣнилось полнымъ религіознымъ безразличіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣсто прежнихъ катаній верхомъ, на купальню, вмѣсто охоты, папà началъ ходить пѣшкомъ на шоссе, гдѣ искалъ встрѣчъ съ разными странниками, съ которыми онъ любилъ вступать въ разговоры.

Это шоссе, соединяющее Москву съ Кіевомъ, проходитъ въ верстѣ отъ яснополянской усадьбы.

Въ старину, когда еще не было желѣзной дороги, это былъ единственный путь сообщенія между сѣверомъ и югомъ Россіи.

Я засталъ въ живыхъ и хорошо помню стараго ямщика Павла Шентякова, который разсказывалъ мнѣ, какъ по этому шоссе онъ возилъ царя Александра II.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги, значеніе шоссе, какъ колеснаго пути, значительно уменьшилось, но и до сихъ поръ оно осталось излюбленнымъ путемъ

странниковъ, и въ особенности богомольцевъ, идущихъ, съ котомками на спинѣ и съ длинными клюками въ рукахъ, въ Кіевъ, къ Троицѣ, къ Иверской и въ другія святыя мѣста, расположенныя на его протяженіи.

— Пойду на Невскій проспектъ,—говорилъ отецъ, беря палку и идя погулять.

Возвращаясь, онъ за обѣдомъ разсказывалъ намъ о своихъ интересныхъ встрѣчахъ, и его записныя книжки того времени полны разныхъ яркихъ характеристикъ, поговорокъ, пословицъ и въ особенности типичныхъ выраженій народной мудрости.

Не найдя удовлетворенія въ религіи церковной, отецъ кинулся искать Бога въ вѣрованіяхъ простыхъ людей и въ нихъ онъ нашелъ тотъ ключъ, который впослѣдствіи привелъ его къ изученію и новому уразумѣнію Евангелія.

Вотъ что отецъ пишетъ объ этомъ переходѣ въ «Исповѣди»:

«Но благодаря ли моей какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидать, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, или благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что я ничего не могу знать, какъ то, что самое лучшее, что я могу сдѣлать,—это повѣситься—я чуялъ, что если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь».

Напавъ на этотъ путь, онъ весь ушелъ въ свои новыя исканія и сразу рѣзко отшатнулся отъ своей прежней жизни.

«Жизнь нашего круга, богатыхъ, ученыхъ, не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ», говоритъ онъ дальше, въ этой же книгѣ.

И это отрицаніе всего, чѣмъ жила наша семья до того времени, стало болѣзненно чувствоваться всѣми нами. Я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, чувствовалъ, что папа все больше и больше отъ насъ уходитъ и что наши интересы для него не только безразличны, но чужды и противны.

Онъ сталъ сумраченъ, раздражителенъ, часто изъза пустыхъ мелочей ссорился съ мамà, и изъ прежняго веселаго и жизнерадостнаго руководителя и товарища онъ обратился въ нашихъ глазахъ въ строгаго проповѣдника и обличителя.

Все чаще и чаще слышали мы отъ него рѣзкія порицанія пустой, барской жизни, обжорства, обиранія трудового народа и праздности.

— «Мы вотъ сидимъ въ теплыхъ комнатахъ, а нынче на шоссе нашли замерзшаго человѣка.

«Онъ замерзъ потому, что никто не пустилъ его ночевать.

«Мы объѣдаемся котлетами да разными пирожными, а въ Самарѣ народъ тысячами пухнетъ и умираетъ съ голода.

«Мы ѣздимъ на лошадяхъ купаться, а у Прокофія околѣлъ послѣдній меринъ и ему не на чемъ вспахать загонъ.

«Мы еще дрыхнемъ, а портной уже успѣлъ сбѣгать въ Тулу и назадъ за крючками на наши же полушубки».

Не могу сказать, чтобы такія простыя слова отца не были понятны даже для дѣтей.

Мы, конечно, ихъ понимали.

Но это мѣшало нашему эгоистичному, дѣтскому счастью и рѣзко нарушало всю нашу жизнь.

Затѣвается въ Ясной любительскій спектакль, пріѣхали двѣ баронессы Менгденъ, Нуня Новосильцева, Кисленскіе, всѣмъ весело, игры, крокетъ, разговоры о влюбленіи — вдругъ придетъ папа и однимъ словомъ, или даже хуже, однимъ взглядомъ возьметъ — и испортитъ все. И становится скучно и иногда даже какъ будто немножко стыдно.

Лучше бы онъ не приходилъ.

И хуже всего то, что и онъ это чувствовалъ. И ему не хочется нарушать наше веселье, — вѣдь онъ насъ всѣхъ очень любитъ, — а все-таки выходитъ такъ, что испортилъ. Ничего не сказалъ, — а подумалъ.

И мы всѣ знаемъ что̀.

И отъ этого намъ такъ непріятно.

Между тѣмъ жизнь нашей семьи, направленная по опредѣленному руслу, продолжала течь и развиваться.

Все тотъ же Николай поваръ, тотъ же «анковскій пирогъ», перенесенный къ намъ изъ семьи Берсовъ, и уже успѣвшій пустить глубокіе корни въ Ясной Полянѣ, тѣ же гувернеры и гувернантки, тѣ же уроки, тѣ же грудныя дѣти, которыхъ постоянно кормитъ мама, — всѣ эти незыблемые устои, на которыхъ опиралась жизнь нашего муравейника, были еще прочны и такъ же, какъ и раньше, всѣмъ намъ эгоистически необходимы.

Правда, чувствовалась нѣкоторая тяжелая раздвоенность, чувствовалось, что чего-то, главнаго, стало не хватать, потому что папа все больше и больше сталъ отъ насъ отходить, часто бывало очень и очень тяжело, но измѣнить жизнь такъ, какъ хотѣлъ этого онъ, мы не могли потому, что это казалось намъ совершенно немыслимымъ.

Въ борьбѣ идеи съ традиціями, въ борьбѣ «жизни по-Божьи» съ «анковскимъ пирогомъ», случилось то, что всегда случается въ подобныхъ случаяхъ въ

жизни людей: традиціи побѣдили, а идеи сдѣлали только то, что онѣ своей горечью немножко испортили сладость нашего пирога.

Какъ можно было совмѣстить жизнь «по-Божьи», жизнь странниковъ и мужиковъ, которыми такъ восхищался папа, съ тѣми непогрѣшимыми основами, которыя были внушены намъ съ самой нашей колыбели: съ непремѣнной обязанностью ѣсть за обѣдомъ супъ и котлеты, съ говореніемъ по-англійски и по-французски, съ приготовленіемъ насъ въ гимназію и университетъ, съ ученіемъ роли къ любительскому спектаклю? И часто намъ, дѣтямъ, казалось, что не мы не понимаемъ папа, а какъ разъ наоборотъ: онъ насъ пересталъ понимать, потому что онъ занятъ чѣмъ-то «своимъ».

Это «свое» были его новыя мысли и кучи книгъ, которыя появились у него въ кабинетѣ.

Онъ привезъ откуда-то цѣлыя горы разныхъ житій святыхъ, прологовъ и поученій отцовъ церкви, и цѣлыми днями, запершись внизу, въ своемъ кабинетѣ, сидѣлъ, читалъ и что-то думалъ.

Къ обѣду онъ выходилъ мрачный, задумчивый, и когда разговаривалъ, то говорилъ только о «своемъ» и былъ для всѣхъ насъ скученъ и неинтересенъ.

Вспоминая это время, я съ глубокимъ ужасомъ представляю себѣ его душевное состояніе.

Придя къ полному отрицанію всего того, чему онъ до этого молился, придя къ отрицанію той патріархальной барской жизни, которую онъ только что съ любовью описывалъ и которую создалъ себѣ самъ, придя къ отрицанію всей своей предыдущей дѣятельности, начиная съ войны и кончая литературной славой, семьей и религіей, — какъ ужасно должно было быть для него его одиночество.

И оно было еще ужаснѣе тѣмъ, что это было одиночество человѣка въ чуждой ему толпѣ.

Кабинетъ отца внизу (подъ залой). На первомъ планѣ „перекладина между шкапами“. Въ стѣнѣ бюстъ Николая Николаевича Толстого.

Начавъ съ отрицанія, и еще не найдя тѣхъ положительныхъ началъ любви, которыя впослѣдствіи дало ему изученіе Евангелія и которыя легли въ основу всего его міросозерцанія, онъ метался, и въ продолженіе двухъ лѣтъ боролся съ искушеніемъ самоубійства.

...Тогда онъ, «счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ онъ каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни». («Исповѣдь», стр. 21, изд. Эплидина. Женева).

А мы не понимали его.

И когда онъ, не выдерживая натиска мучившихъ его мыслей, выливалъ ихъ передъ нами, — мы испуганно сторонились, чтобы онъ не испортилъ намъ наше дѣтское, эгоистическое счастье.

Правда, иногда онъ вникалъ въ нашу жизнь, интересовался нашими уроками, и старался примѣняться къ нашему пониманію, но чувствовалось, что онъ это дѣлаетъ искусственно, натянуто, не какъ отецъ, а какъ учитель. Онъ это сознавалъ и самъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. И. Алексѣеву, относящемуся къ 1882 году, описывая жизнь семьи, онъ говоритъ: «Сережа много занимается и вѣритъ въ университетъ, Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная — не дѣлается хуже, скорѣе дѣлается лучше. Илюша лѣнится, растетъ, и еще душа его не задавлена органическими процессами. Леля и Маша мнѣ кажутся лучше, они не захватили моей грубости, которую захватили старшіе, и мнѣ кажется, что они развиваются въ лучшихъ условіяхъ...»

Я привелъ это трогательное по своему самоосужденію письмо для того, чтобы показать, какъ чутко и совѣстливо отецъ относился къ нашему воспитанію

и какъ мучили его періоды отчужденности, когда внутренняя борьба настолько отвлекала его отъ семьи, что онъ не находилъ въ себѣ силъ относиться къ ней такъ, какъ бы онъ этого хотѣлъ.

ГЛАВА XVIII.

Переѣздъ въ Москву. — Сютаевъ. — Перепись. — Покупка дома. — Ѳедоровъ. — Соловьевъ.

Осенью 1881 года вся наша семья переселилась въ Москву.

Переѣздъ этотъ, являющійся логическимъ послѣдствіемъ всей нашей предыдущей жизни, оказался необходимымъ по слѣдующимъ тремъ главнымъ причинамъ:

Старшій братъ Сергѣй поступилъ въ университетъ и его нельзя было оставлять въ Москвѣ безъ надзора.

Сестру Таню пора вывозить въ свѣтъ.—Не дичать же ей, сидя въ деревнѣ безъ порядочнаго общества.

Остальныхъ дѣтей воспитывать въ Москвѣ безъ помощи отца гораздо легче, чѣмъ въ Ясной.

Лѣтомъ мама ѣздила въ Москву, наняла квартиру въ Денежномъ переулкѣ, и осенью мы переѣхали.

Въ этомъ году, весной, я выдержалъ въ Тулѣ переходный экзаменъ изъ четвертаго класса въ пятый и долженъ былъ поступить въ казенную гимназію.

Папа ходилъ къ директору одной изъ московскихъ казенныхъ гимназій съ тѣмъ, чтобы меня помѣстить, но вышло неожиданное затрудненіе: въ числѣ бумагъ, требуемыхъ по правиламъ, отцу предложили подписать поручительство за мою благонадежность.

Онъ не захотѣлъ подписать эту бумагу, и изъ-за этого мнѣ пришлось поступить въ частную гимназію Поливанова, гдѣ меня приняли по экзамену, но безъ всякихъ лишнихъ формальностей.

— «Какъ я могу ручаться за поведеніе другого человѣка, хотя бы и родного сына?—говорилъ отецъ, возмущаясь.—Я объяснилъ директору, что глупо требовать отъ родителей такія подписки, онъ соглашается съ тѣмъ, что это ненужная формальность, а, въ концѣ-концовъ, все-таки оказывается, что безъ этого принять мальчика нельзя».

Съ переѣздомъ въ Москву всѣми нами овладѣли новыя впечатлѣнія городской жизни.

Каждый изъ насъ увлекался по-своему.

Мама усиленно занялась устройствомъ квартиры, покупкой мебели, и, подъ руководствомъ дяди Кости, сдѣлала нужные свѣтскіе визиты и наладила Танины выѣзды.

Сережа весь ушелъ въ свой университетъ, а я, въ промежуткахъ между посѣщеніемъ гимназіи и приготовленіемъ уроковъ, игралъ съ уличными ребятишками въ бабки и къ веснѣ уже успѣлъ влюбиться въ незнакомую гимназистку.

Въ эту зиму отецъ сошелся съ сектантомъ Сютаевымъ, который его очень заинтересовалъ и имѣлъ на него несомнѣнное вліяніе.

Это былъ простой крестьянинъ Тверской губерніи, по ремеслу каменотесъ.

Отецъ узналъ о немъ еще въ Самарѣ отъ Пругавина и самъ поѣхалъ къ нему въ деревню.

Послѣ этого, зимой, Сютаевъ пріѣхалъ въ Москву и прожилъ у насъ въ Денежномъ переулкѣ довольно долго.

На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе самаго обыкновеннаго захудалаго мужичка: жиденькая, грязноватаго цвѣта, тугосѣдѣющая борода, засален-

ный черный полушубокъ, въ которомъ онъ ходилъ и въ комнатѣ и на дворѣ, безцвѣтные небольшіе глаза и типичная сѣверная рѣчь на «о».

Какъ всякій хорошій степенный мужикъ, онъ имѣлъ способность держать себя просто и достойно, не смущаясь никакимъ обществомъ, а когда онъ говорилъ, то чувствовалось, что то, что онъ говоритъ, обдумано имъ основательно и что поколебать его убѣжденія невозможно.

Сютаевъ сходился съ моимъ отцомъ въ очень многомъ.

«Удивительно,—говорилъ отецъ,—что мы съ Сютаевымъ, совершенно различные, такіе непохожіе другъ на друга люди ни по складу ума, ни по степени развитія, шедшіе совершенно различными дорогами, пришли къ одному и тому же совершенно независимо одинъ отъ другого».

Такъ же, какъ и отецъ, Сютаевъ отрицалъ церковь и обрядности и такъ же, какъ и онъ, онъ проповѣдывалъ братство, любовь и «жизнь по-Божьи».

— «Все въ табѣ,—говорилъ онъ,—гдѣ любовь, тамъ и Богъ».

Какъ человѣкъ простой, не понимающій компромиссовъ, Сютаевъ отрицалъ всякое насиліе и не допускалъ его даже, какъ средство противленія злу.

Онъ принципіально отказывался отъ платежа всякихъ повинностей, потому что онѣ идутъ на содержаніе войска.

А когда полиція описывала его имущество и продавала скотъ, онъ безропотно присутствовалъ при своемъ разореніи и не сопротивлялся.

«Ихъ грѣхъ, пусть они и дѣлаютъ. Самъ ворота отворять не пойду, а если имъ надо, пусть идутъ. Замковъ у меня нѣтъ», говорилъ онъ, разсказывая объ этомъ.

Семья его раздѣляла его убѣжденія и жила въ своей общинѣ, не признавая личной собственности.

Когда его сына забрали въ солдаты, онъ отказался отъ присяги, потому что въ Евангеліи сказано «не клянись», и не взялъ въ руки ружья, потому что «отъ него кровью пахнетъ».

За это онъ былъ зачисленъ въ Шлиссельбургскій дисциплинарный батальонъ и терпѣлъ тамъ большія лишенія.

Осуществленіе своего идеала «жизни по-Божьи» Сютаевъ видѣлъ въ христіанской общинѣ.

«Поле не должны дѣлить, лѣсъ не должны дѣлить, дома́ не должны дѣлить. Тогда и замковъ не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судей не надо, войны не надо... у всѣхъ будетъ одно сердце, одна душа, не будетъ ни твоего, ни моего,—все будетъ мѣстное», говорилъ онъ, и въ словахъ его́ чувствовалась глубокая вѣра въ осуществимость этихъ идеаловъ, почерпнутыхъ имъ изъ Евангелія.

Отецъ настолько увлекался его проповѣдью, что часто сзывалъ на Сютаева гостей и заставлялъ его при нихъ излагать свои взгляды.

Понятно, что появленіе такого человѣка въ Москвѣ, да еще въ домѣ Толстого, обратило вниманіе администраціи.

Генералъ-губернаторъ кн. Долгорукій послалъ къ моему отцу элегантнаго жандармскаго ротмистра съ порученіемъ вывѣдать у Л. Н., какую роль играетъ въ его домѣ Сютаевъ, каковы его убѣжденія и долго ли онъ пробудетъ въ Москвѣ.

Я не забуду, какъ отецъ принялъ этого жандарма въ своемъ кабинетѣ, потому что я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ до такой степени разсердиться.

Не подавая ему руки и не попросивъ его сѣсть, отецъ говорилъ съ нимъ стоя.

Выслушавъ просьбу, онъ сухо сказалъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать на эти вопросы.

Когда ротмистръ началъ что-то возражать, папà поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, показывая ему на дверь, сдавленнымъ голосомъ сказалъ: «уходите, ради Бога уходите отсюда», «поскорѣй». «Я васъ прошу уйти!» крикнулъ онъ, уже не сдерживаясь, и, еле давъ растерявшемуся жандарму выйти, онъ изо всѣхъ силъ прихлопнулъ за нимъ дверь.

Послѣ онъ раскаивался въ своей горячности, очень жалѣлъ, что не сдержался и поступилъ грубо съ человѣкомъ, но все-таки, когда не унявшійся генералъ-губернаторъ прислалъ къ нему черезъ нѣсколько дней опять за тѣмъ же своего чиновника Истомина, онъ никакихъ объясненій ему не далъ, сказавши коротко, что если Владимиру Андреевичу хочется его видѣть, то никто не мѣшаетъ ему пріѣхать къ нему самому.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія съ придирками администраціи, если бы Сютаевъ вскорѣ послѣ этого не уѣхалъ.

Въ этомъ же году отецъ участвовалъ въ московской трехдневной переписи.

Онъ выбралъ себѣ самый бѣдный районъ города Москвы около Смоленскаго рынка, заключающій въ себѣ Проточный переулокъ и знаменитые въ то время ночлежные дома, Ржанову крѣпость и другіе.

Я помню, какъ къ нему приходили студенты, съ которыми онъ подолгу говорилъ, запершись въ своей комнатѣ, и помню, какъ одинъ разъ онъ взялъ меня съ собой осматривать ночлежный домъ.

Мы ходили вечеромъ по каморкамъ въ страшной вони и грязи, и отецъ опрашивалъ каждаго ночлеж-

ника, чѣмъ онъ живетъ, почему онъ попалъ сюда, сколько онъ платитъ и чѣмъ питается.

Въ общей комнатѣ, куда пускали ночевать безплатно, было еще хуже.

Тамъ нечего было и спрашивать, потому что ясно было, что все это люди совершенно опустившіеся, и было только противно и страшно отъ этой кучи нищеты и гадости.

Я смотрѣлъ на папа и видѣлъ въ его лицѣ все то, что я чувствовалъ самъ, но въ немъ было еще выраженіе страданія и сдержанной внутренней борьбы, и это выраженіе запечатлѣлось во мнѣ, и я помню его до сихъ поръ.

Чувствовалось, что и ему, такъ же, какъ и мнѣ, хочется убѣжать отсюда, поскорѣе, поскорѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что бѣжать нѣкуда, и куда бы онъ ни убѣжалъ, впечатлѣніе видѣннаго останется и будетъ продолжать его мучить все такъ же, если не больше.

И это, дѣйствительно, такъ и было.

Вотъ какъ онъ описываетъ свои переживанія въ статьѣ «Такъ что жъ намъ дѣлать?» (1884 г.)

«И прежде уже чуждая мнѣ и странная городская жизнь теперь опротивѣла мнѣ такъ, что всѣ тѣ радости роскошной жизни, которыя прежде мнѣ казались радостями, стали для меня мученіемъ.

«И какъ я ни старался найти въ своей душѣ хоть какія-нибудь оправданія нашей жизни, я не могъ безъ раздраженія видѣть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто, барски накрытаго стола, ни экипажа, сытаго кучера и лошадей, ни магазиновъ, театровъ, собраній.

«Я не могъ не видѣть рядомъ съ этимъ голодныхъ, холодныхъ, униженныхъ жителей Ляпинскаго дома.

«И не могъ отдѣлаться отъ мысли, что эти двѣ вещи связаны, что одно происходитъ отъ другого.

«Помню, что какъ мнѣ казалось въ первую минуту это чувство моей виновности, такъ оно и осталось во мнѣ»...

Въ эту же зиму отецъ познакомился въ Москвѣ съ двумя интересными лицами, съ которыми онъ очень сошелся, съ Влад. Ѳед. Орловымъ и Ник. Ѳед. Ѳедоровымъ. Перваго я меньше помню, а Ѳедорова, бывшаго библіотекаря Румянцевскаго музея, я вижу передъ собой сейчасъ, какъ живого.

Это былъ худенькій средняго роста старичокъ, всегда плохо одѣтый, необычайно тихій и скромный. На шеѣ, вмѣсто воротника, онъ носилъ какой-то клѣтчатый сѣрый шарфикъ и ходилъ зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же старомъ коротенькомъ пальтецѣ.

У него было такое выраженіе лица, которое не забывается. При большой подвижности, умныхъ и проницательныхъ глазъ, онъ весь свѣтился внутренней добротой, доходящей до дѣтской наивности.

Если бываютъ святые, то они должны быть именно такими.

Ник. Ѳед. не только былъ органически неспособенъ причинить кому-нибудь зло, но я думаю, что и самъ онъ былъ неуязвимъ для всякаго зла, потому что онъ просто его не понималъ.

Говорятъ, что онъ жилъ въ какой-то каморкѣ, настоящимъ аскетомъ, спалъ на голыхъ доскахъ, питался кое-чѣмъ и все отдавалъ бѣднымъ.

Насколько я помню, онъ никогда не спорилъ съ отцомъ, и, что еще замѣчательнѣе, это то, что отецъ, всегда пылкій и несдержанный въ разговорахъ, выслушивалъ Ник. Ѳед. съ особеннымъ вниманіемъ и никогда съ нимъ не горячился.

Совсѣмъ не то бывало съ Влад. Соловьевымъ.

Одно время онъ посѣщалъ отца довольно часто, и я не помню случая, чтобы ихъ свиданье кончалось безъ самыхъ отчаянныхъ споровъ. Всякій разъ, встрѣчаясь, они давали себѣ слово не горячиться и всякій разъ кончалось однимъ и тѣмъ же.

Бывало, съѣдутся у насъ гости, за вечернимъ чаемъ идетъ оживленная бесѣда, Соловьевъ шутитъ, всѣмъ весело,—вдругъ, какъ бы нечаянно, подымается какой-нибудь отвлеченный вопросъ, отецъ начинаетъ говорить, обращаясь почему-то непремѣнно въ сторону Вл. Соловьева, тотъ начинаетъ возражать,—слово за слово—и кончается тѣмъ, что оба вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и начинается ожесточеннѣйшій споръ. Длинная худая фигура Соловьева съ красивыми развѣвающимися волосами, начинаетъ, какъ маятникъ, метаться по комнатѣ, отецъ волнуется, голоса возвышаются, и до конца вечера они уже не расходятся.

Когда гости разъѣзжаются, отецъ выходитъ ихъ провожать въ переднюю и, прощаясь съ Соловьевымъ, задерживаетъ въ своей рукѣ его руку и, глядя ему въ глаза, съ виноватой улыбкой, проситъ его не сердиться за его горячность.

И такъ всякій разъ.

Соловьевъ, какъ мыслитель, никогда не былъ близокъ моему отцу и очень скоро онъ пересталъ его интересовать совсѣмъ.

Отецъ считалъ его человѣкомъ «головнымъ» и примѣнялъ къ нему эпитетъ «протоіереевъ сынъ».

— Такихъ много, говорилъ онъ. «Протоіереевъ сынъ» это человѣкъ, живущій исключительно тѣмъ, что ему даетъ книга. Начитается и дѣлаетъ изъ прочитаннаго выводы. А своего собственнаго, самаго дорогого у него ничего нѣтъ. Есть и среди протоіереевыхъ дѣтей умные люди, какъ, напр., Страховъ, онъ былъ даже очень уменъ и, если бы онъ думалъ отъ

себя, онъ былъ бы великъ, а вотъ въ этомъ и было его несчастіе, что онъ тоже былъ «протоіереевъ сынъ». Это опредѣленіе я слышалъ отъ отца уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти обоихъ помянутыхъ выше лицъ.

ГЛАВА XIX.

Физическій трудъ.—Сапоги.—Покосъ.

Въ 1881 году отецъ пишетъ нашему бывшему учителю В. И. Алексѣеву:

...«Теперь же я убѣдился, что показать путь можетъ только жизнь—примѣръ жизни. Дѣйствіе этого примѣра очень не быстро, очень неопредѣленно (въ томъ смыслѣ, что, думаю, никакъ не можешь знать, на кого оно подѣйствуетъ) очень трудно.

«Но оно одно даетъ толчокъ.

«Примѣръ—доказательство возможности христіанской, т.-е. разумной и счастливой жизни при всѣхъ возможныхъ условіяхъ: это одно двигаетъ человѣка и это одно нужно и мнѣ и вамъ, и давайте помогать другъ другу это дѣлать»...

«Примѣръ жизни и разумная и счастливая жизнь при всѣхъ возможныхъ условіяхъ».

Вотъ единственное разрѣшеніе тѣхъ сложныхъ вопросовъ, которые предстали отцу въ то время, и по этому пути онъ направилъ свою жизнь и велъ ее до роковой осени 1910 года.

Несмотря на огромную умственную работу, поглощающую всѣ его силы, отецъ причислялъ и себя къ числу тунеядцевъ, живущихъ на хрипу рабочаго народа, и для того, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать передъ самимъ собою свою, какъ онъ называлъ, праздность, онъ взялся за физическій трудъ, и съ

тѣхъ поръ онъ его не бросалъ, пока не ослабѣлъ настолько, что не могъ уже работать.

Въ письмѣ къ Н. Н. Ге, въ іюлѣ 1892 года, онъ пишетъ... «и Вы не можете себѣ представить, какъ теперь, во время уборки, мнѣ скверно, совѣстно, грустно жить въ тѣхъ подлыхъ, мерзкихъ условіяхъ, въ которыхъ я живу. Особенно вспоминая прежніе годы»...

Отецъ всегда любилъ физическій трудъ, какъ полезное, здоровое упражненіе и какъ общеніе съ природой.

Отношеніе же его къ труду, какъ къ религіозной обязанности, стало особенно ярко проявляться лишь съ начала 80-хъ годовъ.

Я помню, какъ въ первую же зиму нашей жизни въ Москвѣ онъ ходилъ куда-то за Москву-рѣку къ Воробьевымъ горамъ и тамъ съ мужиками пилилъ дрова.

Приходилъ онъ домой усталый, весь въ поту, полный новыхъ впечатлѣній здоровой, трудовой жизни, и за обѣдомъ разсказывалъ намъ о томъ, какъ работаютъ эти люди, во сколько упряжекъ, сколько они зарабатываютъ. И, конечно, онъ всегда сопоставлялъ трудовую жизнь и потребности своихъ пильщиковъ съ нашей роскошью и барской праздностью.

Для того, чтобы имѣть возможность работать дома и использовать длинные, зимніе вечера, отецъ началъ учиться сапожному ремеслу.

Не знаю откуда, онъ разыскалъ себѣ сапожника, скромнаго чернобородаго человѣка типа положительныхъ мастеровыхъ, накупилъ инструментовъ, товару, и въ своей маленькой комнаткѣ, рядомъ съ кабинетомъ, устроилъ себѣ верстакъ.

Рядомъ съ верстакомъ, у окна была устроена оригинальная желѣзная печурка, отопляемая кероси-

новой лампой, которая должна была одновременно согрѣвать и вентилировать комнату.

Я помню, что, несмотря на это устройство, которымъ отецъ гордился, какъ новшествомъ, въ его крошечной, низенькой мастерской всегда было душно и пахло кожей и табакомъ.

Въ опредѣленные часы приходилъ сапожникъ, учитель съ ученикомъ садились рядомъ на низенькихъ табуреткахъ, и начиналась работа: всучиваніе щетинки, точаніе, выколачиваніе задника, прибиваніе подошвы, наборъ каблука и т. д.

Отецъ, всегда горячій въ работѣ, брался за все непремѣнно самъ, и ни за что не отставалъ, пока не добивался того, чтобы у него вышло все такъ же, какъ у учителя.

Сгорбившись надъ верстакомъ, онъ старательно готовилъ конецъ, всучивалъ щетинку, ломалъ ее, начиналъ сначала, кряхтѣлъ отъ напряженія и, какъ ученикъ, радовался всякому успѣху.

— Позвольте, Левъ Николаевичъ, я сдѣлаю,— говорилъ сапожникъ, видя безполезныя усилія отца.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ. Ты дѣлай свое, а я тоже буду дѣлать свое, иначе не научишься.

Во время этихъ уроковъ къ отцу часто приходили гости, и иногда въ его уголкѣ собиралось столько сочувствующихъ, что негдѣ было повернуться.

Я тоже любилъ приходить къ нему и часто просиживалъ съ нимъ цѣлые вечера.

Помню, какъ-то пришелъ къ отцу покойный мужъ моей двоюродной сестры Елизаветы Валеріановны, ки. Оболенскій.

Отецъ въ это время только что научился забивать гвозди въ подошву.

Онъ сидѣлъ, зажавъ перевернутый сапогъ между колѣнями и старательно загонялъ въ красную, новую подошву деревянныя шпильки.

Нѣкоторыя изъ нихъ заминались, но большинство втыкались удачно.

— Смотрите, какъ хорошо выходитъ,—похвалился отецъ, показывая гостю свою работу.

— Что жъ тутъ труднаго?—сказалъ Оболенскій, полушутя.

— А вотъ попробуйте.

— Сколько угодно.

— Хорошо, но только съ уговоромъ; за каждый забитый вами гвоздь я вамъ плачу рубль, а за каждый сломанный вы мнѣ платите гривенникъ, хорошо?

Оболенскій взялъ сапогъ, шило и молотокъ, сломалъ подъ рядъ восемь гвоздей, разсмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ и подъ общій хохотъ заплатилъ въ пользу сапожника 80 копеекъ.

Помню я еще случай, связанный съ единственнымъ моимъ воспоминаніемъ о поэтѣ Я. П. Полонскомъ.

Сидимъ мы вечеромъ около верстака и работаемъ. (Я говорю, мы, потому что я тоже научился этому ремеслу и одно время шилъ очень недурно).

Приходитъ лакей Сергѣй Петровичъ и докладываетъ, что графа хочетъ видѣть какой-то баринъ Потогонскій.

— Что за Потогонскій? не знаю такого. Проси сюда,—сказалъ отецъ.

Проходитъ, по крайней мѣрѣ, минутъ пять.

Мы уже забыли о Потогонскомъ, какъ вдругъ слышимъ по коридору какіе-то странные, какъ будто деревянные, неровные шаги.

Отворяется дверь и появляется высокій сѣдой старикъ на костыляхъ.

Вглядѣвшись въ лицо гостя и вдругъ узнавъ его, отецъ вскочилъ и началъ его цѣловать.

— Батюшка, Яковъ Петровичъ, такъ это вы! Простите ради Бога, что я заставилъ васъ пройти

всѣ эти лѣстницы. Если бы я зналъ, я сошелъ бы къ вамъ внизъ, а то Сергѣй говоритъ «Потогонскій». Я никакъ не могъ догадаться, что это вы. Чѣмъ васъ угостить?

— Ну, если такъ, такъ дайте мнѣ потогоннаго, я съ удовольствіемъ выпью чаю, — сострилъ Полонскій, отдуваясь отъ усталости и садясь на диванъ.

Дѣйствительно, бѣдному, хромому старику, для того, чтобы дойти до кабинета отца, надо было пройти одну двойную лѣстницу вверхъ, залу, потомъ нѣсколько очень крутыхъ ступенекъ внизъ, и еще длинный полуосвѣщенный коридоръ съ разными заворотами и порогами.

Ни до этого, ни послѣ мнѣ Полонскаго видѣть не пришлось, и я мало помню это свиданіе, потому что я скоро вышелъ изъ комнаты и при его разговорѣ съ отцомъ не присутствовалъ.

Другой учитель—сапожникъ, который училъ отца—это былъ нашъ дворовый Павелъ Арбузовъ, сынъ няни Маріи Аѳанасьевны и братъ лакея Сергѣя. Съ нимъ отецъ занимался одно время въ Ясной Полянѣ.

Лѣтомъ отецъ работалъ въ полѣ.

Узнавъ о бѣдственномъ положеніи какой-нибудь вдовы или больного старика, онъ бралъ работать въ ихъ пользу, и за нихъ пахалъ, косилъ и убиралъ хлѣба.

Въ первое время въ своихъ работахъ онъ былъ совершенно одинокъ, никто ему не сочувствовалъ и большинство семьи относилось къ его труду, какъ къ причудѣ, съ оттѣнкомъ соболѣзнованія о томъ, что онъ тратитъ свои дорогія силы на такую тяжелую и непроизводительную работу.

Хотя къ этому времени отецъ сдѣлался гораздо мягче, меньше горячился въ спорахъ, меньше осуждалъ, иногда даже бывалъ попрежнему веселъ и

общителенъ, но все же чувствовался рѣзкій диссонансъ между нашей жизнью, крокетомъ, гостями и постоянными развлеченіями, и напряженной работой отца, распредѣленной на упряжки, въ кабинетѣ и въ полѣ, за письменнымъ столомъ и за сохой.

Первый человѣкъ, изъ всей семьи, въ то время близко подошедшій къ отцу, была моя покойная сестра Маша.

Въ 1885 году ей было 15 лѣтъ.

Она была худенькая, довольно высокая и гибкая блондинка, фигурой напоминавшая мою мать, а по лицу скорѣе похожая на отца, съ тѣми же ясно очерченными скулами и съ свѣтло-голубыми глубоко сидящими глазами.

Тихая и скромная по природѣ, она всегда производила впечатлѣніе какъ будто немножко загнанной.

Она сердцемъ почувствовала одиночество отца и она первая изъ всѣхъ насъ отшатнулась отъ общества своихъ сверстниковъ и незамѣтно, но твердо и опредѣленно перешла на его сторону.

Вѣчная заступница за всѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, Маша всей душой ушла въ интересы деревенскихъ бѣдняковъ и, гдѣ могла, помогала своими слабыми физическими силенками и главное—своимъ большимъ, отзывчивымъ сердцемъ.

Въ это время докторовъ въ домѣ еще не было и всѣ больные изъ Ясной Поляны, а иногда и изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень, обращались за помощью къ Машѣ.

Часто она ходила навѣщать своихъ больныхъ по избамъ и до сихъ поръ среди нашихъ крестьянъ жива благодарность къ ея памяти и среди бабъ сохранилось твердое убѣжденіе, что Марья Львовна «знала» и безошибочно могла опредѣлять, выздоровѣетъ ли больной, или нѣтъ.

Въ это же лѣто въ Ясной Полянѣ появился молодой еврей Ф., въ то время искренній послѣдователь отца, безкорыстный и убѣжденный идеалистъ.

Онъ жилъ въ деревнѣ, работалъ для крестьянъ, не требуя за свой трудъ никакой платы, кромѣ самой простой, суровой пищи, и мечталъ объ учрежденіи христіанской общины.

Для того, чтобы не терпѣть притѣсненій отъ администраціи, онъ принялъ въ нашей церкви крещеніе.

Одно время Ф. былъ, дѣйствительно, такъ увлеченъ христіанскими идеями, что поражалъ всѣхъ своей прямолинейностью и имѣлъ нѣкоторое вліяніе даже на деревнѣ, среди крестьянъ, въ особенности среди молодежи.

У него была жена, красивая еврейка, Ревекка и маленькій ребенокъ, которые жили на деревнѣ въ избѣ и буквально голодали. Ф. приносилъ имъ куски хлѣба, получаемые имъ за его трудъ, а часто, когда онъ работалъ для бѣдныхъ крестьянъ, ему не давали ничего, и онъ голодалъ самъ.

Ревекка ходила по деревнѣ, а иногда и по нашей усадьбѣ, какъ нищая и, гдѣ могла, выпрашивала пищу себѣ и ребенку. Наконецъ она потребовала отъ мужа, чтобы онъ за свою работу бралъ хоть по кринкѣ молока въ день для ребенка. Онъ и это не счелъ возможнымъ сдѣлать и кончилось тѣмъ, что его жена, будучи не въ силахъ вести такую жизнь, разошлась съ нимъ и куда-то ушла.

Одинъ разъ Ф. зашелъ вечеромъ къ отцу, и онъ попросилъ его что-то прочесть ему вслухъ.

Вдругъ, во время чтенія Ф. поблѣднѣлъ и безъ чувствъ свалился на полъ. Оказалось, что онъ цѣлый день работалъ, ничего не ѣлъ и обезсилѣлъ отъ голода.

На отца это произвело потрясающее впечатлѣніе, и онъ никогда не могъ этого забыть.

— Мы, сытые, объѣдаемся и ничего не дѣлаемъ, а этотъ человѣкъ цѣлый день работалъ и падаетъ отъ голода.

Какое яркое и ужасное сопоставленіе!

Въ другой разъ, осенью, заѣзжій цыганъ выпросилъ у Ф. послѣднюю его свитку. Подошла зима и Ф. остался совершенно раздѣтый, въ одной посконной рубахѣ.

Конечно, объ этомъ было много разговоровъ и кончилось тѣмъ, что кто-то сжалился, и къ зимѣ его одѣли даже лучше, чѣмъ онъ былъ одѣтъ раньше.

Въ этомъ году я пріѣхалъ въ Ясную Поляну послѣ экзаменовъ въ началѣ іюня, тогда, когда вся семья была уже въ сборѣ, и лѣтняя жизнь шла своимъ обычнымъ, протореннымъ путемъ.

Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, я считалъ себя женихомъ своей теперешней жены и мечталъ о томъ, чтобы, женившись, начать съ ней новую жизнь, соотвѣтствующую взглядамъ моего отца.

Мнѣ нѣкуда было дѣвать свои силы, и я пошелъ къ отцу и сказалъ ему, что и я хочу работать и прошу его указать мнѣ, что дѣлать.

— Что же, прекрасно. Пойди къ Жаровой, у нея мужъ пошелъ на заработки съ прошлой зимы и до сихъ поръ его нѣтъ, она бьется одна, съ дѣтьми, ей нѣкому вспахать ея надѣлъ. Возьми соху, запряги Мордвина и поѣзжай пахать, самое теперь время взмета пара.

Я такъ и сдѣлалъ, и довольно скоро вспахалъ нѣсколько загоновъ за деревней, около «озера».

Я помню это новое для меня чувство полезной работы, пріятное и успокоительное.

Чувствуешь себя, какъ лошадь, впряженнымъ въ соху, за которой ходишь, отрѣзая борозду за бороздой, думаешь свою неспѣшную думу, смотришь на лоснящуюся ленту земли, безконечной полосой сбѣ-

гающую съ палицы, на безпомощно извивающіяся въ свѣжей бороздѣ мясистыя бѣлыя личинки майскихъ жуковъ, на грачей, совершенно не обращающихъ на тебя вниманія, и тутъ же вслѣдъ за сохой, подбирающихъ все то, что она для нихъ достаетъ, и не замѣчаешь усталости, пока не подойдетъ время обѣда, или пока сумерки не сгонятъ тебя домой.

Тогда перевертываешь соху, прикручиваешь ее на сволочёньки, садишься бокомъ на лошадь, и ѣдешь домой, побалтывая ногами по обжѣ и пріятно мечтая объ ѣдѣ и отдыхѣ.

Часто, отведя лошадь на конюшню, не дожидаясь домашнихъ, бѣжишь прямо въ людскую, гдѣ за непокрытымъ столомъ обѣдаютъ «люди», присаживаешься въ уголкѣ, между кучеромъ и прачкой, и круглой деревянной ложкой хлебаешь холодный квасъ съ толченымъ лукомъ и картошками, или водяную крутосоленую мурцовку на зеленомъ маслѣ.

Къ Петрову дню мы начали косить покосъ.

Обыкновенно ясенскіе мужики убирали наши луга изъ части.

Передъ покосомъ они собирались въ артели по нѣсколько семействъ, и каждая артель снимала свои покосы, которые косились исполу, изъ третьей части или изъ двухъ пятыхъ, смотря по качеству травы.

Наша артель состояла изъ двухъ крестьянъ, высокаго Василія Михеева, длинноносаго коротыша Осипа Макарова, моего отца, Ф. и меня.

Мы взялись косить молодой садъ за аллеями и «прудище» на Воронкѣ.

Я косилъ въ пользу той же Жаровой, а отецъ и Ф. для кого-то еще.

Погода въ это лѣто была жаркая, покосъ спѣшный, потому что скоро стала подоспѣвать рожь, и подгоняла рабочая пора, и полевая трава, выгорѣв-

шая на солнцѣ, была сухая и жесткая, какъ проволока.

Только очень рано утромъ, съ росой, она легче шла на косу и надо было вставать съ зарей, чтобы успѣвать выкосить намѣченный наканунѣ урокъ.

Впереди всѣхъ шелъ лучшій нашъ косецъ Василій, потомъ Осипъ, папа, Ф и я.

Отецъ косилъ хорошо, не отставалъ отъ другихъ, хотя потѣлъ сильно и, видимо, уставалъ.

Глядя на меня, онъ почему-то находилъ, что я кошу, какъ столяръ. Что-то напоминающее столяра онъ видѣлъ въ изгибѣ моей поясницы и во взмахѣ косы.

Днемъ мы сушили траву и собирали ее въ копны, а по вечерней росѣ опять выходили съ косами и работали до ночи.

По нашему примѣру, рядомъ съ нашей, составилась другая артель, многолюдная и веселая, къ которой примкнули братья Сергѣй и Левъ и сынъ нашей гувернатки, Alcide, мой ровесникъ, очень милый малый, котораго мужики прозвали Алдакимъ Алдакимовичемъ.

Сестра Маша была въ нашей артели, а Таня и двѣ двоюродныя сестры Кузминскія были съ ними.

Наша артель была строгая и серьезная, — ихняя легкомысленная и веселая.

У нихъ по праздникамъ, а иногда и по буднямъ, пропивались копны, были вѣчныя пѣсни и веселье, а у насъ, святыхъ, было чинно и, признаюсь, скучновато.

Признаюсь тоже, что иногда, когда у нихъ пропивалась копна, братъ Левъ, который не пилъ водки, оставлялъ для меня свою порцію, и я съ удовольствіемъ временно измѣнялъ своимъ товарищамъ и выпивалъ его чашечку.

Это не мѣшало мнѣ относиться къ ихъ артели ысока, тѣмъ болѣе, что ихъ веселье кончилось бѣ-ой.

Пьяные мужики передрались, и главарь артели Семенъ Р. переломилъ своему отцу Сергѣю руку.

Это лѣто, о которомъ я разсказываю, было исключительное тѣмъ, что увлеченіе работой захватило всѣхъ жителей яснополянской усадьбы.

Даже мама выходила на покосъ въ сарафанѣ съ граблями, а мой дядя, человѣкъ не молодой и занимавшій въ то время видное общественное положеніе, докосился до того, что у него всѣ руки были покрыты огромными водяными мозолями.

Конечно, далеко не всѣ работающіе раздѣляли убѣжденіе отца и относились къ труду идейно, но въ то лѣто жизнь сложилась такъ, что работа завлекла всю нашу компанію и заинтересовала всѣхъ,— кого какъ дѣло, а кого и просто, какъ пріятный и здоровый спортъ.

Въ это время пріѣзжалъ къ намъ одинъ изъ молодыхъ послѣдователей отца г. ***.

Былъ самый разгаръ рабочей поры.

Послѣ завтрака вся наша компанія собралась, и мы пошли къ конюшнѣ, гдѣ помѣщались рабочіе инструменты.

Въ это время мы съ отцомъ строили въ деревнѣ для одного изъ крестьянъ сарай.

Ф. крылъ у кого-то избу, а сестры вязали рожь.

Каждый взялъ, что ему нужно, мы съ отцомъ— топоры и пилы, Ф. — вилы, сестры — грабли, и пошли.

Г. *** пошелъ съ нами.

Сестра Таня, всегда веселая и шутливая, видя, что г. *** идетъ съ пустыми руками, обратилась къ нему, называя его по имени и отчеству:

— Г. *** а вы куда идете?

— На село.

— Зачѣмъ.

— Поомоогать.

— Чѣмъ же вы будете помогать? Вѣдь у васъ ничего нѣтъ въ рукахъ, возьмите хоть вилы, будете подавать солому.

— Я буду помогать совэтомъ,—отвѣтилъ г. *** своимъ ломанымъ, на англійскій манеръ, языкомъ, совершенно не замѣчая ни иронiи Тани, ни того, насколько онъ, дѣйствительно, смѣшонъ и безполезенъ своими совэтами «на сэлэ», гдѣ люди работаютъ, и гдѣ ряженые въ широкихъ англійскихъ спортсменскихъ костюмахъ могутъ только помѣшать и испортить дѣло.

Я съ грустью вспоминаю объ этомъ случаѣ, чрезвычайно ярко характеризующемъ «толстовца», о которомъ идетъ рѣчь.

Сколько такихъ «совэтчиковъ» на моей памяти прошло передъ моими глазами!

Сколько ихъ перебывало въ Ясной Полянѣ!

И какъ мало среди нихъ людей, дѣйствительно убѣжденныхъ и искреннихъ!

Многіе рѣзко свернули въ сторону еще при жизни отца, а другіе и до сихъ поръ тщеславно хоронятся за его тѣнь и только вредятъ его памяти.

Не даромъ отецъ говаривалъ про «толстовцевъ», что это «наиболѣе чуждая и непонятная ему секта».

— «Вотъ скоро я умру,—съ грустью предсказывалъ онъ,—и будутъ люди говорить, что Толстой училъ пахать землю, косить и шить сапоги, а то главное, что я всю жизнь силюсь сказать, во что я вѣрю и что важнѣе всего—это они забудутъ».

ГЛАВА XX.

Отецъ, какъ воспитатель.

Здѣсь я вернусь назадъ и постараюсь прослѣдить то вліяніе, которое имѣлъ на меня отецъ, какъ воспитатель, и припомню, насколько сумѣю, все то, что запечатлѣлось во мнѣ въ пору моего ранняго дѣтства и потомъ въ періодъ моего отрочества, который случайно совпалъ съ коренной ломкой всего міровоззрѣнія отца.

Выше я говорилъ объ «Анковскомъ пирогѣ», завезенномъ въ Ясную Поляну моей матерью изъ семьи Берсовъ.

Возлагая этотъ пирогъ всецѣло на отвѣтственность мамà, я былъ несправедливъ, потому что у моего отца, ко времени его женитьбы, былъ свой «Анковскій пирогъ», котораго онъ, можетъ-быть, не замѣчалъ, потому что слишкомъ къ нему привыкъ.

Этотъ пирогъ—это былъ старинный складъ яснополянской жизни въ томъ видѣ, въ которомъ засталъ ее отецъ еще ребенкомъ, и который онъ мечталъ впослѣдствіи воскресить.

Въ 1852 году, стосковавшись на Кавказѣ и вспоминая о родной Ясной Полянѣ, онъ пишетъ своей тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ письмо, въ которомъ онъ рисуетъ «счастье, которое его ожидаетъ» [1]).

---

[1]) 12 Janvier 1854.

Mosdoc, station à mi-chemin de Tiflis.

...je supporte les fatigues et les privations dont je vous parle (ce ne sont pas des privations physiques dont je parle,— il n'y en a pas pour un garçon de 23 ans, et qui se porte bien) sans les ressentir, même avec une espèce de plaisir, en pensant au bonheur qui m'attend.

Voilà comment je le représente:

... «Вотъ какъ я себѣ его представляю:

«Послѣ нѣкотораго количества лѣтъ, не молодой, не старый, я въ Ясной Полянѣ, дѣла мои въ порядкѣ, у меня нѣтъ ни безпокойства, ни непріятностей.

«Вы также живете въ Ясной. Вы немного постарѣли, но еще свѣжи и здоровы. Мы ведемъ жизнь, которую вели раньше,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день.

Après un nombre indéterminé d'années, ni jeune, ni vieux, je suis à Ясная—mes affaires sont en ordre, je n'ai pas d'inquiétudes, ni de tracasseries. Vous habitez Ясная aussi. Vous avez un peu vieilli, mais êtes encore fraîche et bien portante. Nous menons la vie que nous avons menée. Je travaille le matin, mais nous nous voyons presque toute la journée. Nous dinons; le soir je vous fais une lecture, qui ne vous ennuie pas; puis nous causons,—moi je vous raconte ma vie au Caucase, vous me parlez de vos souvenirs,—de mon père, de ma mère; vous me contez des страшныя исторіи, que jadis nous écoutions les yeux éffrayés et la bouche béante. Nous nous rappellerons les personnes, qui nous ont été chères et qui ne sont plus. Vous pleurerez, je ferai la même chose, mais ces larmes seront douces. Nous causerons des frères, qui viendront nous voir de temps en temps, de la chère Marie, qui passera aussi quelques mois de l'année à Ясная, qu'elle aime tant, avec tous ses enfants. Nous n'aurons point de connaissances — personne ne viendra nous ennuyer et faire des commérages. C'est un beau rêve, mais ce n'est pas encore tout ce que je me permets de rêver.

Je suis marié; ma femme est une personne douce, bonne, aimante; elle a pour vous le même amour que moi. Nous avons des enfants, qui vous appellent „grand-maman". Vous habitez la grande maison, en haut, la même chambre qu'a jadis habitée grand-maman. Toute la maison est dans le même ordre qu'elle a été du temps de papa, et nous recommençons la même vie, seulement en changeant de rôles: vous prenez le rôle de grand-maman, mais vous êtes encore plus bonne, moi le rôle de papa, mais je desespère de jamais le mériter. Ma femme celui de maman; les enfants—le nôtre. Marie le rôle des deux tantes, leurs malheurs excepté. Même Гаша prendra le rôle Прасковья Ильинична Mais il manque un personnage pour prendre le rôle que vous avez joué dans notre famille,—jamais il ne se trouvera une âme aussi belle, aussi aimante que la vôtre. Vous n'avez pas de successeur.

Il y aura trois nouveaux personnages, qui paraîtront de temps en temps sur la scène — les frères; surtout l'un, qui sera souvent avec nous — Nicolas, vieux garçon, chauve, retiré du service, toujours aussi bon, aussi noble,—

«Мы обѣдаемъ. Вечеромъ я вамъ читаю что-нибудь интересное для васъ. Потомъ мы бесѣдуемъ, я разсказываю вамъ про кавказскую жизнь, вы мнѣ разсказываете ваши воспоминанія о моемъ отцѣ, матери; вы мнѣ разсказываете «страшныя исторіи», которыя мы прежде слушали съ испуганными глазами и разинутыми ртами.

«Мы вспоминаемъ людей, которые намъ были дороги и которыхъ больше нѣтъ.

«Вы станете плакать и я тоже, но слезы эти будутъ успокоительны; мы будемъ говорить о братьяхъ, которые будутъ къ намъ пріѣзжать время отъ вре-

---

я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину, разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ у него цѣловать сальныя руки, (но которыя стóятъ того), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія о давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ, какъ вы, насъ, старыхъ, будете называть попрежнему: Левочка, Николенька, и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Si on me faisait Empereur de Russie, si on me donnait Pèrqu, en un mot, si une fée venait avec sa baguette me demander ce que je désire — la main sur la conscience je reponderais, que je désire seulement, que ce rêve puisse devenir une réalité. Знаю, вы не любите загадывать, mais quel mal y a-t-il, et cela fait tant de plaisir.

Je crains d'avoir été égoïste, et d'avoir fait trop petite votre part de bonheur. Je crains que les malheurs passés, mais qui ont laissé des traces trop sensibles dans votre coeur, ne vous empêchent de jouir de cet avenir, qui aurait fait mon bonheur. Chère tante, dites-moi, seriez vous heureuse? Tout cela peut arriver, et l'espérance est une si douce chose.

De nouveau je pleure. Pourquoi est-ce que je pleure, quand je pense à vous? Ce sont les larmes de bonheur — je suis heureux de savoir vous aimer. Si tous les malheurs pouvaient m'arriver, je ne me dirai jamais tout-à fait malheureux jasqu'à ce que vous existerez. Vous vous rappelez notre séparation à la chapelle d'Иверская, quand nous partions à Cazan. Alors, comme par inspiration, au moment de vous quitter, je compris tout ce que vous étiez pour nous, et quoique encore enfant, par mes larmes et quelques mots décousus, j'ai su vous faire comprendre ce que je sentais. Je n'ai jamais cessé de vous aimer, mais le sentiment que j'ai éprouvé à la chapelle d'Ивер-

мени, о дорогой Машѣ [1]), которая также будетъ проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ Ясной, которую она такъ любитъ, со всѣми своими дѣтьми.

«У насъ не будетъ знакомыхъ, никто не придетъ къ намъ надоѣдать и сплетничать.

«Это чудный сонъ. Но это еще не все, о чемъ я позволю себѣ мечтать.

«Я женатъ. Моя жена тихая, добрая, любящая; васъ она любитъ такъ же, какъ и я; у насъ дѣти, которыя васъ зовутъ бабушкой; вы живете въ большомъ домѣ наверху, въ той же комнатѣ, которую прежде занимала бабушка [2]).

«Весь домъ содержится въ томъ же порядкѣ, какой былъ при отцѣ, и мы начинаемъ ту же жизнь, но только перемѣнившись ролями.

«Вы замѣняете бабушку, но вы еще лучше ея, я замѣняю отца, хотя я не надѣюсь никогда заслужить эту честь.

«Жена моя замѣняетъ мать, дѣти—насъ.

ская et celui que j'ai à présent pour vous est tout autre—beaucoup plus fort, plus élevé que je n'ai eu en tout autre temps.

Je vais vous avouer une chose, qui me fait honte, mais qu'il faut que je vous dise pour décharger ma conscience. Auparavant, en lisant vos lettres, dans lesquelles vous me parliez des sentiments, que vous aviez pour nous, j'ai cru voir de l'exagération; mais seulement maintenant, en les relisant-je vous comprends,—votre amour sans bornes pour nous, et votre âme élevée. Je suis sûr, que tout autre, excepté vous, en lisant cette lettre et la dernière,—m'aurait fait le même reproche; mais je ne crains pas cela de vous, vous me connaissez trop bien, et vous connaissez, que peut—être ma seule bonne qualitè—c'est la sensibilité. C'est à cette qualité, que je suis redevable des moments les plus heureux de ma vie. Dans tous les cas c'est la dernière, dans laquelle je me permets d'exprimer mes sentiments aussi exaltés—exaltés pour les indifférants, mais vous saurez les apprécier.

Adieu, chère tante, dans quelques jours je verrai Nicolas, alors je vous écrirai.

1) Сестра отца.

2) Пелагея Николаевна, мать Николая Ильича.

«Маша беретъ на себя роль двухъ тетокъ [1]), исключая ихъ горе; даже Гаша [2]) замѣняетъ Прасковью Ильиничну.

«Не будетъ только хватать лица, которое взяло бы на себя вашу роль въ жизни нашей семьи.

«Никогда не найдется душа такая прекрасная и такая любящая, какъ ваша. У васъ нѣтъ преемниковъ. Будутъ три новыхъ лица, которыя будутъ иногда появляться среди насъ,—это братья, особенно одинъ, который часто будетъ съ нами,—Николенька, старый холостякъ, лысый, въ отставкѣ, всегда такой же добрый, благородный.

«Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину, разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ цѣловать у него сальныя руки (но которыя стоятъ этого), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія о давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ; какъ вы насъ, старыхъ, будете попрежнему называть «Левочка», «Николенька», и будете бранить меня за то, что я ѣмъ руками, а его за то, что у него руки не чисты.

«Если бы меня сдѣлали русскимъ императоромъ, если бы мнѣ дали Пэру,—однимъ словомъ, если бы волшебница пришла ко мнѣ съ своей палочкой и спросила меня, чего я желаю, — я, положа руку на сердце, отвѣтилъ бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать дѣйствительностью».

---

[1]) Пелагеи Ильиничны Юшковой и Александры Ильиничны Остенъ-Сакенъ.

[2]) Агаѳья Михайловна.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ этого письма, отецъ женился, и мечты его почти всѣ осуществились такъ, какъ онъ этого желалъ.

Не было только большого дома съ бабушкиной комнатой и брата Николеньки съ грязными руками, который умеръ за два года до этого, въ 1860 году.

Въ своей семейной жизни отецъ видѣлъ повтореніе жизни своихъ родителей, и въ насъ, дѣтяхъ, онъ хотѣлъ искать повторенія себя и своихъ братьевъ.

Такъ началось наше воспитаніе и такъ оно продолжалось до середины 70-хъ годовъ.

Мы росли настоящими «господами», гордые своимъ барствомъ и отчуждаемые отъ всего внѣшняго міра.

Все, что не мы, было ниже насъ и поэтому недостойно подражанія.

Къ деревенскимъ ребятамъ мы тоже относились свысока. Я началъ ими интересоваться только тогда, когда сталъ узнавать отъ нихъ нѣкоторыя вещи, которыя я раньше не зналъ, и которыя мнѣ было запрещено знать.

Мнѣ было тогда около десяти лѣтъ. Мы ходили на деревню кататься съ горъ на скамейкахъ и завели было дружбу съ крестьянскими мальчиками, но папа скоро замѣтилъ наше увлеченіе и остановилъ его.

Такъ мы росли, окруженные со всѣхъ сторонъ каменной стѣной англичанокъ, гувернеровъ и учителей, и въ этой обстановкѣ родителямъ было легко слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ и направлять нашу жизнь по-своему, тѣмъ болѣе, что сами они совершенно одинаково относились къ нашему воспитанію и ни въ чемъ еще не расходились.

Кромѣ нѣкоторыхъ уроковъ, которые папа взялъ на себя, онъ обращалъ особенное вниманіе на наше

физическое развитіе, на гимнастику и на всякія упражненія, развивающія смѣлость и самодѣятельность.

Одно время онъ каждый день собиралъ насъ въ аллею, гдѣ была устроена гимнастика, и мы всѣ, по очереди, должны были продѣлывать всякія трудныя упражненія, на параллеляхъ, трапеціи и кольцахъ.

Самое трудное—это былъ пріемъ на трапеціи, съ пролѣзаніемъ черезъ спину, который назывался «Михаилъ Ивановичъ».

Его могли дѣлать папà и М-г Rey, а для насъ, мальчиковъ, онъ былъ труденъ, и мы долго добивались, пока онъ намъ не удался.

Сначала Сережѣ, а потомъ съ грѣхомъ пополамъ и мнѣ.

Когда собирались итти гулять или ѣхать верхомъ, папà никогда не ждалъ тѣхъ, которые почему-либо опаздывали, а когда я отставалъ и плакалъ, онъ передразнивалъ меня: «Меня не подождали», а я ревѣлъ еще больше, злился и все-таки догонялъ.

Слово «нѣженка» было у насъ насмѣшкой и не было ничего обиднѣе, чѣмъ, когда папà называлъ кого-нибудь изъ насъ «нѣженкой».

Я помню, какъ бабушка Пелагея Ильинична одинъ разъ поправляла лампу и взяла въ руки горячее стекло. Она обожгла себѣ пальцы до волдырей, но стекло не бросила, а осторожно поставила его на столъ. Папà это видѣлъ и потомъ, когда ему понадобилось упрекнуть кого-то изъ насъ въ малодушіи, онъ вспоминалъ этотъ случай и приводилъ намъ его въ примѣръ: «Вотъ удивительная выдержка. Вѣдь тетенька имѣла право бросить стекло на полъ; стекло стоитъ пять конеекъ, а тетенька, хотя бы даже своимъ вязаніемъ зарабатываетъ каждый день въ пять разъ больше, — и то она этого не сдѣлала.

Вся обожглась, а не бросила. А ты бы бросилъ. Да и я, пожалуй, бросилъ бы»,—говорилъ онъ, восхищаясь ея терпѣніемъ.

Папà почти никогда не заставлялъ насъ что-нибудь дѣлать, а выходило всегда такъ, что мы какъ будто по своему собственному желанію и почину дѣлали все такъ, какъ онъ этого хотѣлъ.

Мамà часто бранила насъ и наказывала, а онъ, когда ему нужно было заставить насъ что-нибудь сдѣлать, только пристально взглядывалъ въ глаза, и его взглядъ былъ понятенъ и дѣйствовалъ сильнѣе всякаго приказанія.

Вотъ разница между воспитаніемъ отца и матери: Бывало понадобится на что-нибудь двугривенный. Если итти къ мамà, она начнетъ подробно разспрашивать, на что нужны деньги, наговоритъ кучу упрековъ, и иногда откажетъ. Если пойти къ папà, онъ ничего не спроситъ,—только посмотритъ въ глаза и скажетъ: «Возьми на столѣ».

И, какъ бы ни былъ нуженъ этотъ двугривенный, я никогда не ходилъ за нимъ къ отцу, а всегда предпочиталъ выпрашивать его у матери.

Громадная сила отца, какъ воспитателя, заключалась въ томъ, что отъ него, какъ отъ своей совѣсти, прятаться было нельзя.

Онъ все зналъ и обманывать его было то же самое, что обманывать себя. Это было и тяжело и невыгодно.

Особенно ярко отразилось на мнѣ вліяніе отца въ вопросѣ о женитьбѣ и въ отношеніи моемъ къ женщинамъ до брака.

Иногда какая-нибудь мелочь, какое-нибудь случайное слово, сказанное человѣку кстати, оставляетъ глубокій слѣдъ и потомъ вліяетъ на всю его жизнь.

Такъ было и со мной.

Какъ-то утромъ бѣгу я внизъ по длинной прямой лѣстницѣ ясенскаго дома, перескакивая сразу по двѣ ступеньки и, по всегдашней привычкѣ, послѣднія нѣсколько ступеней спрыгиваю смѣлымъ и ловкимъ гимнастическимъ прыжкомъ.

Мнѣ было лѣтъ 16, я былъ силенъ, и прыжокъ вышелъ, дѣйствительно, красивъ.

Въ это время, навстрѣчу мнѣ шелъ отецъ: увидавъ мой стремительный размахъ, онъ остановился передъ лѣстницей и разставилъ руки, чтобы поддержать меня, если я не удержусь на ногахъ и упаду.

Я ловко присѣлъ на обѣ ноги, поднялся передъ нимъ и поздоровался:

— «Экій ты молодецъ,—сказалъ онъ, улыбаясь и, очевидно, любуясь моей юношеской энергіей; въ деревнѣ такого молодца давно бы женили, а ты вотъ не знаешь, куда силы дѣвать».

Я ничего не отвѣтилъ, но эти слова произвели на меня впечатлѣніе громадное.

Меня поразилъ не упрекъ отца въ бездѣятельности, а для меня было ново то, что я, дѣйствительно, дорось до того, что меня «женить пора».

Я зналъ, что отецъ очень ревниво относился къ цѣломудрію молодыхъ людей, зналъ, какъ онъ цѣнилъ въ этомъ отношеніи чистоту, и поэтому ранняя женитьба показалась мнѣ наилучшимъ рѣшеніемъ этого труднаго вопроса, мучащаго всякаго думающаго мальчика въ пору его возмужалости.

Я не могу предполагать, чтобы отецъ, сказавъ мнѣ эту фразу, предвидѣлъ то впечатлѣніе, которое она на меня произведетъ, но несомнѣнно, что эти слова были сказаны отъ всего сердца и поэтому они оставили во мнѣ громадный слѣдъ.

Я понялъ не только ихъ прямой смыслъ, но все то, что было въ нихъ не досказано и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, было такъ значительно.

Черезъ два-три года послѣ этого, когда мнѣ было уже 18 лѣтъ, и мы жили въ Москвѣ, я увлекся знакомой барышней, моей теперешней женой, и почти каждую субботу ходилъ въ гости къ ея родителямъ.

Отецъ видѣлъ это и молчалъ.

Какъ-то разъ онъ собрался итти гулять, и я попросилъ позволенія пойти вмѣстѣ съ нимъ.

Такъ какъ въ Москвѣ я гулялъ съ нимъ очень рѣдко, онъ понялъ, что я хочу съ нимъ говорить о чемъ-нибудь серьезно и, пройдя немного молча и, очевидно, чувствуя, что я робѣю и не рѣшаюсь заговорить первый, онъ какъ бы невзначай спросилъ меня:

— Что это ты часто ходишь къ Ф.?

Я отвѣтилъ, что мнѣ очень нравится старшая дочь.

— Что же ты, жениться хочешь?

— Да.

— А хорошая она?

Ну, смотри, не ошибись, и ее не обмани, — сказалъ онъ, какъ-то особенно мягко и задумчиво.

Я сейчасъ же отсталъ отъ отца и счастливый побѣжалъ по Арбату домой.

Мнѣ было пріятно, что я сказалъ ему правду и его теплое, осторожное отношеніе укрѣпило мое чувство къ отцу, которому я былъ безконечно благодаренъ за его сердечность, и къ ней, которую я съ этого момента полюбилъ еще больше и еще тверже рѣшилъ не обмануть.

Деликатность отца въ отношеніяхъ съ нами доходила до застѣнчивости.

Были вопросы, которые онъ не рѣшался затрогивать, боясь этимъ сдѣлать больно.

Я не забуду того, какъ одинъ разъ въ Москвѣ онъ сидѣлъ и писалъ въ моей комнатѣ за моимъ столомъ, а я невзначай забѣжалъ туда для того, чтобы переодѣться.

Моя кровать стояла за ширмами, и оттуда я не могъ видѣть отца.

Услыхавъ мои шаги, онъ, не оборачиваясь, спросилъ:

— Илья, это ты?

— Я.

— Ты одинъ? Затвори дверь.—Теперь насъ никто не услышитъ, и мы не видимъ другъ друга, такъ что намъ не будетъ стыдно. Скажи мнѣ, ты когда-нибудь имѣлъ дѣло съ женщинами?

Когда я ему сказалъ, что нѣтъ, я вдругъ услыхалъ, какъ онъ началъ всхлипывать и рыдать, какъ маленькій ребенокъ.

Я тоже разревѣлся, и мы оба долго плакали хорошими слезами, раздѣленные ширмами, и намъ не было стыдно и было такъ хорошо, что я эту минуту считаю одной изъ самыхъ счастливыхъ во всей моей жизни.

Никакіе доводы, никакія разсужденія не могли бы дать мнѣ того, что я пережилъ тогда.

Такія слезы шестидесятилѣтняго отца не забываются даже въ минуты самыхъ сильныхъ искушеній.

Въ періодъ моей юности отъ 16-ти до 20-лѣтняго возраста, отецъ очень внимательно слѣдилъ за моей внутренней жизнью, замѣчалъ всякія колебанія, поддерживалъ меня въ моихъ хорошихъ стремленіяхъ и часто упрекалъ въ непослѣдовательности.

Отъ этого времени у меня сохранились нѣкоторыя его письма. Первое (открытка) написано имъ изъ Ясной, когда онъ тяжело болѣлъ ногой, а мы, старшіе сыновья, жили въ Москвѣ съ Николаемъ Николаевичемъ Ге (сыномъ).

«Вамъ пишутъ каждый день и (вы) все знаете обо мнѣ. Пишу самъ «для прочности». Общее состояніе хорошо. Если на что жаловаться, то на сонъ, вслѣдствіе чего голова не свѣжа и не могу работать. Лежу и слушаю женскій разговоръ и такъ погруженъ въ женскій ликъ, что уже самъ начинаю говорить: «я спала». А на душѣ мнѣ хорошо, немного иногда тревожно о комъ-нибудь изъ васъ, о душевномъ вашемъ состояніи, но не позволяю этого себѣ и жду и радуюсь на теченіе жизни. Вы только поменьше предпринимайте, а живите, только бы безъ дурного, и выйдетъ прекрасно. Цѣлую васъ и Колечку».

Къ тому же времени относятся и слѣдующихъ два письма:

«Написалъ тебѣ сейчасъ, милый другъ Илья, письмо правдивое по моему чувству, но, боюсь, несправедливое, и не послалъ. Я говорилъ тамъ непріятности, но я не имѣю на это права. Я не знаю тебя, какъ хотѣлъ бы и какъ нужно мнѣ тебя знать. И въ этомъ виноватъ я. И хочу это поправить. Многое я знаю въ тебѣ, что мнѣ не нравится, но не знаю всего. Насчетъ поѣздки твоей думаю, что въ вашемъ положеніи учащихся — не въ одной гимназіи, но въ возрастѣ учащагося — лучше меньше суетиться, потомъ всякіе денежные безполезные расходы, отъ которыхъ легко воздержаться — безнравственны, по моему мнѣнію, и по твоему, если только ты подумаешь. Если пріѣдешь, я для себя буду радъ, если только ты не будешь неразлученъ съ Г.

«Такъ дѣлай, какъ знаешь. А работать тебѣ надо и головой—думать, читать,—и сердцемъ, т.-е. разбираться въ томъ, что точно хорошо и что дурно, хотя и кажется, что хорошо. Цѣлую тебя Л. Т.»

«Милый другъ Илья.

«Все мнѣ кто, или что-нибудь да мѣшаетъ отвѣчать на твои два важныя и дорогія для меня письма,—особенно послѣднее. То былъ Бутурлинъ, то нездоровье, безсонница, то сейчасъ пріѣхалъ Д., товарищъ Х., о которомъ я писалъ тебѣ. Онъ сидитъ за чаемъ и говоритъ съ дамами (все не понимая другъ друга), а я ушелъ и хочу хоть что-нибудь написать изъ всего, что я о тебѣ думаю.

«Положимъ, что С. А. запрашиваетъ [1]), но подождать не худо—главное съ той стороны, чтобы укрѣпить ваши взгляды, вѣру. Все въ этомъ. А то ужасно отъ одного берега отстать, къ другому не пристать.

«Берегъ собственно одинъ—честная добрая жизнь себѣ на радость и на пользу людямъ. Но есть не добрая жизнь, такъ услащенная, такая общая всѣмъ, что если держаться ея, то не замѣтишь того, что это не добрая жизнь и мучаешься одной совѣстью, если она есть; но если отстать отъ нея, и не пристать къ настоящему берегу, то будешь мучиться и одиночествомъ и упреками, что отсталъ отъ людей, и совѣстью. Однимъ словомъ, я хочу сказать, что нельзя желать быть немножко добрымъ, нельзя прыгать въ воду, не умѣя плавать. Надо быть правдивымъ, желать быть и добрымъ во-всю. А чувствуешь ли ты это въ себѣ? Все это я говорю къ тому, что суждение кн. Маріи Алексѣевны [2]) о твоей женитьбѣ

---

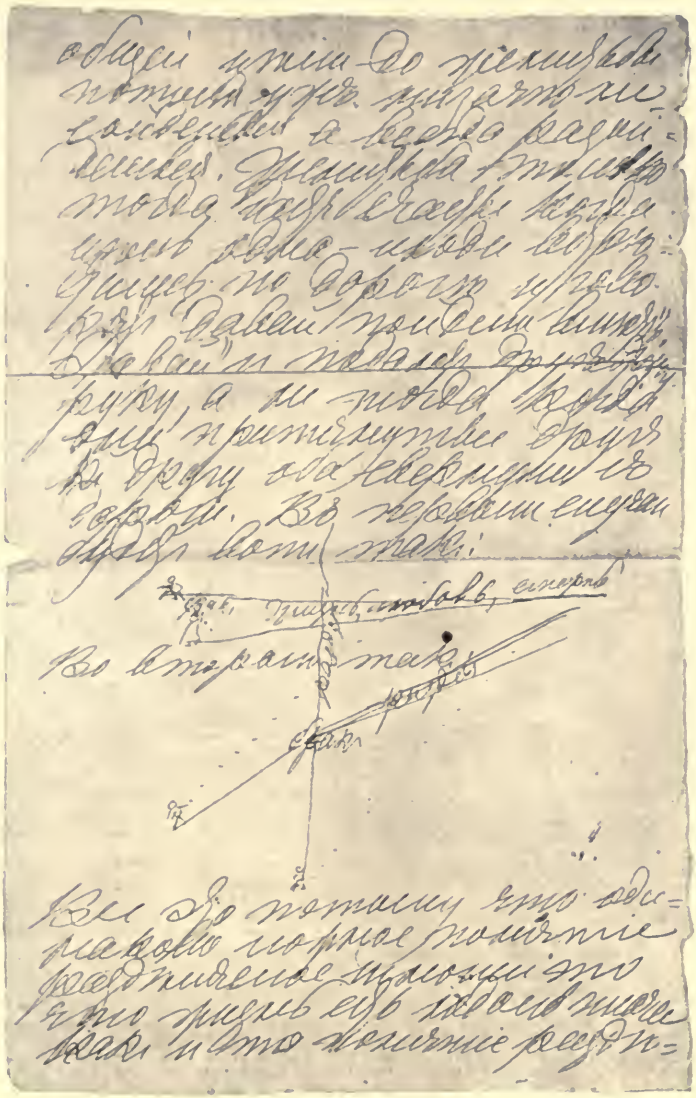
[1]) Я писалъ отцу, что мать моей невѣсты не разрѣшаетъ мнѣ жениться раньше двухъ лѣтъ.

[2]) Отецъ взялъ Грибоѣдовскую княгиню Марію Алексѣевну, какъ символъ.

извѣстное: жениться молодымъ безъ достаточнаго состоянія. Пойдутъ дѣти, нужда, прискучатъ другъ другу черезъ 1—2 года, 10 лѣтъ, пойдутъ ссоры, недостатки, — адъ. И во всемъ этомъ княгиня Мар. Ал. совершенно права и предсказываетъ вѣрно, если только у этихъ женящихся людей нѣтъ другой одной единственной цѣли, неизвѣстной кн. Мар. Ал. — и цѣли не головной, не разсудкомъ признаваемой, а составляющей свѣтъ жизни и достиженіе которой волнуетъ болѣе, чѣмъ все другое. Есть это у васъ— хорошо, женитесь сейчасъ же, и Мар. Ал. останется въ дуракахъ. А нѣтъ этого, изъ 100 шансовъ 99, что кромѣ несчастья отъ брака ничего не выйдетъ. Говорю тебѣ отъ всей души. И ты также всей душой пріими мои слова и взвѣсь ихъ. Кромѣ любви моей къ тебѣ, какъ къ сыну, есть еще любовь къ тебѣ, какъ къ человѣку, стоящему на распутьи. Цѣлую тебя, Лелю, Колечку и Сережу, если онъ вернулся. Мы живы и здоровы».

Къ тому же времени относится и слѣдующее письмо.

«Получили твое письмо къ Танѣ, милый другъ Илья, и вижу, что ты идешь все впередъ къ той же цѣли, которая поставилась тебѣ, и захотѣлось мнѣ написать тебѣ и ей (потому что ты вѣрно ей все говоришь), что я думаю объ этомъ. А думаю я объ этомъ много и съ радостью и страхомъ—вмѣстѣ. Думаю я вотъ что: жениться, чтобы веселѣе было жить, никогда не удастся. Поставить своей главной цѣлью, замѣняющей все другое, женитьбу, соединеніе съ тѣмъ, кого любишь, есть большая ошибка. И очевидная, если вдумаешься. Цѣль, женитьба. Ну, женишься, а потомъ что? Если цѣли жизни другой не было до женитьбы, то потомъ вдвоемъ ужасно трудно, почти невозможно найти ее. Даже навѣрное, если не было



общей цѣли до женитьбы, потомъ ужъ ни за что не сойдешься, а всегда разойдешься. Женитьба только тогда дастъ счастье, когда цѣль одна— люди встрѣтились по дорогѣ и говорятъ: „Давай пойдемъ вмѣстѣ".— „Давай", и подадутъ другъ другу руку, а не тогда, когда они притянутые другъ къ другу оба свернули съ дороги.

Въ первомъ случаѣ будетъ вотъ такъ: (см. рис.)

Во второмъ такъ: (см. рис.)

Все это потому, что одинаково ложное понятіе, раздѣляемое многими, то, что жизнь есть юдоль плача, какъ и то понятіе, раздѣляемое

огромнымъ большинствомъ, понятіе, къ которому и молодость, и здоровье, и богатство тебя склоняютъ, что жизнь есть мѣсто увеселенія. Жизнь есть мѣсто служенія, при которомъ приходится переносить иногда и много тяжелаго, но чаще испытывать очень много радостей. Только радости-то настоящія могутъ быть только тогда, когда люди сами понимаютъ свою жизнь, какъ служеніе; имѣютъ опредѣленную, внѣ себя, своего личнаго счастія цѣль жизни.

«Обыкновенно женящіеся люди совершенно забываютъ это.

«Такъ много предстоитъ радостныхъ событій женитьбы, рожденія дѣтей, что, кажется, эти событія составляютъ и самую жизнь.

«Но это опасный обманъ.

«Если родители проживутъ и нарожаютъ дѣтей, не имѣя цѣли жизни, то они отложатъ только вопросъ о цѣли жизни и то наказаніе, которому подвергаются люди, живущіе не зная зачѣмъ, они только отложатъ это, но не избѣгутъ, потому что придется воспитывать, руководить дѣтей, а руководить нечѣмъ. И тогда родители теряютъ свои человѣческія свойства и счастіе, сопряженное съ ними, и дѣлаются племенной скотиной.

«Такъ вотъ я и говорю: людямъ, собирающимся жениться именно потому, что ихъ жизнь кажется имъ полною, надо больше, чѣмъ когда-нибудь, думать и уяснять себѣ, во имя чего живетъ каждый изъ нихъ.

«А чтобы уяснить себѣ это, надо думать, обдумать условія, въ которыхъ живешь, свое прошедшее, расцѣнить въ жизни все, что считаешь важнымъ, что не важнымъ, узнать, во что вѣришь, т.-е. что считаешь всегдашней, неизмѣнной истиной и чѣмъ будешь руководствоваться въ жизни. И не столько узнать, уяснить себѣ, но испытать на дѣлѣ провести

или проводить въ свою жизнь, потому что пока не дѣлаешь того, во что вѣришь, самъ не знаешь, — вѣришь ли или нѣтъ.

«Вѣру твою я знаю и вотъ эту вѣру, или тѣ стороны ея, которыя выражаются въ дѣлахъ, тебѣ и надо больше, чѣмъ когда-нибудь, именно теперь уяснить себѣ, проводя ее въ дѣло.

«Вѣра въ томъ, что благо въ томъ, чтобы любить людей и быть любимыми ими.

«Для достиженія же этого я знаю три дѣятельности, въ которыхъ я постоянно упражняюсь, въ которыхъ нельзя достаточно упражняться и которыя тебѣ теперь особенно нужны.

«Первое, чтобы быть въ состояніи любить людей и быть любимыми ими, надо пріучать себя какъ можно меньше требовать отъ нихъ [1])—тутъ много работы.

«Второе, чтобы любить людей не словами, а дѣломъ, надо выучить себя дѣлать полезное людямъ. Тутъ еще больше работы, особенно для тебя въ твои годы, когда человѣку свойственно учиться.

«Третье, чтобы любить людей и б.(ыть) и л.(юбимыми) и.(ми), надо выучиться кротости, смиренію, искусству переносить непріятныхъ людей и непріятное,—искусству всегда такъ обращаться съ ними, чтобы не огорчать никого, а въ случаѣ невозможности не оскорбить никого, умѣть выбирать наименьшее огорченіе. И тутъ работы еще больше всего, и работа постоянная отъ пробужденія до засыпанья, и работа самая радостная, потому что день за днемъ радуешься на успѣхъ въ ней и, кромѣ того, получаешь незамѣтную сначала, но очень радостную награду въ любви людей.

---

[1]) Потому что если я многаго требую и мнѣ много лишеній, я склоняюсь не любить, а упрекать.

«Такъ вотъ я совѣтую тебѣ и вамъ обоимъ, какъ можно сердечнѣе и думать, и жить, потому что только этими средствами вы узнаете, точно ли вы идете по одной дорогѣ и вамъ хорошо подать другъ другу руки или нѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если вы искренни, то приготовьте себѣ будущее.

«Цѣль ваша въ жизни должна быть не радость женитьбы, а то, чтобы своей жизнью внести въ міръ больше любви и правды. Женитьба же затѣмъ, чтобы помогать другъ другу въ достиженіи этой цѣли.

«Самая эгоистическая и гадкая жизнь есть жизнь двухъ людей, соединившихся для того, чтобы наслаждаться жизнью, и самое высокое призваніе людей, живущихъ для того, чтобы служить Богу, внося добро въ міръ и для этого соединившихся другъ съ другомъ. Такъ ты не спутайся—то, да не то. Почему же человѣку не избирать высшее. Но только, избравъ высшее, надо точно всю душу положить въ него, а не немножечко. Немножечко ничего не выйдетъ. Ну вотъ, усталъ писать, а еще хотѣлось сказать.

Цѣлую тебя».

ГЛАВА XXI.

Моя женитьба.—Письма отца.—Ванечка.—Его смерть.

Въ февралѣ 1888 года я женился и уѣхалъ съ молодой женой въ Ясную Поляну, гдѣ и поселился на два мѣсяца въ трехъ нижнихъ комнатахъ.

Къ веснѣ я долженъ былъ перебраться на «Александровскій хуторъ», составлявшій часть нашего имѣнія «Никольское», Чернскаго уѣзда, гдѣ я предполагалъ строить себѣ домъ и поселиться. Вскорѣ послѣ женитьбы я получилъ отъ отца слѣдующее письмо:

Въ серединѣ отецъ и мать. Начиная слѣва: Татьяна, Левъ, Илья съ женой, Сергѣй, Иванъ, Александра, Андрей, Михаилъ, Марія.

«Ну какъ вы, милыя мои дѣти? Живы ли? Живы ли духомъ? Важное вы переживаете время. Все теперь важно, всякій шагъ важенъ, помните это; слагается ваша жизнь и вашихъ взаимныхъ отношеній—новый организмъ—homme-femme'a, одного существа, и слагаются отношенія этого сложнаго существа ко всему остальному міру, къ Марьѣ Аѳанасьевнѣ, къ Костюшкѣ и т. п. и къ неодушевленному міру, къ своей пищѣ, одеждѣ и т. д.,—все новое. Если чего хотите,—то хотите теперь. А еще главное дѣло будутъ у васъ теперь состоянія mauvaise humeur и все, и вы другъ передъ другомъ окраситесь въ несвойственные цвѣта,—не вѣрьте этому, не вѣрьте дурному,—а переждите, и опять будетъ хорошо.

«Не знаю, какъ Соня, а Илья склоненъ къ этому, и ему надо тутъ быть осторожнымъ. А ты, Соня, вотъ что: станетъ тебѣ вдругъ скучно, скучно, скучно, скучно. А ты не вѣрь этому и не поддавайся, а знай, что это вовсе не скука, а простое требованіе твоей души работы, какой бы то ни было, физической, умственной—все равно.

«Главное, еще главнѣе, будьте добры къ людямъ, добры не издалека, а доступны вблизи. Если это будетъ, — то будетъ жизнь полна и счастлива. Ну, держитесь. Цѣлую васъ и очень люблю обоихъ. Нынче узналъ, что Хилковъ женится на сестрѣ жены Джунковскаго. Я ее не знаю».

Въ концѣ марта папа самъ пріѣхалъ въ Ясную и пожилъ съ нами до нашего отъѣзда въ Никольское.

При насъ только была одна старушка Марья Аѳанасьевна, которая была очень слаба и жила уже на пенсіи, такъ что намъ пришлось обходиться безъ прислуги и самимъ готовить обѣдъ, ходить за водой и убирать комнаты.

Папà помогалъ намъ, какъ могъ, но признаюсь, что въ это время я убѣдился, что онъ къ робинзоновской жизни былъ очень и очень мало способенъ.

Правда, что онъ ничего не требовалъ и все находилъ прекраснымъ. Но многолѣтняя привычка къ извѣстному режиму, къ извѣстному питанію, брала свое и всякое отступленіе отъ этого режима даже тогда, когда ему было еще только 60 лѣтъ, пагубно отзывалось на его организмѣ.

Сколько разъ, уѣзжая изъ дома здоровый и попавъ въ новыя условія, онъ возвращался больной. И даже тамъ, гдѣ знали всѣ его привычки и гдѣ ухаживали за нимъ, какъ за ребенкомъ.

Въ концѣ апрѣля мы съ женой уѣхали на свой хуторъ и съ тѣхъ поръ я уже больше не жилъ въ Ясной, а только наѣзжалъ туда періодически или по дѣламъ или просто для того, чтобы повидать родителей.

Послѣ отъѣзда изъ Ясной, мы съ женой получили отъ папà письмо:

«Какъ вы доѣхали, милые друзья, намъ безъ васъ скучно, т.-е. жалко, что васъ съ нами нѣтъ. Получили эту телеграмму и ничего по ней не сдѣлали. Я думаю, что не бѣда. Напишите, какъ вы устроились и какіе планы. Мое здоровье теперь совсѣмъ хорошо. Наше общество трезвости имѣетъ большой успѣхъ, подписались многіе, но зато одинъ, Данило, успѣлъ подписаться и напиться. Я ничего не робѣю отъ этого, а жду тебя, Илья, и очень жду, и буду очень радъ за тебя, когда ты броснешь эти двѣ скверныя привычки: алкоголь и табакъ, привившіяся внѣ правильной жизни. Жизнь дѣло не шуточное, особенно теперь для тебя всякій шагъ твой важенъ. Много хорошаго есть у васъ—самое главное чистота и любовь, которыя берегите всѣми силами, но многое-многое, угрожаетъ вамъ,—вы не видите, а я вижу и боюсь. Ну, до свиданья, цѣлую васъ, всѣ вамъ

кланяются. Пиши. Въ Москвѣ все по послѣднимъ письмамъ благополучно, торопятся сюда. Л. Т.»

Слѣдующее письмо отца написано имъ по случаю рожденія первой моей дочери Анны:

«Поздравляю васъ, дорогіе и милые молодые родители. Не на словахъ поздравляю, а самъ такъ неожиданно обрадованъ внучкѣ, что хочется подѣлиться своей радостью и поблагодарить васъ, и понимаю вашу радость. Я теперь на всѣхъ дѣвъ и женщинъ смотрю съ соболѣзнующимъ презрѣніемъ. Это что? а вотъ Анна—вотъ это будетъ настоящая. Нѣтъ, а безъ шутокъ. Впрочемъ, что я пишу не шутка, а только еще съ большей степенью серьезности я хочу сказать вотъ что: внучку, а вы дочь, смотрите же, воспитайте хорошо, не сдѣлайте тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлали съ вами, ошибокъ времени. Я вѣрю, что Анна будетъ лучше воспитана, менѣе изнѣжена и испорчена барствомъ, чѣмъ вы. Что здоровье Сони? Страшно писать, когда думается, что можетъ быть что-нибудь неладно. Впрочемъ, все будетъ ладно, когда въ душѣ ладно, что главное вамъ желаю. Какъ я радъ, что Софья Александровна съ вами, поцѣлуйте ее за меня и поздравьте. Цѣлую васъ. Л. Т.»

Уже послѣ моей женитьбы, весной, у мама родился ея младшій сынъ Ванечка.

Этотъ мальчикъ, дожившій только до семилѣтняго возраста и умершій въ 1895 году отъ скарлатины, былъ общимъ любимцемъ всей семьи.

Мать въ немъ души не чаяла, а отецъ полюбилъ его, какъ младшаго ребенка, со всей силой родительской, старческой привязанности.

Надо сказать, что въ воспитаніи моихъ двухъ младшихъ братьей, Андрея и Михаила, отецъ принималъ мало участія.

Они подошли къ школьному возрасту уже тогда, когда онъ совершенно отрицательно относился къ тѣмъ формамъ воспитанія, въ которыхъ росли мы и поэтому онъ, чувствуя себя не въ силахъ вести ихъ такъ, какъ это хотѣлось бы ему по его убѣжденіямъ, совершенно отъ нихъ отшатнулся, омылъ руки, и не сталъ вмѣшиваться въ ихъ жизнь и ученіе.

Ванечка.

Мама помѣстила ихъ сначала въ Поливановскую гимназію, въ которой учился когда-то я и братъ мой Левъ, а потомъ они уже перешли въ Катковскій лицей.

Мнѣ кажется, что отецъ смотрѣлъ на Ванечку, какъ на своего духовнаго наслѣдника и мечталъ о томъ, чтобы воспитать его по-своему, въ принципахъ христіанской любви и добра.

Я зналъ Ванечку меньше остальныхъ братьевъ и сестеръ, потому что онъ росъ уже тогда, когда я жилъ отдѣльно, но, насколько я его помню, я долженъ признать, что этотъ хрупкій и слабый въ физическомъ отношеніи ребенокъ отличался необыкновенно нѣжнымъ и отзывчивымъ сердцемъ.

Когда ему было еще полтора года, папà рѣшилъ отказаться совсѣмъ отъ своей недвижимой собственности и раздѣлилъ все свое имущество между членами нашей семьи.

Ванечкѣ, какъ младшему, дали часть Ясной Поляны съ домомъ и усадьбой.

Другую часть этого имѣнія, болѣе отдаленную, получила мамà.

Мамà мнѣ разсказывала, уже послѣ смерти Ванечки, какъ одинъ разъ, гуляя съ нимъ по саду, она стала ему объяснять, что вся эта земля его.

— Нѣтъ, мама, не говори, что Ясная Поляна моя,—сказалъ онъ топнувъ ножкой:—все—всѣхнее.

Когда я получилъ телеграмму о его смерти, я сейчасъ же поѣхалъ въ Москву. Мамà передавала мнѣ слова отца, сказанныя послѣ смерти Ванечки: «Въ первый разъ въ моей жизни безвыходное горе»...

Похоронили Ванечку на деревенскомъ кладбищѣ с. Никольскаго, за Всесвятскимъ, недалеко отъ Москвы, тамъ же, гдѣ похороненъ другой мой маленькій братъ Алеша.

Когда гробъ опустили въ могилу, папà зарыдалъ и сказалъ тихо-тихо, такъ, что я еле могъ разслышать:

— Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь.

Эти же слова были сказаны имъ въ письмѣ къ Сергѣю Николаевичу по поводу смерти ихъ брата Николая въ 1860 году.

И съ тѣхъ поръ смерть Ванечки была самой большой утратой въ жизни отца.

Мнѣ часто приходитъ въ голову, что, кто знаетъ, можетъ-быть, если бы Ванечка былъ живъ, многое и многое въ жизни отца произошло бы иначе. Быть-можетъ, этотъ чуткій и отзывчивый ребенокъ привязалъ бы его къ семьѣ и у него не явилась бы навязчивая мысль уйти изъ Ясной Поляны?

На эти предположенія меня наталкиваетъ письмо отца, къ моей матери, написанное черезъ полтора года послѣ смерти Ванечки 8 іюня 1897 года.

Вотъ это письмо, которое я привожу здѣсь цѣликомъ:

(Ясная Поляна, 1897 г., іюня 8).

Дорогая Соня.

«Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ, уйти отъ васъ, до сихъ поръ, я тоже не могъ, думая, что я лишу дѣтей, пока они малы, хоть одного малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же такъ жить, какъ я жилъ эти 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ вліянія и соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: уйти, во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе.

«Главное же то, что, какъ индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70 годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть не единичнаго согласія, но не кричащагося раз-

ногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью.

«Если бы я открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, и я бы ослабѣлъ, можетъ-быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больное, и въ душѣ своей главное ты, Соня, отпусти меня добровольно, и не ищи меня и не сѣтуй на меня, не осуждай меня.

«То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой. Я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь и видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить своей жизни и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а, напротивъ, съ любовью и благодарностью вспоминаю длинныя 35 лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, съ свойственнымъ твоей натурѣ материнскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать. Дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни — послѣднія 15 лѣтъ мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я не для себя и для людей, а потому, что не могъ иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать, что ты дала мнѣ.

«Прощай, дорогая Соня. Любящій тебя Левъ Толстой».

(На конвертѣ): «Если не будетъ особаго отъ меня объ этомъ письмѣ рѣшенія, то передать его послѣ моей смерти С. А.»

Это письмо попало въ руки матери только послѣ смерти отца.

Позднѣе, быть-можетъ, я вернусь къ этому, чрезвычайно важному, документу, дающему объясненіе многихъ вопросовъ, для большинства непонятныхъ, здѣсь же я привелъ его въ связи съ смертью Ванечки, ибо мнѣ кажется, что между этими двумя событіями есть несомнѣнная внутренняя связь.

Мысль уйти изъ дома не могла прійти отцу непосредственно послѣ смерти сына, такъ какъ въ это время онъ вмѣстѣ съ матерью переживалъ ея «страшно напряженное душевное состояніе».

Вотъ что онъ по этому поводу пишетъ:

«Я больше, чѣмъ когда-нибудь, теперь, когда она страдаетъ, чувствовалъ всѣмъ существомъ истину словъ, что мужъ и жена не отдѣльныя существа, а одно...

... «Ужасно хотѣлось бы передать ей хоть часть того религіознаго сознанія, которое имѣю (хотя и въ слабой степени, но все-таки въ такой, что даетъ мнѣ возможность подниматься иногда надъ горестями жизни), потому что знаю, что только оно, это сознаніе Бога и сыновности ему, даетъ жизнь и надѣюсь, что оно передастся ей. — разумѣется, не отъ меня, но отъ Бога. Хотя очень трудно дается это сознаніе женщинамъ».

Черезъ полтора года, когда острота горя матери стала проходить, отецъ почувствовалъ себя нравственно болѣе свободнымъ и написалъ приведенное прощальное письмо.

ГЛАВА XXII.

Помощь голодающимъ.

Послѣ московской переписи, послѣ того, какъ отецъ убѣдился въ томъ, что помощь людямъ деньгами не только безполезна, но и безнравственна,

участіе его въ продовольственной помощи народу во время голодовокъ 1890, 1891 и 1898 годовъ можетъ казаться непослѣдовательностью и даже внутреннимъ противорѣчіемъ.

«Если всадникъ видитъ, что его лошадь замучена, онъ долженъ не поддерживать ее, сидя на ней, а просто съ нея слѣзть», говорилъ онъ, осуждая всякую благотворительность сытыхъ людей, сидящихъ на хрипу народа, пользующихся всѣми благами своего привилегированнаго положенія и жертвующихъ отъ излишка.

Въ пользу такой благотворительности онъ не вѣрилъ и считалъ ее самообольщеніемъ, тѣмъ болѣе вреднымъ, что, такимъ образомъ, люди какъ бы получали нравственное право продолжать свою праздную, барскую жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждымъ своимъ шагомъ увеличивать нищету народа.

Осенью 1890 года отецъ задумалъ писать статью о голодѣ, постигшемъ тогда чуть ли не всю Россію.

Хотя онъ уже зналъ о размѣрахъ народнаго бѣдствія по газетамъ и по разсказамъ пріѣзжавшихъ къ нему изъ голодныхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе, когда къ нему въ Ясную Поляну заѣхалъ его старый другъ Иванъ Ивановичъ Раевскій и предложилъ ему проѣхать въ Данковскій уѣздъ для того, чтобы самому посмотрѣть, что дѣлается въ деревняхъ, онъ охотно согласился и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ его «Бѣгичевку».

Пріѣхавъ туда на одинъ-два дня, отецъ увидалъ, насколько необходима была неотложная помощь, и сейчасъ же, вмѣстѣ съ Раевскимъ, у котораго было уже устроено нѣсколько деревенскихъ столовыхъ, занялся помощью крестьянамъ, сначала въ небольшихъ размѣрахъ, а потомъ, когда посыпались со всѣхъ сторонъ крупныя пожертвованія, все шире и шире.

Кончилось тѣмъ, что онъ посвятилъ на это дѣло цѣлыхъ два года своей жизни.

Нельзя думать, чтобы отецъ въ этомъ случаѣ былъ непослѣдователенъ. Онъ ни минуты не обманывалъ себя и не считалъ, что онъ дѣлаетъ хорошее, важное дѣло, но, увидавъ бѣду народа, онъ уже не могъ продолжать жить спокойно въ Ясной и въ Москвѣ, потому что въ это время не участвовать въ помощи было бы для него слишкомъ тяжело.

«Тутъ много не то, что тутъ должно быть, тутъ деньги отъ С. А. и жертвованныя, тутъ отношенія кормящихъ къ кормимымъ, тутъ грѣха конца нѣтъ, но не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать, что-то дѣлать», писалъ онъ изъ Рязанской губерніи Николаю Николаевичу Ге.

Съ первыхъ шаговъ дѣятельности моего отца въ Бѣгичевкѣ, его постигло большое горе.

Въ ноябрѣ Иванъ Ивановичъ Раевскій, постоянно ѣздившій по дѣламъ голодающихъ, то на земскія собранія, то по деревнямъ и селамъ, простудился, заболѣлъ сильнѣйшей инфлуэнцей и скончался.

Эта потеря наложила на отца нравственную обязанность продолжать начатое имъ дѣло и довести его до конца.

Раевскій былъ одинъ изъ давнишнѣйшихъ пріятелей отца.

Когда-то онъ слылъ силачомъ и кажется, что онъ познакомился съ отцомъ въ Москвѣ тогда, когда оба они увлекались физическимъ развитіемъ и ходили въ гимнастическую школу француза Пуаре.

Я помню его очень-очень давно, со временъ далекаго дѣтства, когда онъ наѣзжалъ въ Ясную Поляну и когда его связывали съ отцомъ интересы спортивные,—борзыхъ собакъ и скаковыхъ лошадей.

Это было въ семидесятыхъ годахъ.

Позднѣе, когда отецъ уже совершенно отпалъ отъ своихъ прежнихъ увлеченій, дружба его съ Ив. Ив. сохранилась и, кажется, никогда они не были между собою такъ близки, какъ въ то недолгое время, когда ихъ соединило народное бѣдствіе и совмѣстная работа въ борьбѣ съ нимъ.

Раевскій вложилъ въ это дѣло всю свою душу, и при его большой практичности и самоотверженіи въ работѣ, онъ былъ для отца неоцѣненнымъ сотрудникомъ и товарищемъ.

Этой же зимой отцу пришлось, кажется, изъ-за его нездоровья, на два мѣсяца покинуть Бѣгичевку, и онъ просилъ меня на это время его замѣнить.

Я сейчасъ же собрался, сдалъ свои дѣла по кормленію голодающихъ въ Чернскомъ уѣздѣ женѣ, и поѣхалъ въ Бѣгичевку.

Дѣло, заведенное тамъ отцомъ, было, дѣйствительно, громадное.

Я засталъ тамъ только одну помощницу отца, прекрасную энергичную дѣвицу П., съ которой я это время и проработалъ.

Спустя нѣкоторое время я получилъ отъ отца слѣдующее письмо, врученное мнѣ присланной имъ барышней.

«Любезный другъ Илюша!

«Письмо это передастъ тебѣ В., дѣвица, которая можетъ трудиться. Пока пускай она помогаетъ вамъ, когда пріѣдемъ послѣ 20-го, мы устроимъ ее иначе. Очень жаль, что я не написалъ тебѣ пріѣхать прежде къ намъ, чтобы поговорить съ тобою обо всемъ. Я очень боюсь, какъ бы ты по незнанію всѣхъ условій не надѣлалъ ошибокъ. Писать нужно было бы о столькомъ, что и не начинаю, при томъ, не зная, что и какъ дѣлается.

«Одно прошу тебя, будь какъ можно осторожнѣе, поддерживай дѣло, не измѣняя. И главное заботься о пріобрѣтеніи, подвозѣ приходящаго хлѣба и правильномъ его размѣщеніи и о томъ, чтобы въ столовыя не попадали могущіе кормиться, получающіе достаточную помощь отъ земства и съ другой стороны, чтобы не отвергнуты были нуждающіеся.

«Теперь надо помогать топливомъ самымъ бѣднымъ. Это очень важно и трудно, и тутъ, какъ это ни нежелательно, уже лучше, чтобы получили непуждающіеся, чѣмъ чтобы не получили нуждающіеся.

«Что сѣно отъ Усова? Я боюсь, чтобы Ермолаевъ тутъ не напуталъ. Они пишутъ про разбитые тюки. Надо поскорѣй поднять его и свезти къ Лебедеву въ Колодези. Пріискивай картофель на мѣстахъ, не продаютъ ли гдѣ и покупай. Много еще нужно, но нельзя распоряжаться перепиской, не зная что и какъ. Полагаюсь на тебя. Пожалуйста, дѣлай изъ всѣхъ силъ. Цѣлую тебя, передай поклоны наши Еленѣ Михайловнѣ и Наташѣ и всѣмъ кто тамъ.

Л. Т.»

«Помошница», вручившая мнѣ это письмо, пріѣхала на лошадяхъ со станціи въ то время, когда мы съ П. садились ужинать.

Старый столяръ, служившій намъ за лакея, докладываетъ:

«Еще барышню Господь послалъ».

Входитъ дѣвица-курсистка съ огромной башкой монпасье подъ мышкой и подаетъ мнѣ письмо отца.

Я попросилъ ее сѣсть и предложилъ ей ужинать.

На столѣ стояла кислая капуста съ квасомъ и черный хлѣбъ.

Несчастная москвичка посмотрѣла, хлебнула двѣ ложечки и уныло притихла, съ нѣжностью посматривая на свои конфеты:

«Попала въ голодныя мѣста, тутъ только одна капуста и есть, что бы я стала дѣлать, если бы не догадалась взять съ собой эти карамели», читалъ я на ея лицѣ.

Когда принесли котлеты, она вся такъ и просіяла.

На другой день чуть свѣтъ она потребовала себѣ «работы».

Я велѣлъ запрячь ей лошадь и попросилъ ее поѣхать съ кучеромъ въ деревню «Гаи» и переписать тамъ всѣхъ столующихся.

Черезъ полчаса вваливается ко мнѣ Дмитрій Ивановичъ Раевскій (братъ Ивана Ивановича) весь въ снѣгу и съ ужасомъ говоритъ мнѣ:

— Что я видѣлъ? На дворѣ метель, стоитъ какой-то ребенокъ въ саняхъ и мчится куда-то безъ дороги одинъ. Лошадь здѣшняя. Кто это?

Я такъ и ахнулъ.

Оказалось, что дѣвица поѣхала безъ кучера неизвѣстно куда.

Пришлось послать человѣка ее искать и привезти домой.

Въ другой разъ я, уѣзжая по столовымъ, поручилъ ей выдавать на столовыя дрова.

Дрова у насъ были всѣ сырыя, свѣже-срубленныя и только на разжижку печей мы выписывали вагонами сухія березовыя дрова изъ Калужской губерніи.

Эти дрова были дороги, и мы ими страшно дорожили. На три четвертыхъ сажени мы отпускали одну четвертку сухихъ. Все это я объяснилъ своей курсисткѣ и уѣхалъ.

Пріѣзжаю и—о ужасъ!—она раздала всѣ сухія дрова.

— Просили сухихъ, — объяснила она въ свое оправданіе.

— А что же мы теперь будемъ дѣлать съ сырыми? Вѣдь они не горятъ безъ разжижки.

Пришлось спѣшно искать сухихъ дровъ и за нихъ переплачивать втридорога.

По возвращеніи отца въ Бѣгичевку, я нѣкоторое время еще побылъ съ нимъ и потомъ уѣхалъ къ себѣ.

Въ другой разъ мнѣ пришлось поработать съ отцомъ на этомъ же поприщѣ въ Чернскомъ и Мценскомъ уѣздахъ въ 1898 году.

Послѣ недорода двухъ предыдущихъ лѣтъ уже къ началу зимы стало ясно, что въ нашихъ мѣстахъ надвигается новая голодовка и что благотворительная помощь народу необходима.

Я обратился къ отцу.

Къ веснѣ ему удалось собрать денегъ, и въ началѣ апрѣля онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ.

Надо сказать, что отецъ, бережливый по природѣ, въ дѣлахъ благотворительности былъ чрезвычайно остороженъ и, скажу даже, почти скупъ. Конечно, это понятно, если взвѣсить то безграничное довѣріе, которымъ онъ пользовался среди жертвователей, и ту большую нравственную отвѣтственность, которую онъ не могъ передъ ними не чувствовать. Поэтому прежде, чѣмъ что-нибудь предпринять, ему надо было самому убѣдиться въ необходимости помощи.

На другой день послѣ его пріѣзда, мы осѣдлали пару лошадей и поѣхали. Поѣхали, какъ когда-то лѣтъ 20 до этого съ нимъ же ѣзжали въ наѣздку съ борзыми,—прямикомъ, полями.

Мнѣ было совершенно безразлично, куда ѣхать, такъ какъ я считалъ, что всѣ окрестныя деревни одинаково бѣдствуютъ, а отцу по старой памяти захотѣлось повидать Спасское-Лутовиново, которое

было отъ меня въ девяти верстахъ и гдѣ онъ не былъ со временъ Тургенева. Дорогой, помню, онъ разсказывалъ мнѣ про мать Ивана Сергѣевича, которая славилась во всемъ околоткѣ необыкновенно живымъ умомъ, энергіей и сумасбродствомъ. Не знаю, видалъ ли онъ ее самъ или передавалъ мнѣ слышанныя имъ преданія.

Проѣзжая по Тургеневскому парку, онъ вскользь вспомнилъ, какъ изстари у него съ Иваномъ Сергѣевичемъ шелъ споръ: чей паркъ лучше, спасскій или яснополянскій. Я спросилъ его:

— А теперь, какъ ты думаешь?

— Все-таки яснополянскій лучше, хотя хорошъ, очень хорошъ и этотъ.

На селѣ мы побывали у сельскаго старосты и въ двухъ или трехъ избахъ. Голода не было.

Крестьяне, надѣленные полнымъ надѣломъ хорошей земли и обезпеченные заработкамъ, почти не нуждались.

Правда, нѣкоторые дворы были послабѣе, но того остраго положенія, которое считается голодомъ и которое сразу кидается въ глаза,—этого не было.

Помнится мнѣ даже, что отецъ меня слегка упрекнулъ за то, что я забилъ тревогу, когда не было для этого достаточнаго основанія, и мнѣ одно время стало передъ нимъ какъ-то стыдно и неловко.

Конечно, въ разговорахъ съ каждымъ изъ крестьянъ отецъ спрашивалъ ихъ, помнятъ ли они Ивана Сергѣевича, и жадно ловилъ о немъ всякія воспоминанія. Нѣкоторые старики его помнили и отзывались о немъ съ большой любовью.

Изъ Спасскаго мы поѣхали дальше.

Въ двухъ верстахъ оттуда намъ попалась по пути заброшенная въ поляхъ маленькая деревушка «Погибелка».

Заѣхали.

Въ Ясной Полянѣ.

Оказалось, что крестьяне живутъ на «нищенскомъ» надѣлѣ, земля неудобная, гдѣ-то въ сторонѣ, и къ веснѣ народъ дошелъ до того, что у восьми дворовъ всего только одна корова и двѣ лошади. Остальной скотъ весь проданъ. Большіе и малые «побираются».

Слѣдующая деревня «Большая Губаревка»—то же самое.

Дальше—еще хуже.

Рѣшили не откладывая, сейчасъ же открывать столовыя. Работа закипѣла.

Самую трудную работу,—распредѣленіе количества ѣдоковъ изъ каждой крестьянской семьи,—отецъ почти вездѣ производилъ самъ, поэтому цѣлые дни часто до глубокой ночи, разъѣзжалъ по деревнямъ. Раздача провизіи и заготовка лежала на обязанности моей жены. Явились и помощники. Черезъ недѣлю у насъ уже дѣйствовало около 12 столовыхъ въ Мценскомъ уѣздѣ и столько же въ Чернскомъ.

Такъ какъ кормить весь народъ безъ различія намъ было не по средствамъ, мы допускали въ столовыя преимущественно дѣтей, стариковъ и больныхъ, и я помню, какъ отецъ любилъ попадать въ деревню во время обѣда, и какъ онъ умилялся тѣмъ благоговѣйнымъ, почти молитвеннымъ отношеніемъ къ ѣдѣ, которое онъ подмѣчалъ у столующихся.

Къ сожалѣнію, дѣло не обошлось и безъ административныхъ непріятностей.

Началось съ того, что двухъ барышень, пріѣхавшихъ изъ Москвы и завѣдывавшихъ одной изъ большихъ нашихъ столовыхъ, просто прогнали подъ угрозой закрытія столовой. Затѣмъ явился ко мнѣ становой съ требованіемъ дать ему разрѣшеніе начальника губерніи на открытіе столовыхъ.

Я сталъ убѣждать его въ томъ, что не можетъ быть закона, воспрещающаго благотворительность.

Конечно, безуспѣшно.

Въ это время въ комнату вошелъ отецъ, и между нимъ и становымъ завязался дружелюбный разговоръ, въ которомъ одинъ доказывалъ, что нельзя запрещать людямъ ѣсть, а другой просилъ войти въ положеніе человѣка подневольнаго, которому такъ приказываетъ начальство.

— Что прикажете дѣлать, ваше сіятельство?

— Очень просто: не служить тамъ, гдѣ васъ могутъ заставить поступать противъ совѣсти.

Послѣ этого мнѣ все-таки пришлось во имя сохраненія дѣла съѣздить къ орловскому и тульскому губернаторамъ и въ заключеніе послать министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбой «устранить препятствія, которыя ставятъ мѣстныя власти дѣлу частной благотворительности, закономъ не возбраняемой».

Такимъ образомъ удалось спасти существующія у насъ столовыя, но новыхъ открывать уже не разрѣшалось.

Отъ меня отецъ поѣхалъ въ восточную часть Чернскаго уѣзда, гдѣ хотѣлъ посмотрѣть состояніе посѣвовъ, но дорогой онъ заболѣлъ и нѣсколько дней пролежалъ у моихъ друзей Левицкихъ.

Вотъ письмо, написанное имъ моей женѣ и мнѣ послѣ его отъѣзда:

«Милые друзья Соня и Илья!

«Пожалуйста, продолжайте дѣло, какъ начато, и даже расширяйте, если есть настоящая необходимость. Я могу прислать еще 300 рублей. Тысячу же пятьсотъ я оставлю, такъ какъ написалъ объ этомъ жертвователямъ, 2.000 же еще не получалъ. Я послалъ свою статью и отчетъ о 3.000 съ чѣмъ-то рублей. Расхода тамъ выведено около 2.500. Пожа-

луйста, Илюша, пришлите мнѣ расчетъ остальныхъ денегъ поаккуратнѣе, такъ чтобы можно было послать въ газеты.

«Очень мнѣ оставило хорошее впечатлѣніе мое пребываніе у васъ. Я ближе васъ узналъ, понялъ и полюбилъ.

«Здоровье мое лучше, но не могу сказать, чтобы было хорошо. Все еще очень слабъ.

Л. Т.

«Внучатъ милыхъ и Анночку очень цѣлую. Кто изъ нихъ у бабушки?..»

ГЛАВА XXIII.

Крымская болѣзнь отца. — Отношеніе къ смерти. — Желаніе пострадать. — Болѣзнь матери.

Осенью 1901 года отецъ заболѣлъ какой-то неотвязной лихорадкой, и доктора посовѣтовали ему на зиму уѣхать въ Крымъ.

Гр. Панина любезно предоставила ему свою дачу «Гаспра», около Кореиза, гдѣ онъ и провелъ всю зиму.

Вскорѣ по пріѣздѣ туда, отецъ простудился и заболѣлъ послѣдовательно двумя болѣзнями—воспаленіемъ легкихъ и брюшнымъ тифомъ.

Одно время его положеніе было такъ плохо, что врачи были почти увѣрены въ томъ, что онъ больше ужъ не встанетъ.

Несмотря на то, что иногда температура больного поднималась довольно высоко, онъ все время былъ въ памяти, почти каждый день диктовалъ какія-нибудь мысли и сознательно готовился къ смерти.

Вся семья была въ сборѣ, и всѣ мы поочередно участвовали въ уходѣ за нимъ.

Отецъ и докторъ Д. Л. Никитинъ въ Крыму.

Съ удовольствіемъ вспоминаю тѣ немногія ночи, которыя мнѣ пришлось подежурить около него, сидя на балконѣ у открытой двери и прислушиваясь къ его дыханію, къ каждому шороху въ его комнатѣ.

Главная моя обязанность, какъ наиболѣе сильнаго изъ семьи, была подымать отца и держать его въ то время, какъ подъ нимъ мѣняли постельное бѣлье.

Приходилось, пока перестилали постель, держать его, какъ ребенка, на вытянутыхъ рукахъ.

Помню я, какъ у меня одинъ разъ отъ напряженія задрожали мускулы.

Онъ посмотрѣлъ удивленно и спросилъ:

— «Неужели тяжело?—Какіе пустяки».

Мнѣ тогда вспомнился тотъ случай изъ дѣтства, когда онъ замучилъ меня верховой поѣздкой по Засѣкѣ и спрашивалъ: «ты не усталъ?»

Въ другой разъ, во время этой же болѣзни, онъ хотѣлъ заставить меня нести его на рукахъ внизъ, по каменной витой лѣстницѣ.

— Возьми, какъ носятъ дѣтей, и неси.

И онъ ни капли не боялся, что я могу оступиться и разбить его насмерть.

Я насилу настоялъ на томъ, чтобы нести его въ креслѣ втроемъ.

Боялся ли отецъ смерти?

На этотъ вопросъ однимъ словомъ отвѣтить нельзя.

Какъ натура очень стойкая и сильная физически, онъ инстинктивно всегда боролся не только со смертью, но и съ старостью.

Вѣдь до послѣдняго года онъ такъ и не сдался,— все дѣлалъ для себя самъ, и даже ѣздилъ верхомъ.

Поэтому предполагать, что у него совершенно не было инстинктивнаго страха смерти, нельзя.

Этотъ страхъ у него былъ, и даже въ большой степени, и онъ съ этимъ страхомъ постоянно боролся.

Побѣдилъ ли онъ его?

Отвѣчу опредѣленно, что — да.

Во время болѣзни онъ много говорилъ о смерти и подготовился къ ней твердо и сознательно.

Почувствовавъ себя слабымъ, онъ пожелалъ со всѣми проститься и по очереди призывалъ къ себѣ каждаго изъ насъ и каждому онъ сказалъ свое напутствіе.

Онъ былъ такъ слабъ, что говорилъ полушопотомъ, и, простившись съ однимъ, онъ нѣкоторое время отдыхалъ и собирался съ силами.

Когда пришла моя очередь, онъ сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

— Ты еще молодъ, силенъ и обуреваемъ страстями. Поэтому ты еще не успѣлъ задумываться надъ главными вопросами жизни. Но время это придетъ, я въ этомъ увѣренъ. Тогда знай, что ты найдешь истину въ евангельскомъ ученіи. Я умираю спокойно только потому, что я познался это ученіе и вѣрю въ него. Дай Богъ тебѣ это понять скорѣе. Прощай.

Я поцѣловалъ ему руку и тихонько вышелъ изъ комнаты.

Очутившись на крыльцѣ, я стремглавъ кинулся въ уединенную каменную башню и тамъ въ темнотѣ разрыдался, какъ ребенокъ...

Когда я оглядѣлся, я увидалъ, что около меня, на лѣстницѣ, кто-то сидѣлъ и тоже плакалъ.

Такъ я простился съ отцомъ за девять лѣтъ до его смерти, и мнѣ это воспоминаніе дорого, потому что я знаю, что, если бы мнѣ пришлось съ нимъ видѣться передъ его смертью въ Астаповѣ, онъ не могъ бы сказать ничего иного.

Возвращаясь къ вопросу о смерти, я скажу, что отецъ не боялся ея, нѣтъ,—за послѣднее время онъ

часто даже ее желалъ — онъ скорѣе интересовался ею. Это «величайшее таинство» интересовало его до такой степени, что интересъ этотъ былъ близокъ къ любви.

Какъ онъ прислушивался къ разсказамъ о томъ, какъ умирали его знакомые: Тургеневъ, Ге, Лѣсковъ, Жемчужниковъ и другіе.

Онъ выпытывалъ всякую мелочь. Всякая подробность, на первый взглядъ незначительная, для него была интересна и важна.

Въ «Кругѣ чтенія» нѣсколько дней и, между прочими, день его кончины, 7 ноября, посвященъ исключительно мыслямъ о смерти.

Между прочимъ по поводу «Круга чтенія» не могу не привести одного характернаго эпизода, разсказаннаго мнѣ одной изъ моихъ сестеръ.

Когда отецъ затѣялъ составлять свой сборникъ мыслей мудрыхъ людей, названный имъ «Кругомъ чтенія», онъ сообщилъ объ этомъ одному изъ своихъ «друзей».

Черезъ нѣсколько дней этотъ «другъ» снова пріѣхалъ къ отцу и съ первыхъ же словъ, обратясь къ нему, сказалъ, что его жена и онъ, обдумавъ его планъ новой книги, пришли къ заключенію, что надо назвать ее не «Кругъ чтенія», а «На каждый день».

На это отецъ отвѣтилъ, что «Кругъ чтенія» ему больше нравится, такъ какъ слово «кругъ» даетъ представленіе о непрерываемости чтенія, что онъ и хотѣлъ выразить этимъ заглавіемъ.

Проходитъ полчаса, «другъ» подходитъ опять къ отцу и буквально повторяетъ ту же фразу.

На этотъ разъ отецъ промолчалъ.

Вечеромъ, когда «другъ» собрался уѣзжать, онъ, прощаясь и держа руку отца въ своей, снова сказалъ: «Все-таки», Левъ Николаевичъ, я долженъ вамъ ска-

зать, что моя жена и я, обдумывая...» и т. д. опять то же самое.

— Нѣтъ, умирать, скорѣе умирать,—простоналъ отецъ, проводивъ «друга». Въ сущности не все ли равно, «Кругъ чтенія», «На каждый день».—Нѣтъ, умирать пора, такъ жить больше нельзя.

И что же? все-таки одно изъ изданій мыслей мудрецовъ было названо не «Новый кругъ чтенія», какъ проектировалъ это отецъ, а «На каждый день».

«Ахъ, душенька, съ тѣхъ поръ, какъ появился этотъ господинъ ***, я, право, не знаю, что въ сочиненіяхъ Льва Николаевича написано имъ и что написано г-номъ ***», съ грустью говорила чистая сердцемъ и незлобивая покойница Марья Александровна Шмидтъ.

Такое вторженіе въ авторскую дѣятельность отца на языкѣ «друга» носило скромное названіе «предположительныхъ поправокъ», и несомнѣнно, что Марья Александровна была права, ибо никто никогда не узнаетъ, гдѣ кончается то, что писалъ отецъ, и гдѣ начинаются его уступки настойчивымъ «предположительнымъ поправкамъ» г-на ***, тѣмъ болѣе, что предусмотрительный совѣтчикъ условился съ моимъ отцомъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ отвѣтами возвращалъ ему всѣ его подлинныя письма.

На ряду съ появлявшимся у отца желаніемъ смерти, у него за послѣдніе годы его жизни была еще одна завѣтная мечта, къ которой онъ открыто стремился,—это желаніе пострадать за свои убѣжденія.

На эти мысли прежде всего наталкивали его тѣ административныя преслѣдованія, которымъ при его жизни подвергались многіе изъ его друзей и единомышленниковъ.

Когда онъ узналъ, что кого-нибудь изъ-за распространенія его сочиненій сажали въ острогъ или

высылали, онъ, дѣйствительно, волновался такъ, что его становилось жалко.

Я помню случай, когда я пріѣхалъ въ Ясную черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Гусева.

Два дня я прожилъ съ отцомъ и только и слышалъ, что о Гусевѣ.

Точно весь міръ клиномъ сошелся на этомъ человѣкѣ. И признаюсь, что хотя я самъ жалѣлъ Гусева, сидѣвшаго въ то время въ Крапивенской тюрьмѣ, но во мнѣ шевельнулось дурное чувство обиды, что отецъ такъ мало обращалъ вниманія на меня и на всѣхъ окружающихъ и такъ отдался весь мыслямъ о Николаѣ Николаевичѣ.

Охотно сознаюсь, что я въ своемъ непосредственномъ чувствѣ былъ не правъ. Если бы я перенесся въ то, что въ это время испытывалъ отецъ, я почувствовалъ бы это тогда же.

Еще въ 1896 году по поводу ареста въ Тулѣ женщины врача Х. отецъ написалъ министру юстиціи Муравьеву длинное письмо, въ которомъ онъ говорилъ о «неразумности, безполезности и жестокости мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ противъ тѣхъ лицъ, которыя распространяютъ его запрещенныя сочиненія, и проситъ всѣ мѣры наказанія, устрашенія или пресѣченія зла направить противъ того, кто считается виновникомъ его...» «тѣмъ болѣе, что я заявляю впередъ, что я буду не переставая, до самой смерти, дѣлать то, что правительство считаетъ зломъ, а что я считаю своей священной передъ Богомъ обязанностью».

Конечно, ни это, ни слѣдующіе, подобные этому, вызовы отца никакихъ послѣдствій не имѣли, и высылки и аресты близкихъ ему лицъ не прекращались.

Передъ всѣми этими людьми отецъ считалъ себя нравственно обязаннымъ, и съ каждымъ годомъ на его совѣсть ложились все новыя и новыя тяжести.

Л. Н. показываетъ Сашѣ, что надо переписать. Сбоку Софья Андреевна и два внука, сыновья Ильи Львовича.

Въ 1908 году, передъ своимъ юбилеемъ, отецъ пишетъ А. М. Бодянскому:

«Дѣйствительно, ничто бы такъ вполнѣ не удовлетворило бы меня и не дало бы мнѣ такой радости, какъ именно то, чтобы меня посадили въ тюрьму, хорошую, настоящую тюрьму: вонючую, холодную, голодную»...

Этотъ поступокъ... «доставилъ бы мнѣ на старости лѣтъ передъ своей смертью искреннюю радость и удовлетвореніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавилъ бы меня отъ всей предвидѣнной тягости готовящагося юбилея».

И это пишетъ тотъ же человѣкъ, который изъ-за произведеннаго у него въ Ясной Полянѣ въ 1862 году обыска и изъ-за подписки о невыѣздѣ, отобранной у него судебнымъ слѣдователемъ (когда въ 1872 году быкъ забодалъ нашего пастуха), негодовалъ до такой степени, что оба раза хотѣлъ экспатріироваться!

Очень тяжелыя минуты пережилъ мой отецъ во время опасной болѣзни мамà, осенью 1906 года.

Узнавъ о ея болѣзни, всѣ мы, дѣти, съѣхались въ Ясную Поляну.

Мамà лежала уже нѣсколько дней въ постели и страшно мучилась невозможными болями живота.

Пріѣхавшій по нашему вызову профессоръ В. Ф. Снѣгиревъ опредѣлилъ распадающуюся внутреннюю опухоль и предложилъ сдѣлать операцію.

Для большей увѣренности въ своемъ діагнозѣ и для консультаціи онъ попросилъ вызвать изъ Петербурга профессора Н. Н. Феноменова, но болѣзнь мамà пошла такими быстрыми шагами, что на третій день, рано утромъ, Снѣгиревъ разбудилъ всѣхъ насъ и сказалъ, что онъ рѣшилъ не ждать Феноменова, потому что, если не сдѣлать операцію сейчасъ же, мамà умретъ.

28 августа 1903 г.

Съ этими же словами онъ пошелъ и къ отцу.

Папа совершенно не вѣрилъ въ пользу операціи, думалъ, что мама умираетъ и молитвенно готовился къ ея смерти.

Онъ считалъ, что «приблизилась великая и торжественная минута смерти, что надо подчиниться волѣ Божьей, и что всякое вмѣшательство врачей нарушаетъ величіе и торжественность великаго акта смерти».

Когда докторъ опредѣленно спросилъ его, согласенъ ли онъ на операцію, онъ отвѣтилъ, что пускай рѣшаетъ сама мама и дѣти, а что онъ устраняется и ни за, и ни противъ говорить не будетъ.

Во время самой операціи онъ ушелъ въ «Чепыжъ» и тамъ ходилъ одинъ и молился.

— Если будетъ удачная операція, позвоните мнѣ въ колоколъ два раза, а если нѣтъ... Нѣтъ, лучше не звоните совсѣмъ, я самъ приду,—сказалъ онъ, передумавъ, и тихо пошелъ къ лѣсу.

Черезъ полчаса, когда операція кончилась, мы съ сестрой Машей бѣгомъ побѣжали искать папа.

Онъ шелъ намъ навстрѣчу испуганный и блѣдный.

— Благополучно! Благополучно! — издали закричали мы, увидавъ его на опушкѣ.

— Хорошо, идите, я сейчасъ приду, — сказалъ онъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ и повернулъ опять въ лѣсъ.

Послѣ пробужденія мама отъ наркоза, онъ взошелъ къ ней и вышелъ изъ ея комнаты въ подавленномъ и возмущенномъ состояніи.

— Боже мой, что за ужасъ! Человѣку умереть спокойно не дадутъ! Лежитъ женщина съ разрѣзаннымъ животомъ, привязана къ кровати, безъ подушки... и стонетъ больше, чѣмъ до операціи.

Это пытка какая-то!

Только черезъ нѣсколько дней, когда здоровье матери возстановилось совсѣмъ, отецъ успокоился и пересталъ осуждать докторовъ за ихъ вмѣшательство.

ГЛАВА XXIV.

Смерть Маши. — Дневники. — Обмороки. — Слабость.

Приступая къ описанію послѣдняго періода жизни моего отца, я еще разъ долженъ оговориться, что я пишу только по впечатлѣніямъ, запавшимъ во мнѣ отъ моихъ періодическихъ наѣздовъ въ Ясную Поляну.

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ того богатаго стенографическаго матеріала, которымъ располагали для своихъ записокъ Гусевъ, Булгаковъ и въ особенности Душанъ Петровичъ Маковицкій, готовящій, какъ я слышалъ, большой и добросовѣстнѣйшій трудъ, полный правды и интереса.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1906 года скончалась отъ воспаленія легкихъ моя сестра Маша.

Странно, что она ушла изъ жизни такъ же незамѣтно, какъ и прожила въ ней.

Вѣроятно, это есть удѣлъ всѣхъ чистыхъ сердцемъ людей!

Ея смерть никого особенно не поразила.

Я помню, что когда я получилъ телеграмму, — я не удивился. Мнѣ показалось, что такъ и должно было быть.

Маша была замужемъ за нашимъ родственникомъ кн. Оболенскимъ, жила въ своемъ имѣньицѣ Пироговѣ, въ 35 верстахъ отъ насъ, и половину жизни проводила съ мужемъ въ Ясной.

Она была слабая здоровьемъ и постоянно хворала.

Когда я пріѣхалъ въ Ясную, на другой день послѣ ея смерти, я почувствовалъ какое-то повышенное

молитвенно-умиленное настроеніе всей семьи и тутъ, можетъ-быть, въ первый разъ, я созналъ все величіе и красоту смерти.

Я ясно почувствовалъ, что своей смертью Маша не только не ушла отъ насъ, а, напротивъ, навсегда приблизилась и спаялась со всѣми нами такъ, какъ это никогда не могло бы быть при ея жизни.

Это же настроеніе я видѣлъ и у отца. Онъ ходилъ молчаливый, жалкій, напрягая всѣ силы на борьбу съ своимъ личнымъ горемъ, но я не слышалъ отъ него ни одного слова ропота, ни одной жалобы,— только слова умиленія.

Когда понесли гробъ въ церковь, онъ одѣлся и пошелъ провожать.

У каменныхъ столбовъ онъ остановилъ насъ, простился съ покойницей и пошелъ по пришпекту домой. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ: онъ шелъ по тающему мокрому снѣгу частой старческой походкой, какъ всегда рѣзко выворачивая носки ногъ, и ни разу не оглянулся.

Сестра Маша въ жизни отца и въ жизни всей нашей семьи имѣла огромное значеніе.

Сколько разъ, за послѣдніе года, приходилось ее вспоминать и съ грустью говорить: «если бы Маша была жива...», «если бы не умерла Маша»...

Для того, чтобы объяснить отношеніе Маши къ отцу, мнѣ придется вернуться далеко назадъ.

Въ характерѣ отца,—быть-можетъ, оттого, что онъ росъ безъ матери, а, быть-можетъ, врожденно,—была одна отличительная и на первый взглядъ странная особенность,—это что ему совершенно несвойственны были проявленія чувства нѣжности.

Говорю «нѣжность» въ отличіе отъ «сердечности». Сердечность у него была, и большая.

Характерно въ этомъ смыслѣ его описаніе смерти дяди Николая Николаевича. Въ письмѣ къ Сергѣю

28 августа 1903 г. Нижній рядъ, начиная слѣва: Михаилъ, Татьяна, мать, отецъ, Марія, Андрей. Верхній рядъ: Илья, Левъ, Александра, Сергѣй.

Николаевичу, описывая послѣдній день жизни брата, отецъ разсказываетъ, какъ онъ помогалъ ему раздѣваться.

...«И онъ покорился и сталъ другой... всѣхъ хвалилъ, и мнѣ говорилъ: «благодарствуй, мой другъ». Понимаешь, что это значитъ въ нашихъ отношеніяхъ».

Оказывается, что на языкѣ братьевъ Толстыхъ слово «мой другъ» была такая нѣжность, выше которой представить себѣ нельзя.

Это слово поразило отца даже въ устахъ умирающаго брата.

Я во всю свою жизнь никогда не видалъ отъ него ни одного проявленія нѣжности.

Цѣловать дѣтей онъ не любилъ и, здороваясь, дѣлалъ это только по обязанности.

Понятно поэтому, что и по отношенію къ себѣ онъ не могъ вызывать нѣжности, и что сердечная близость у него никогда не сопровождалась никакими внѣшними проявленіями.

Мнѣ, напримѣръ, никакъ не могло бы прійти въ голову просто подойти къ отцу и поцѣловать его или погладить ему руку.

Этому отчасти мѣшало и то, что я всегда смотрѣлъ на него снизу вверхъ, и его духовная мощь, его величина, мѣшала мнѣ въ немъ видѣть просто человѣка, порой жалкаго и усталаго,—слабаго старичка, которому такъ нужно было тепло и покой.

Это тепло могла давать отцу одна только Маша.

Бывало, подойдетъ, погладитъ его по рукѣ, приласкаетъ, скажетъ ласковое слово и видишь, что ему это пріятно и онъ счастливъ, и даже самъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же.

Точно съ ней онъ дѣлался другимъ человѣкомъ.

И почему Маша умѣла такъ сдѣлать, и никто другой и не смѣлъ этого пробовать?

„Пришпектъ“.

У всякаго изъ насъ вышло бы что-то неестественное, а у нея это выходило просто и сердечно.

Я не хочу сказать, что другіе близкіе люди любили отца меньше, чѣмъ Маша,—нѣтъ,—но ни у кого проявленія этой любви не были такъ теплы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ естественны, какъ у нея.

И вотъ со смертью Маши отецъ лишился этого единственнаго источника тепла, которое подъ старость лѣтъ становилось для него все нужнѣе и нужнѣе...

Другая, еще бо́льшая ея сила, —это была необычайно чуткая и отзывчивая совѣсть.

Эта ея черта была для отца еще дороже ласки.

Какъ она умѣла сглаживать всякія недоразумѣнія! Какъ она всегда заступалась за тѣхъ, на кого падали какія-нибудь нареканія, — справедливыя или несправедливыя,—все равно.

Маша умѣла все и всѣхъ умиротворять.

Когда я узналъ о томъ, что мой отецъ 28 октября ушелъ изъ дому, я прежде всего подумалъ: «Если бы жива была Маша»...

* * *

За послѣдній годъ здоровье отца стало замѣтно ослабѣвать.

Нѣсколько разъ съ нимъ дѣлались какіе-то необъяснимые внезанные обмороки, послѣ которыхъ онъ на другой день оправлялся, но временно совершенно терялъ память.

Видя въ залѣ дѣтей брата Андрея, которыя въ это время жили въ Ясной, онъ удивленно спрашивалъ, «чьи это дѣти?» — встрѣтивъ мою жену, онъ сказалъ ей: «ты не обидься, я знаю, что я тебя очень люблю, но кто ты, я забылъ», и, наконецъ, взойдя разъ послѣ такого обморока въ залу, онъ удивленно оглянулся и спросилъ: «а гдѣ же братъ Митенька?» (Умершій 50 лѣтъ тому назадъ) [1]).

На другой день слѣды болѣзни исчезали совершенно.

---

[1]) По этому поводу нельзя не вспомнить того, что отецъ уговорился съ Дмитріемъ Николаевичемъ, что тотъ изъ нихъ, который раньше умретъ, придетъ и навѣститъ другого. (См. гл. II).

Во время одного изъ такихъ обмороковъ братъ Сергѣй, раздѣвая отца, нашелъ у него маленькую записную книжечку.

Онъ спряталъ ее у себя, и на другой день, придя къ отцу, передалъ ее ему, сказавъ, что онъ ее не читалъ.

— Ну тебѣ-то можно было бы, — сказалъ отецъ, беря отъ него книжечку.

Этотъ дневничекъ, въ которомъ отецъ записывалъ свои сокровенныя мысли и молитвы, заведенъ имъ «только для себя», и онъ никому его не показывалъ.

Послѣ смерти отца я видѣлъ эту книжечку. Нельзя читать ее безъ слезъ.

Несмотря на громадный интересъ этихъ предсмертныхъ записокъ, я не буду приводить ихъ содержанія.

Мнѣ было бы непріятно разсказывать то, что отецъ писалъ только «для себя».

Довольно уже говоритъ за себя тотъ фактъ, что такой дневникъ былъ заведенъ.

«Настоящій дневникъ».

«Настоящій» — потому, что всѣ остальные его дневники, въ которыхъ онъ записывалъ свои отвлеченныя (не личныя) мысли и переживанія, имъ не убирались и лежали открыто на его столѣ.

Ихъ читали всѣ, кто хотѣлъ, и не только читали, но нѣкоторые «друзья» увозили ихъ къ себѣ и переписывали. Изъ-за этого, между моей матерью и «друзьями» возникла глухая и тяжелая борьба, кончившаяся тѣмъ, что отецъ завелъ себѣ этотъ новый, «свой» дневничекъ.

Ему нужна была своя «святая святыхъ», куда бы никто не могъ вторгнуться и это «свое» онъ пряталъ въ голенищѣ сапога.

* * *

Въ послѣдній разъ я былъ въ Ясной Полянѣ въ началѣ осени.

Отецъ, какъ всегда, встрѣтилъ меня ласково и привѣтливо.

Когда кто-нибудь изъ насъ, сыновей, пріѣзжалъ, онъ всегда бывалъ радъ и встрѣчалъ насъ какимъ-нибудь пріятнымъ привѣтствіемъ.

Или скажетъ, что онъ недавно меня во снѣ видѣлъ, или что онъ поджидалъ именно меня, потому что остальные всѣ недавно были,—однимъ словомъ, всегда выходило такъ, что мой пріѣздъ въ данную минуту приходился какъ разъ кстати.

Хотя я уже отчасти привыкъ къ недомоганіямъ отца, но въ этотъ разъ мнѣ его слабость особенно бросилась въ глаза.

И не такъ слабость физическая, какъ какая-то сосредоточенность и отчужденность отъ всего внѣшняго міра.

У меня отъ этого свиданія осталось очень грустное воспоминаніе.

Какъ будто отецъ избѣгалъ разговоровъ; какъ будто я чѣмъ-то передъ нимъ провинился.

Вмѣстѣ съ тѣмъ меня поразило ослабленіе его памяти.

Хотя я уже около пяти лѣтъ служилъ въ Крестьянскомъ банкѣ, и онъ это прекрасно зналъ—настолько, что даже воспользовался однимъ изъ моихъ разсказовъ изъ моей служебной практики для своей статьи, которую онъ въ это время писалъ,—но онъ въ этотъ разъ забылъ объ этомъ и спросилъ, гдѣ я служу, чѣмъ я занимаюсь?

Вообще онъ былъ разсѣянъ и какъ-то обособленъ.

Странно, что наступившее въ отцѣ рѣзкое ослабленіе памяти проявлялось только по отношенію къ людямъ и фактамъ.

Въ писательской же его работѣ этого не было и все, что было имъ написано до самыхъ послѣднихъ дней его жизни, отличается все той же, свойственной ему, логичностью и силой.

Быть-можетъ, онъ и забывалъ мелочи жизни только потому, что былъ слишкомъ погруженъ въ свою отвлеченную работу?

Въ октябрѣ моя жена была въ Ясной Полянѣ и, вернувшись оттуда разсказала мнѣ, что тамъ происходитъ что-то неладное: «мать первна, — отецъ въ молчаливомъ и подавленномъ настроеніи».

Я былъ занятъ службой, но рѣшилъ первый же свободный день посвятить на поѣздку къ родителямъ.

Я пріѣхалъ, когда въ Ясной отца уже не было.

28-го октября 1910 г. я былъ въ Москвѣ и вечеромъ узналъ по телефону отъ брата Сергѣя, что имъ получена изъ Ясной Поляны тревожная телеграмма, требующая его немедленнаго пріѣзда.

Мы выѣхали въ 12 часовъ ночи и рано утромъ были уже на станціи Козловкѣ-Засѣкѣ.

Отъ кучера Андрея мы узнали, что отецъ наканунѣ утромъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ и никто не знаетъ, гдѣ онъ сейчасъ находится. Неизвѣстно даже, въ какую сторону онъ поѣхалъ,—на сѣверъ или на югъ, такъ какъ въ 6 часовъ утра, когда онъ былъ на станціи Ясенки, одновременно отходятъ поѣзда и въ то и другое направленіе.

Это извѣстіе было для меня совершенно неожиданно и я помню, какъ тутъ же меня испугало одно странное совпаденіе, на первый взглядъ незначительное, но въ данномъ случаѣ, показавшееся мнѣ знаменательнымъ.

Отецъ ушелъ изъ Ясной Поляны 28-го числа. Опять это роковое число, совпадавшее со всѣми значительными совпаденіями его жизни!

Значитъ опять произошло въ его жизни что-то рѣшительное, что-то важное. Значитъ онъ уже не вернется!

Отецъ не признавалъ никакихъ предразсудковъ, не боялся самъ садиться за столъ тринадцатымъ, часто вышучивалъ разныя примѣты, но число 28 онъ считалъ своимъ и любилъ его.

Онъ родился въ 28 году, 28 августа. 28 числа вышла въ печать первая его книга «Дѣтство и Отрочество», 28 родился его первый сынъ, 28 была первая свадьба одного изъ его сыновей и вотъ, наконецъ, 28 онъ ушелъ изъ дома, чтобы больше никогда не вернуться. Пріѣхавъ въ Ясную, мы застали тамъ сестру Александру и братьевъ Андрея и Михаила.

Въ передней насъ встрѣтила мама, рыдающая, растерянная и жалкая. Весь этотъ день всѣ мы ютились кучками по осиротѣвшимъ комнатамъ, снова и снова выслушивали разсказы о случившемся, дѣлали предположенія о томъ, гдѣ теперь можетъ быть папа, можетъ ли онъ вернуться, и обсуждали, что намъ дѣлать.

Ближайшая наша обязанность—это была забота о матери, состояніе которой внушало намъ серьезныя опасенія. Пріѣхавшій изъ Тулы, по нашему вызову, врачъ-психіатръ посовѣтовалъ не оставлять ее одну, и приставить къ ней сестру милосердія. Было рѣшено, что двое изъ насъ въ первое время должны остаться въ Ясной.

Въ то же время сестра Саша готовилась ѣхать къ отцу, но усиленно скрывала отъ насъ, куда она поѣдетъ и когда выѣдетъ.

Вечеромъ мы написали отцу письма и передали ихъ ей. На словахъ мы поручили ей передать отцу,

Комнаты отца въ томъ видѣ, какъ онѣ имъ покинуты 28 октября 1910 года.
Въ той комнатѣ налѣво кожаный диванъ. На кровати подушечка „отъ одной изъ 600 шамардинскихъ дуръ“. (См. слѣд. главу.)

чтобы онъ не безпокоился о мамѣ, что мы ее бережемъ, а Сашу просили заботиться о немъ и беречь его.

Въ эту же ночь я уѣхалъ къ себѣ въ Калугу.

Никто не сказалъ мнѣ, куда уѣхалъ отецъ, но я былъ такъ увѣренъ въ томъ, что онъ въ Шамардинѣ у тети Маши, что, на слѣдующій же день я пошелъ къ калужскому губернатору князю Горчакову и попросилъ его принять мѣры, чтобы козельская полиція не причинила отцу непріятностей изъ-за того, что у него не было съ собой никакихъ документовъ.

Шамардино отъ Калуги въ 50 верстахъ.

Въ это время у меня въ Калугѣ, случайно, стояла тройка лошадей. Моя жена настойчиво совѣтовала мнѣ тогда же сѣсть въ экипажъ и ѣхать къ Марьѣ Николаевнѣ, но я этого не сдѣлалъ только потому, что я побоялся спугнуть оттуда отца.

Ему могло быть непріятно, что я узналъ, гдѣ онъ находится.

Послѣ выяснилось, что я ѣхалъ отъ Засѣки до Калуги въ томъ же вагонѣ, въ которомъ ѣхала моя сестра Саша.

Если бы я послѣдовалъ совѣту моей жены, я могъ бы пріѣхать въ Шамардино одновременно съ ней, или даже раньше, потому что сестра ѣхала по желѣзной дорогѣ окружнымъ путемъ, черезъ Тихонову пустынь и Сухиничи, а я проѣхалъ бы прямо безъ остановокъ.

Теперь я жалѣю, что я этого не сдѣлалъ.

Черезъ два дня я получилъ телеграмму, что отецъ лежитъ больной въ Астаповѣ.

Я сейчасъ же поѣхалъ туда.

Тамъ я засталъ почти всю нашу семью, пріѣхавшую изъ Ясной Поляны на экстренномъ поѣздѣ и поселившуюся на запасномъ пути въ вагонѣ перваго класса. Отецъ лежалъ въ маленькомъ красномъ флигелѣ, въ квартирѣ начальника станціи.

Около него постоянно дежурили врачи, сестры Татьяна и Александра, братъ Сергѣй и нѣсколько еще лицъ, имъ помогавшихъ.

Грустно вспомнить, что мнѣ пришлось отказаться отъ того, чтобы въ послѣдній разъ видѣть отца во время его болѣзни. Когда я пріѣхалъ, онъ былъ уже такъ слабъ, что говорилъ съ трудомъ и почти все время находился въ полузабытьѣ.

Я не пошелъ къ нему въ Астаповѣ почти по тѣмъ же причинамъ, почему я не поѣхалъ въ Шамардино. Мнѣ казалось, что если отецъ меня увидитъ, онъ пойметъ, что всѣ уже знаютъ, гдѣ онъ находится и мнѣ больно было, передъ его смертью, отнимать у него иллюзію того, что онъ исполнилъ свою мечту и скрылся.

По этой же причинѣ не пошли къ нему и остальные мои братья Андрей и Михаилъ (Левъ въ это время былъ въ Парижѣ и пріѣхалъ уже послѣ смерти отца).

Самый тяжелый вопросъ, стоявшій передъ всѣми нами во все время болѣзни отца, вопросъ необычайной важности, который, откровенно говоря, для меня до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ, — это слѣдовало ли моей матери итти къ отцу?

Всѣ дни, съ перваго, до послѣдняго, этотъ вопросъ обсуждался всѣми нами на всѣ лады, и кончилось все-таки тѣмъ, что моя мать взошла въ комнату умирающаго только тогда, когда онъ уже задремалъ въ предсмертномъ снѣ и едва ли могъ ее видѣть.

Многіе думаютъ, что моя мать не была допущена къ отцу, людьми его окружающими.

Это не вѣрно.

Когда съ отцомъ говорилъ братъ Сергѣй, онъ продиктовалъ матери телеграмму, въ которой онъ просилъ ее не пріѣзжать къ нему, потому что онъ

чувствуетъ себя настолько слабымъ, что свиданіе съ ней можетъ быть для него «губительно».

Эту телеграмму братъ принесъ въ нашъ вагонъ и передалъ ее матери.

Какъ было послѣ этого итти къ нему?

Въ другой разъ сестра Татьяна завела съ нимъ разговоръ о мамѣ. Говоря о ней, онъ страшно волновался, а когда Таня стала его успокаивать, онъ сказалъ ей, что это «важно», что это «самое важное» теперь.

Таня спросила его тогда, «хочетъ ли онъ видѣть мамà?»

Онъ промолчалъ.

Въ это время при отцѣ было шесть человѣкъ врачей, изъ которыхъ пятеро — старые друзья нашего дома.

Ихъ единогласное мнѣніе, какъ врачей и какъ близкихъ друзей, было таково: волненіе для Льва Николаевича настолько опасно, что оно можетъ его убить. Пока есть еще надежда на его спасеніе, надо его отъ всякаго волненія ограждать. Софья Андреевна должна къ нему взойти только въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого пожелаетъ.

Какъ ни жестоко казалось намъ такое рѣшеніе, но не подчиниться ему было невозможно.

Это было ясно для всѣхъ насъ.

Моя мать страшно этимъ мучилась, но дѣлать было нечего.

Каждый часъ, а иногда и чаще, днемъ и ночью, кто-нибудь изъ нашего вагона бѣгалъ къ красному домику, стучался въ форточку комнаты, гдѣ сидѣли дежурные, и возвращался назадъ съ извѣстіями о ходѣ болѣзни.

Сколько разъ я самъ, водя свою мать подъ руку, подходилъ съ ней къ этой форточкѣ, подолгу простаивалъ у окна и вмѣстѣ съ ней переживалъ тяжелыя минуты ея мучительнаго горя!

Вспоминая прошедшее, мнѣ иногда кажется, что нами была сдѣлана одна ошибка: быть-можетъ, слѣдовало тогда же, въ первые же дни болѣзни отца, сказать ему, что мама здѣсь, въ Астаповѣ.

При его ослабленномъ сознаніи, это могло бы его огорчить, потому что это отняло бы у него иллюзію того, что онъ скрылся,—но, быть-можетъ, это было бы лучше.

Лучше, потому что это была бы правда, которую, какъ мнѣ теперь кажется, мы не имѣли права скрывать отъ умирающаго.

А если онъ не вызвалъ ее изъ Ясной, жалѣя ее и боясь ее волновать?

Быть-можетъ, даже онъ думалъ, что она больна и не въ состояніи пріѣхать.

Трудно сказать, какъ слѣдовало поступить въ данномъ случаѣ.

Несомнѣнно только то, что было сдѣлано такъ, какъ казалось лучше для отца.

И то, что моя мать безропотно подчинилась убѣжденіямъ врачей, было съ ея стороны тяжелой искупительной жертвой, значеніе которой цѣнить не намъ.

ГЛАВА XXV.

Тетя Маша Толстая.

Тетя Маша Толстая, единственная сестра моего отца, была моложе его на полтора года.

Ея родами умерла моя бабушка Марія Николаевна.

Когда въ дѣтствѣ я узналъ, что тетя Маша виновница смерти своей матери, я никакъ не могъ понять, въ чемъ заключалась ея вина. Я никого объ этомъ опредѣленно не спрашивалъ, но въ глубинѣ души у меня затаилось къ ней за это какое-то не-

доброжелательное чувство, которое я не могъ побѣдить, даже несмотря на то, что тетя Маша была моей крестной матерью.

Я помню Марью Николаевну уже вдовой. Она почти каждый годъ бывала въ Ясной Полянѣ, раньше, пока ея дочери не вышли замужъ, съ дѣтьми, а позднѣе одна.

Она была замужемъ за своимъ однофамильцемъ и дальнимъ родственникомъ, гр. Валеріаномъ Петровичемъ Толстымъ.

Его имѣніе, Покровское, принадлежащее теперь дочери Марьи Николаевны, кн. Е. В. Оболенской, расположено въ Чернскомъ уѣздѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тургеневскаго «Спасскаго-Лутовинова». Тамъ Марья Николаевна встрѣчалась съ Иваномъ Сергѣевичемъ и, вмѣстѣ съ своими братьями, Николаемъ и Львомъ, принимала участіе въ той интересной и оживленной компаніи сосѣдей,—литераторовъ и охотниковъ, о которой такъ живо разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ.

Говорятъ, что одно время Тургеневъ былъ Марьей Николаевной увлеченъ.

Говорятъ даже, что онъ описалъ ее въ своемъ «Фаустѣ».

Это была рыцарская дань, которую онъ принесъ ея чистотѣ и непосредственности.

Тетя Маша до конца своей жизни сохранила о Тургеневѣ самое поэтическое воспоминаніе, ничѣмъ не запятнанное, свѣтлое и яркое.

Въ своей супружеской жизни Марья Николаевна, повидимому, не была счастлива. Незадолго до смерти ея мужа, она съ нимъ разъѣхалась и поселилась въ своемъ собственномъ имѣніи Пироговѣ, Крапивенскаго уѣзда, гдѣ, въ трехъ верстахъ отъ усадьбы дяди Сергѣя Николаевича, у нея былъ небольшой

Марія Николаевна Толстая.

хуторъ и домъ. Тамъ она прожила съ перерывами нѣсколько лѣтъ до 1889 года, пока не познакомилась съ Оптинскимъ старцемъ Амвросіемъ и не поступила въ основанный имъ Шамардинскій женскій монастырь, гдѣ и скончалась въ 1912 году, черезъ полтора года послѣ смерти моего отца.

Странно, что религіозный кризисъ въ жизни моего отца и Марьи Николаевны произошелъ почти одновременно.

Въ обоихъ нихъ ярко выразилось то же суровое по отношенію къ себѣ, неуклонное и страстное исканіе истины, и та же прямота, недопускавшая никакихъ жизненныхъ компромиссовъ и полумѣръ.

Одно время, когда отецъ совершенно отшатнулся отъ православія, а тетя Маша, еще не постриженная, мечтала попасть въ монастырь, я помню, что между нею и отцомъ бывали жестокіе принципіальные споры.

Это было давно, и тогда оба они проявляли рѣзкую нетерпимость.

Иногда на этой почвѣ у нихъ бывали размолвки. Но не надолго.

Я помню, какъ тетя Маша, бывшая уже на послушаніи у Амвросія, какъ-то сказала отцу, что она хочетъ попросить у старца разрѣшенія имѣть выигрышный билетъ.

Когда отецъ сказалъ ей, что это не монашеское дѣло и что такихъ вопросовъ монаху даже задавать нельзя, она такъ обидѣлась, что ушла изъ комнаты.

Позднѣе, когда Марья Николаевна была уже пострижена, споры между нею и моимъ отцомъ стали рѣже, а за послѣдніе годы ихъ жизни я не слыхалъ ихъ ни разу.

Чѣмъ старше они становились оба, тѣмъ нѣжнѣе дѣлались ихъ взаимныя отношенія и тѣмъ бережнѣе они относились къ убѣжденіямъ другъ друга.

Какъ это ни странно, но его, совершенно отрицавшаго всякую обрядность, и ее, строгую монахиню, соединяло общее имъ обоимъ, страстное искаше Бога, котораго они оба одинаково любили, но которому молились каждый по-своему, по мѣрѣ своихъ силъ.

И оба они чутко прислушивались другъ къ другу.

Я помню одинъ трогательный случай, бывшій съ тетей Машей въ Ясной Полянѣ, который я хотѣлъ бы разсказать не какъ анекдотъ, а какъ дѣйствительно жизненную правду, на которой одинаково обрисовалась и она и мой отецъ.

Пріѣхавъ какъ-то къ намъ, тетя Маша остановилась въ комнатѣ, которая за послѣдніе годы жизни моего отца была его спальней.

Въ это время отецъ тамъ не жилъ, и эта комната была свободна.

Была осень, и по угламъ, подъ потолкомъ ютились кучки крупныхъ осеннихъ мухъ. Тетя Маша, зная, что въ правомъ углу комнаты изстари стояла полка съ образами, по близорукости своей приняла этихъ мухъ за образъ и каждый день передъ ними молилась.

Вдругъ какъ-то вечеромъ приходитъ она къ себѣ и видитъ, что тамъ, гдѣ раньше ей казалось висѣлъ образъ—ничего нѣтъ. Она позвала горничную Авдотью Васильевну и спросила ее, зачѣмъ она убрала икону?

— Марья Николаевна, тамъ иконы не было, иконы перенесены въ спальню графини, а тамъ были мухи,—такъ я ихъ смела сегодня.

Тетя Маша при мнѣ разсказала объ этомъ папà и онъ вмѣстѣ съ ней совершенно искренно ахалъ и утѣшалъ ее. Вѣдь въ томъ, что она три дня молилась на мухъ, грѣха не было, потому что она сама объ этомъ не знала.

Другой характерный случай, рисующій отношенія тети Маши къ отцу, — это подушечка, которую она ему вышила. Эту подушечку онъ всегда клалъ около себя и до сихъ поръ она лежитъ на его кровати въ его комнатѣ, покинутой имъ 28 октября 1910 года.

Когда отецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ первый разъ посѣтилъ тетю Машу въ ея Шамардинской келліи, она разсказывала ему о томъ, какъ строго монахини соблюдаютъ послушаніе. Ни одного шага, даже самаго незначительнаго, ни одна изъ нихъ не смѣетъ предпринять безъ совѣта и благословенія старца.

Отецъ возмутился тѣмъ, что монахини не живутъ своимъ умомъ, и полушутя сказалъ:

— Стало-быть, васъ тутъ 600 дуръ, которыя всѣ живутъ чужимъ умомъ. Единственный среди васъ умный человѣкъ, это ваша игуменья.

Въ это время игуменьей монастыря была слѣпая старуха мать Евфросинья, очень понравившаяся моему отцу за ея душевность и здравый умъ.

Тетя Маша запомнила эти слова Льва Николаевича и, въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Ясную, подарила ему вышитую по канвѣ подушечку «отъ одной изъ 600 шамардинскихъ дуръ».

Отецъ въ то время уже забылъ о своей шуткѣ, а когда тетя Маша ее ему напомнила, онъ сконфузился и сказалъ:

— Это я очень дурно сказалъ тогда, — это я былъ дуракъ, а вы всѣ умныя.

Отецъ очень любилъ тетю Машу и всегда чутко прислушивался къ ея сердцу.

По мѣрѣ приближенія къ старости чувство дружбы перешло въ глубокую нѣжность, которой пропитаны всѣ его послѣднія письма къ ней.

«Твой, чѣмъ старше становящійся, тѣмъ болѣе любящій тебя братъ Левъ», подписывается отецъ въ

одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ ней въ 1909 году.

«Твое письмо почти до слезъ тронуло меня и твоей любовью, и тѣмъ истиннымъ религіознымъ чувствомъ, которымъ оно проникнуто, пишетъ онъ ей въ другомъ мѣстѣ, по поводу ея письма къ Д. П. Маковицкому.

Понятно, что, когда отецъ рѣшилъ навсегда покинуть Ясную Поляну, уйти «изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни», онъ не могъ не пріѣхать къ тетѣ Машѣ, которая одна только была въ состояніи понять то, что онъ переживалъ, и могла вмѣстѣ съ нимъ поплакать и хоть немного его успокоить.

Вотъ какъ сама тетя Маша описываетъ свое послѣднее свиданіе съ братомъ въ письмѣ къ моей матери отъ 22 апрѣля 1911 года.

«Христосъ Воскресе!

«Милая Соня, очень рада была получить твое письмо; я думала, что, испытавши такое горе и отчаяніе, тебѣ не до меня, и это мнѣ было очень грустно. Я вѣрю, что, кромѣ того, что ужасно потерять такого дорогого человѣка, но что тебѣ очень тяжело. Ты спрашиваешь, какой я могла сдѣлать выводъ изъ всего случившагося? Какъ я могу знать изъ всего того, что слышала отъ разныхъ людей, близкихъ Вашему дому, что правда, что нѣтъ. Но я думаю, какъ говорится: что нѣтъ дыма безъ огня, вѣроятно, было что-нибудь неладное.

«Когда Левочка пріѣхалъ ко мнѣ, онъ сначала былъ очень удрученъ, и когда онъ мнѣ разсказывалъ, что ты бросилась въ прудъ, онъ плакалъ навзрыдъ, я не могла его видѣть безъ слезъ; но про тебя онъ мнѣ ничего не говорилъ, сказалъ только, что онъ пріѣхалъ

сюда надолго, думаетъ нанять избу у мужика и тутъ жить. Мнѣ кажется, что онъ хотѣлъ уединенія: его тяготила яснополянская жизнь (онъ мнѣ это говорилъ въ послѣдній разъ, когда я была у васъ) и вся обстановка, противная его убѣжденіямъ, онъ просто хотѣлъ устроиться по своему вкусу и жить въ уединеніи, гдѣ бы никто ему не мѣшалъ, такъ я поняла изъ его словъ. До пріѣзда Саши онъ никуда не намѣренъ былъ уѣзжать, а собирался поѣхать въ Оптину и хотѣлъ непремѣнно поговорить со старцемъ. Но Саша своимъ пріѣздомъ на другой день все перевернула вверхъ дномъ. Когда онъ уходилъ въ этотъ день ночевать въ гостиницу, онъ и не думалъ уѣзжать, а сказалъ мнѣ: «до свиданія, увидимся завтра». Каково же было на другой день мое удивленіе и отчаяніе, когда въ 5 часовъ утра (еще темно) меня разбудили и сказали, что онъ уѣзжаетъ. Я сейчасъ встала, велѣла подавать лошадь, поѣхала на гостиницу, — но онъ уже уѣхалъ, и такъ я его и не видала.

«Не знаю, что между Вами было, *** тутъ во многомъ виноватъ, но что-нибудь да было особенное, иначе Л. Н. въ свои лѣта не рѣшился бы такъ внезапно, ночью, въ такую погоду, собравшись скоро, уѣхать изъ Ясной Поляны.

«Я вѣрю, тебѣ очень тяжело, милая Соня, но ты все-таки себя не упрекай, все это случилось, конечно, по волѣ Божьей. Дни его были сочтены, и Богу угодно было послать ему это послѣднее испытаніе черезъ самаго ему близкаго и дорогого человѣка.

«Вотъ, милая Соня, какой выводъ я могла сдѣлать изъ всего этого поразительнаго и ужаснаго событія. Какъ онъ самъ былъ необыкновенный человѣкъ, такъ и кончина его была необыкновенная. Я надѣюсь, за любовь его къ Христу и работу надъ собой, чтобъ

жить по Евангелію, — Онъ, Милосердый, не оттолкнетъ его отъ Себя.

«Милая Соня, ты на меня не сердись, я откровенно тебѣ написала, что я думала и чувствовала, я хитрить передъ тобой не могу, ты мнѣ все-таки очень близка и дорога, и я всегда буду тебя любить, что бы тамъ ни было. Вѣдь онъ, милый мой Левочка, такъ тебя любилъ.

«Не знаю, въ состояніи ли я буду пріѣхать лѣтомъ на могилу Левочки; послѣ его смерти я стала очень слаба, никуда положительно не хожу, только ѣзжу въ церковь, одно мое утѣшеніе. Пріѣзжай къ намъ поговѣть, открой свою душу старцу, онъ все пойметъ и успокоитъ тебя. Богъ все проститъ и покроетъ Своей любовью. Припади къ нему со слезами, и увидишь, какъ миръ водворится въ твоей душѣ. Вѣдь . . . . . .
это все была вражья работа. Прощай, будь здорова и покойна. Любящая тебя сестра

Машенька.

«Р... Живу я съ одной монахиней, которую я никогда почти не вижу, она все ходитъ на послушаніе.

«Гдѣ ты сама живешь, Соня, и какіе твои дальнѣйшіе планы? Гдѣ ты намѣрена жить, и куда тебѣ всегда писать? У меня были по разу всѣ твои сыновья (кромѣ Левы и Миши), я имъ очень была рада: очень грустно, что я ихъ больше не вижу. Соня Илюшина была, она очень была со мной мила».

Это письмо проникнуто такой сердечностью и такой настоящей, неподдѣльной религіозностью, что хотѣлось бы на немъ закончить свои воспоминанія.

Лучшаго отношенія къ послѣднимъ событіямъ жизни отца быть не можетъ.

Мнѣ удалось посѣтить тетю Машу черезъ нѣкоторое время послѣ похоронъ отца.

Мы сидѣли съ ней въ ея маленькой уютной келліи, и она подробно разсказывала мнѣ все ту же, повторенную ею уже много-много разъ, повѣсть о томъ, какъ пріѣзжалъ къ ней мой отецъ.

— «Онъ сидѣлъ на томъ же креслѣ, на которомъ ты сейчасъ сидишь, и какъ онъ плакалъ, — вспоминала она.

«Когда пріѣхала Саша со своей подругой, онѣ стали разсматривать карту Россіи и обдумывать маршрутъ на Кавказъ. Левочка сидѣлъ грустный и задумчивый.

— «Ничего, папа, все будетъ хорошо,—пробовала подбадривать его Саша.

— «Ахъ вы, бабы, бабы,—съ горечью возразилъ отецъ,—что жъ тутъ хорошаго.

— «Я такъ надѣялась, что онъ тутъ приживется, ему тутъ было бы хорошо. Да онъ и самъ объ этомъ мечталъ, даже избу нанялъ на деревнѣ,—съ грустью вспоминала тетя Маша.

«Когда онъ уходилъ отъ меня въ гостиницу, гдѣ онъ останавливался, мнѣ даже показалось, что онъ немного успокоился.

— «Прощаясь, онъ даже пошутилъ по поводу того, что попалъ не въ тѣ двери.

«Я никакъ не могла ожидать, что онъ въ эту же ночь уѣдетъ дальше».

Очень тяжелое испытаніе пережила тетя Маша, когда старецъ Іосифъ, у котораго она была на послушаніи, запретилъ ей молиться объ умершемъ братѣ, отлученномъ отъ церкви.

Ея непосредственная душа не могла помириться съ суровой нетерпимостью церкви, и она одно время была истинно возмущена.

Другой священникъ, къ которому она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ, тоже отвѣтилъ ей отказомъ.

Марья Николаевна не смѣла ослушаться духовныхъ отцовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она чувствовала, что она не исполняетъ ихъ запрета, потому что она все-таки молится, если не словами, то чувствомъ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончился бы у нея этотъ душевный разладъ, если бы ея духовникъ, очевидно, понявшій ея нравственную пытку, не разрѣшилъ ей молиться о братѣ, но не иначе, какъ келейно, въ одиночествѣ, для того, чтобы не вводить въ соблазнъ другихъ.

ГЛАВА XXVI.

Завѣщаніе отца.—Заключеніе.

Несмотря на то, что отецъ давно уже отказался отъ авторскихъ правъ на всѣ свои сочиненія, написанныя послѣ 1881 года, и несмотря на то, что, отдавъ всю недвижимость семьѣ, онъ фактически ничѣмъ уже не владѣлъ, — онъ не могъ не сознавать, что его жизнь далеко не соотвѣтствуетъ его идеямъ, и это сознаніе мучило и точило его постоянно. Стоитъ только прочесть внимательно нѣкоторыя изъ его посмертныхъ сочиненій, чтобы понять, что вопросъ объ уходѣ изъ дома и о коренной перемѣнѣ всей его жизни возникъ у него давно и соблазнялъ его постоянно.

Это была его любимая мечта, которая манила его, но которую осуществить онъ считалъ себя не въ правѣ.

Должна быть «разумная и счастливая жизнь при всѣхъ возможныхъ условіяхъ», — говорилъ онъ, борясь съ искушеніемъ ухода и отдавая душу свою за другихъ.

Въ запискахъ Гусева я прочелъ, что отецъ какъ-то въ бесѣдѣ съ крестьяниномъ Гусаровымъ, рѣшившимъ уйти изъ дому изъ-за религіозныхъ убѣжденій, сказалъ ему: «Моя жизнь во сто тысячъ разъ отвратительнѣе, чѣмъ ваша, а я не могу отъ нея уйти».

Я не буду перечислять тѣхъ ругательныхъ и недоумѣвающихъ писемъ, которыя отецъ получалъ отъ многихъ людей, упрекавшихъ его въ роскоши, въ непослѣдовательности и даже въ истязаніи своихъ крестьянъ.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе они на него производили.

Онъ говорилъ, что «хорошо, что есть поводъ его бранить», называлъ эти ругательства «банею для души», но внутри себя онъ страдалъ отъ этой бани и не видалъ исхода. Онъ несъ свой крестъ и въ этой самоотверженности заключалась его сила, которой многіе не могли или не хотѣли понимать.

Онъ одинъ, вопреки всѣмъ, его окружающимъ, зналъ, что этотъ крестъ дарованъ ему не людьми, а Богомъ, и пока онъ былъ силенъ, онъ любилъ свою ношу, и ни съ кѣмъ ею не дѣлился.

И какъ 30 лѣтъ до этого отца мучилъ соблазнъ самоубійства, такъ теперь онъ боролся съ новымъ искушеніемъ, еще болѣе властнымъ—съ соблазномъ ухода.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Ясной, онъ былъ въ Овсянникахъ у Маріи Александровны Шмидтъ и сознался ей, что ему хочется уйти.

Старушка всплеснула руками и въ ужасѣ сказала:

— Душенька, Левъ Николаевичъ, это слабость на васъ напала... Это пройдетъ.

И отецъ отвѣтилъ:

— «Да, слабость, можетъ-быть и пройдетъ».

Въ предпослѣднемъ своемъ письмѣ къ Сережѣ и Танѣ, помѣченномъ: Шамардино, 4 часа утра 31 окт. 1910 г., онъ пишетъ: «Благодарю васъ очень, милые друзья—истинные друзья—Сережа и Таня, за ваше участіе въ моемъ горѣ и за ваши письма. Твое письмо, Сережа, мнѣ было особенно радостно. Коротко, ясно и содержательно и, главное, добро. Не могу не бояться всего и не могу освобождать себя отъ отвѣтственности, но *не осилилъ* [1]) поступить иначе...

Когда я 28 октября 1910 года узналъ о томъ, что отецъ уѣхалъ изъ Ясной, у меня шевельнулась та же мысль, и я даже изложилъ ее въ письмѣ къ нему, посланномъ мною черезъ сестру Сашу въ Шамардино.

Я не зналъ тогда про нѣкоторыя обстоятельства, впослѣдствіи выяснившія для меня очень многое.

Съ момента смерти отца и до сихъ поръ, я усиленно думалъ о томъ, что могло его толкнуть на его послѣдній шагъ. Какая сила могла заставить его уступить въ его многолѣтней борьбѣ, въ которой онъ такъ твердо и неуклонно держался?

Гдѣ та послѣдняя капля, та песчинка, которая перевѣсила чашу его вѣсовъ и толкнула его къ поискамъ новой жизни на самомъ краю могилы?

Неужели отецъ могъ уйти оттого, что его жена, прожившая съ нимъ 48 лѣтъ, заболѣла неврастеніей и одно время проявляла нѣкоторыя ненормальности, свойственныя этимъ заболѣваніямъ?

Развѣ это похоже на него, такъ любившаго людей и такъ знавшаго человѣческую душу?

---

[1]) Курсивъ мой.

Или онъ хотѣлъ 82 лѣтъ отроду, слабый и безпомощный, осуществить идеалъ странническаго существованія?

Но тогда зачѣмъ же онъ взялъ съ собой сестру Сашу и доктора Маковицкаго?

Онъ не могъ не знать, что съ ними онъ будетъ совершенно такъ же обезпеченъ всѣмъ необходимымъ, какъ и въ Ясной Полянѣ.

Вѣдь это былъ бы сознательный самообманъ.

Зная отца, я чувствовалъ, что вопросъ объ его уходѣ не такъ простъ, какъ онъ казался другимъ, и я долго стоялъ передъ неразрѣшенной загадкой, пока мнѣ ее не выяснило оставленное имъ завѣщаніе.

Я помню, какъ послѣ смерти Н. С. Лѣскова отецъ читалъ намъ вслухъ его посмертныя распоряженія относительно похоронъ по послѣднему разряду, относительно неговоренія рѣчей на его могилѣ и т. д. и какъ тутъ, въ первый разъ, ему пришла въ голову мысль написать свое завѣщаніе.

Первое его завѣщаніе записано имъ въ дневникѣ 27 марта 1895 года.

Оно полностью помѣщено въ «Толстовскомъ ежегодникѣ» 1912 года, и поэтому я здѣсь приведу только выдержки.

Первые два пункта касаются похоронъ и извѣщеній о смерти.

Третій пунктъ посвященъ разбору и печатанію его посмертныхъ бумагъ, и четвертый, на которомъ я, главнымъ образомъ, хочу остановиться, заключаетъ въ себѣ просьбу наслѣдниковъ передать право изданія его сочиненій обществу, т.-е. отказаться отъ авторскаго права.

«Но только *прошу* [1]), а никакъ не завѣщаю. Сдѣлать это хорошо. Хорошо будетъ это и для васъ,—

---

[1]) Курсивъ мой.

не сдѣлаете,—это ваше дѣло. Значитъ, вы не готовы этого сдѣлать. То, что мои сочиненія продавались эти послѣднія десять лѣтъ, было самымъ тяжелымъ для меня дѣломъ въ жизни».

Завѣщаніе это, переписанное въ трехъ экземплярахъ, хранилось у моей покойной сестры Маши, у брата Сергѣя и у Черткова.

Я смутно зналъ о его существованіи, но до смерти отца я его не читалъ и никого о немъ не разспрашивалъ.

Я зналъ взглядъ отца на литературную собственность, и для меня его завѣщаніе не могло ничего прибавить новаго.

Я зналъ также и то, что завѣщаніе это не было юридически оформлено, и мнѣ лично это было пріятно, потому что въ этомъ я видѣлъ доказательство довѣрія отца къ семьѣ.

Нечего говорить, что я никогда не сомнѣвался въ томъ, что воля отца будетъ исполнена.

Такъ же на это смотрѣла и сестра Маша, съ которой у меня былъ одинъ разъ по поводу этого разговоръ, и Таня, съ которой отецъ всегда былъ откровененъ и отъ которой онъ ничего не скрывалъ.

Какъ-то лѣтомъ 1910 года, въ разговорѣ съ нимъ, Таня сказала:

«Знай, что я никогда за твои сочиненія не возьму ни копейки».

— «Спасибо, спасибо, душенька», сказалъ онъ, трепля ее по плечу.

Въ 1909 году отецъ гостилъ у г. Черткова въ Крекшинѣ и тамъ въ первый разъ онъ написалъ формальное завѣщаніе, скрѣпленное подписью свидѣтелей.

Этимъ завѣщаніемъ онъ свои авторскія права передавалъ всѣмъ; тамъ еще ничего не говорилось о передачѣ авторскаго права дочери Александрѣ.

Какъ это завѣщаніе писалось, я не знаю и говорить объ этомъ не буду.

Потомъ оказалось, что и это завѣщаніе было недостаточно твердо юридически, и въ октябрѣ 1909 г. его пришлось передѣлать снова.

О томъ, какъ писалось новое завѣщаніе, прекрасно разсказываетъ г. Ф. Страховъ [1]) въ статьѣ, помѣщенной имъ въ «Петербургской Газетѣ» 6 ноября 1911 года.

Г. Страховъ выѣхалъ изъ Москвы ночью. Софья Андреевна, «присутствіе которой въ Ясной Полянѣ было крайне нежелательно для того дѣла, по которому онъ ѣхалъ», по его предположеніямъ должна была находиться еще въ Москвѣ.

Дѣло это, какъ это выяснилось на предварительномъ совѣщаніи В. Г. Черткова съ присяжнымъ повѣреннымъ Н. К. Муравьевымъ, состояло въ томъ, что въ виду преклоннаго возраста Льва Николаевича явилась неотложная необходимость обезпечить его волю посредствомъ болѣе прочнаго юридическаго акта.

Страховъ привезъ съ собой проектъ завѣщанія и положилъ его передъ Львомъ Николаевичемъ.

Дочитавъ бумагу до конца, онъ тотчасъ же подписалъ подъ ея текстомъ, что согласенъ съ тѣмъ, что въ ней изложено, а затѣмъ, подумавъ, сказалъ:

«Тяжело мнѣ все это дѣло. Да и не нужно это. Обезпечивать распространеніе моихъ мыслей посредствомъ разныхъ тамъ мѣръ... да и не можетъ пропасть безслѣдно слово, если оно выражаетъ истину, и если человѣкъ, высказывающій это слово, глубоко вѣритъ въ истинность его. А эти всѣ внѣшнія мѣры обезпеченія—только отъ невѣрія нашего въ то, что мы высказываемъ».

---

[1]) Не Николай Николаевичъ.

Сказавъ это, Л. Н. вышелъ изъ кабинета.

Послѣ этого г. Страховъ сталъ соображать, что ему ѣлать дальше, уѣхать ни съ чѣмъ или возражать.

Рѣшивъ возражать, онъ сталъ доказывать отцу, акъ больно будетъ его друзьямъ слушать послѣ мерти Льва Николаевича упреки въ томъ, что онъ, есмотря на свои взгляды, ничего не предпринялъ для существленія своего желанія и тѣмъ поспособство-алъ переводу своей литературной собственности на воихъ семейныхъ.

Л. Н. обѣщалъ подумать и опять ушелъ.

За обѣдомъ Софья Андреевна, «повидимому, была алека отъ всякаго подозрѣнія».

Однако въ отсутствіе Л. Н. она спросила г. Страхова, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

Такъ какъ «кромѣ вышеизложеннаго» дѣла у г. Страхова были другія дѣла, то онъ, «съ легкимъ сердцемъ» сообщилъ ей о томъ и другомъ, разумѣется, умолчавъ о главной миссіи.

Далѣе г. Страховъ описываетъ вторую свою поѣздку въ Ясную, когда онъ пріѣхалъ подписывать то же завѣщаніе въ качествѣ свидѣтеля.

Когда онъ пріѣхалъ, «графиня еще не выходила».

«Я вздохнулъ свободнѣе.

«Сдѣлавъ свое дѣло, прощаясь съ Софьей Андреевной, я внимательно всмотрѣлся въ ея лицо: полное спокойствіе и радушіе по отношенію къ отъѣзжающимъ гостямъ было настолько ясно на немъ выражено, что я нимало не сомнѣвался въ ея полномъ невѣдѣніи.

«Я уѣзжалъ съ пріятнымъ сознаніемъ тщательно исполненнаго дѣла, долженствующаго имѣть несомнѣнныя историческія послѣдствія. Только маленькій червячокъ копошился внутри меня: то были угрызенія совѣсти, причинявшія мнѣ нѣкоторое безпокойство за конспиративный характеръ нашихъ дѣйствій».

Но и на этомъ текстѣ завѣщанія «друзья и совѣтчики» отца не нашли возможнымъ остановиться и передѣлали его вновь и на этотъ разъ уже окончательно въ іюлѣ 1910 года.

Послѣднее завѣщаніе было написано отцомъ въ Лимоновскомъ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ дома, недалеко отъ имѣнія г. Черткова.

Такова печальная исторія этого акта, долженствовавшаго имѣть «историческія послѣдствія».

— Тяжело мнѣ все это дѣло, да и ненужно, — сказалъ отецъ, подписывая подсунутую ему бумагу.

Вотъ настоящее его отношеніе къ своему завѣщанію, не измѣнившееся до конца его дней.

Развѣ этому нужно доказательства?

Мнѣ кажется, что достаточно хоть немного знать его убѣжденія, чтобы въ этомъ не сомнѣваться.

Развѣ могъ Левъ Николаевичъ Толстой обратиться къ защитѣ суда и закона?

И развѣ онъ могъ скрывать этотъ поступокъ отъ своей жены, отъ своихъ дѣтей?

Если въ постороннемъ человѣкѣ, въ г. Страховѣ, гдѣ-то копошился маленькій червячокъ угрызенія совѣсти за «конспиративный» характеръ его дѣйствій, что же долженъ былъ испытывать самъ Л. Н.?

Вѣдь онъ оказался въ положеніи, дѣйствительно, безвыходномъ.

Разсказать все женѣ — нельзя, потому что это огорчило бы друзей. Уничтожить завѣщаніе — еще хуже. Вѣдь друзья страдали за его убѣжденія,— нравственно и нѣкоторые даже матеріально: были высылаемы изъ Россіи. И онъ чувствовалъ себя передъ ними обязаннымъ.

А тутъ еще обмороки, прогрессирующая забывчивость, ясное сознаніе близости могилы и все увеличивающаяся нервность жены, сердцемъ чующей ка-

Могила отца.

кую-то неестественную обособленность мужа и непонимающей его.

А если она спроситъ его: что онъ отъ нея скрываетъ?

Не сказать ничего или сказать правду?

Вѣдь это же невозможно.

Что же дѣлать?

И вотъ тутъ давно лелѣянная мечта объ уходѣ изъ Ясной Поляны оказалась единственнымъ выходомъ.

Не для того отецъ ушелъ изъ дому, чтобы осуществить свою мечту, а онъ ушелъ только для того, чтобы меньше было грѣха.

— Я слишкомъ слабъ и старъ, чтобы начать новую жизнь,—говорилъ онъ одному изъ близкихъ къ нему людей за нѣсколько дней до своего ухода.

Измученный, больной физически и нравственно, онъ поѣхалъ безъ цѣли, безъ заранѣе намѣченнаго направленія, только для того, чтобы куда-нибудь скрыться и отдохнуть отъ тѣхъ нравственныхъ пытокъ, которыя сдѣлались ему невыносимы.

— Бѣжать, бѣжать,—говорилъ онъ въ предсмертномъ бреду, лежа въ Астаповѣ.

— Взвѣсилъ ли папа то, что мама можетъ не пережить разлуки съ нимъ?—спросилъ я у сестры Саши 29 октября, когда она собиралась уѣзжать къ нему въ Шамардино.

— Да, онъ считался и съ этимъ, и все-таки онъ рѣшилъ уйти, потому что считаетъ, что хуже того положенія, которое создалось теперь, быть не можетъ,—отвѣтила мнѣ она.

Я сознаю, что мое объясненіе ухода отца далеко не исчерпываетъ вопроса.

Жизнь сложна до безконечности, и поэтому всякое толкованіе поступка человѣка не можетъ не грѣшить односторонностью.

Кромѣ того, есть обстоятельства, о которыхъ, до поры, до времени, не хочется говорить, чтобы не причинить лишней боли людямъ, еще живущимъ.

Хочется вѣрить въ то, что во всемъ происшедшемъ больше обвиняемыхъ, чѣмъ виновныхъ.

Быть-можетъ, если бы тѣ люди, которые за послѣдніе годы жизни моего отца близко къ нему стояли, вѣдали бы, что они творили, быть-можетъ, въ такомъ случаѣ обстоятельства сложились бы иначе.

Пройдутъ года.

Многое тогда забудется и сгладится.

Все то, что ограничено временемъ и пространствомъ,—все это, какъ «ненужное и внѣшнее» со временемъ отпадетъ.

И тогда еще ярче освѣтятся тѣ завѣты любви и правды, въ которые глубоко вѣрилъ мой отецъ, которымъ онъ служилъ, насколько было у него силъ, и которые, по его же выраженію, «не могутъ пропасть безслѣдно».

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 073917046